61:06-7/791

Московский государственный открытый педагогический университет
им. М.А. Шолохова

На правах
рукописи

Иванишкина Юлия Вячеславовна

Е.К. БРЕШКО-БРЕШКОВСКАЯ:
общественно-политические взгляды и деятельность

Специальность 07.00.02. – отечественная история
Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор А.И. Юрьев

Москва 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Глава I. Становление общественно-политических взглядов и начало революционной деятельности Е.К. Брешко-Брешковской 29

§ 1. Истоки и факторы формирования общественной позиции Е.К. Брешко-Брешковской 29

§ 2. Начало революционной деятельности Е.К. Брешко-Брешковской; участие в народническом кружке «Киевская Коммуна» 39

§ 3. Пропагандистская деятельность Е.К. Брешко-Брешковской во время «хождения в народ» 53

Глава II. Участие Е.К. Брешко-Брешковской в организации и формировании теоретической платформы партии социалистов-революционеров 70

§ 1. Первое заключение и ссылки Е.К. Брешко-Брешковской 70

§ 2. Е.К. Брешко-Брешковская – одна из организаторов и идеологов партии социалистов-революционеров 94

Глава III. Роль и место Е.К. Брешко-Брешковской в партии социалистов-революционеров 117

§ 1. Участие Е.К. Брешко-Брешковской в организации эсеровской эмиграции и борьба за расширение террора 117

§ 2. Организаторская и пропагандистская деятельность Е.К. Брешко-Брешковской после возвращения в Россию и новый арест 139

Глава IV. Участие Е.К. Брешко-Брешковской в общественно-политической борьбе в 1917 году 167

§ 1. Общественная деятельность Е.К. Брешко-Брешковской от Февраля к лету 1917 года 167

§ 2. Е.К. Брешко-Брешковская – одна из лидеров «правых» эсеров 178

§ 3. Углубление идеологических разногласий в партии социалистов-революционеров и Октябрьская революция 195

Глава V. Деятельность Е.К. Брешко-Брешковской в годы гражданской войны и эмиграции 221

§ 1. Участие Е.К. Брешко-Брешковской в демократическом сопротивлении большевистской власти 221

§ 2. Общественно-политическая деятельность Е.К. Брешко-Брешковской в эмиграции 235

Заключение 259

Список использованных источников и литературы 275

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Е.К. Брешко-Брешковская[1] (1844-1934) - одна из создателей и лидеров партии социалистов-революционеров. Обладая независимой политической позицией, огромным авторитетом внутри партии и возможностью реально влиять на выработку всего партийного курса, Брешковская всегда была прежде всего духовным лидером и примером для подражания эсеровской молодежи, так как олицетворяла собой те качества, которые особенно ценились в партии социалистов-революционеров – преданность революционным идеалам, готовность к подвигу, личную жертвенность. В эсеровской партии, где, в отличие от РСДРП, всегда возвеличивалась роль отдельных героических личностей – авторитет Брешковской был необыкновенно высок.

Но ее деятельность в качестве революционерки не исчерпывается годами работы в партии эсеров, - не случайно, прошедшая весь путь русского революционного движения, Брешковская заслуженно получила в отечественной истории имя «Бабушки русской революции». Начав свой революционный путь в семнадцать лет с просветительской работой среди крестьян, участвуя в «хождении в народ» еще в семидесятых годах XIX века и просидев двадцать два года в царских тюрьмах, она и в 1917 году активно участвовала в политической жизни страны, ратуя за немедленную передачу земли крестьянам и арест Ленина и Троцкого. За время долгой жизни Брешковской в истории России сменилось несколько эпох, и всегда она была не простым наблюдателем, а активным участником всех важнейших событий, происходивших на ее глазах.

В неопубликованной статье «Е.К. Брешковская и ее друзья в истории России», авторство которой приписывается А.Ф. Керенскому, так сказано о ней: «Жизнь Катерины Брешковской – живая история целого

[1] Далее - Брешковская

столетия», она прошла путь от «крепостного права, черной реакции императора Николая I до красной реакции Ленина, коммунизма. Никогда и нигде в истории на расстоянии одной человеческой жизни события не развивались с такой стремительностью». [1]

Выбор в качестве объекта исследования фигуры Брешковской объясняется особой ролью, которую она играла в партии социалистов-революционеров, самостоятельностью ее политической позиции и влиянием, оказанным ею на выработку как всего курса партии, так и отдельных пунктов ее программы. В настоящее время переосмысление значения партии эсеров в истории российского революционного движения справедливо является одной из наиболее злободневных тем отечественной истории, а проблема освещения роли отдельных личностей, игравших определяющую роль в этой партии, находится в ряду самых актуальных в истории ПСР.

Особую важность исследованию придает тот факт, что эта крупная фигура в силу понятных причин долгое время была обойдена вниманием историков. Несмотря на наличие огромной источниковой базы, почти не введенной в научный оборот, серьезные работы, посвященные жизни и деятельности Брешковской, отсутствуют. В советской историографии в качестве общепринятой утвердилась определенная точка зрения на эту историческую фигуру, вследствие чего Брешковская заняла место в обширном ряду деятелей, якобы отставших от исторического процесса и не заслуживающих особого внимания исследователей.

Хронологические рамки исследования определяются временем от 50-60 гг. XIX в., что обусловлено необходимостью показать истоки, этапы и факторы формирования гражданской позиции и общественно-политических взглядов Е.К. Брешковской; этап, начавшийся в 70-е гг. XIX в. и продлившийся вплоть до начала 30-х гг. XX в. являет собой время

[1] ГАРФ. Ф. 5878. (Редакция газеты «Дни».) Оп. 2. Д. 124. (Керенский А.Ф. «Брешковская и ее друзья в истории России»).

активной революционной и общественно-политической деятельности Е.К. Брешковской, одновременно представляя собой период эволюции ее идейных установок.

Целью исследования является создание основанного на фундаментальной источниковой базе комплексного исследования общественно-политических взглядов и деятельности Е.К. Брешковской.

Задачи исследования:

- обобщить и систематизировать всю имеющуюся информацию по хронологическому принципу, выявить этапы деятельности Е.К. Брешковской и характеризующие их особенности;
- исследовать, в том числе мало изученные аспекты деятельности Е.К. Брешковской, такие как ее участие в деятельности «Киевской Коммуны» и «хождении в народ», в годы гражданской войны и эмиграции;
- рассмотреть в процессе эволюции общественно-политические взгляды, мировоззренческие установки и особенности нравственного сознания Е.К. Брешковской, ее представления о конечных целях революционной деятельности;
- проанализировать степень влияния Е.К. Брешковской на идеологию и программу партии социалистов-революционеров, оценить ее вклад во внесение в программу ПСР террористической составляющей, определение партийной прокрестьянской ориентации, исследовать заложенные и развитые «бабушкой русской революции» методы эсеровской работы в крестьянстве;
- выявить роль Е.К. Брешковской в организации ПСР и последующем партийном строительстве, ее место в партии социалистов-революционеров;
- показать значение Е.К. Брешковской в социально-политической борьбе в 1917 году от февраля к октябрю и после Октябрьской революции, участие в развитии внутрипартийного конфликта и расколе ПСР, проанализировать итоги ее деятельности и причины поражения, которое потерпело

политическое направление, одним из лидеров которого являлась Е.К. Брешковская;

- изучить и проанализировать обширное публицистическое наследие революционерки, обобщить уже имеющиеся и дополнить их новыми представлениями об общественно-политических взглядах и деятельности такой неординарной исторической личности как Е.К. Брешковская.

Методологическая основа исследования. Теоретико-методологическую основу работы составляет комплексное использование различных научных методов: проблемно-хронологического, сравнительно-сопоставительного, историко-системного, ретроспективного и социологического. Архивные материалы сопоставлялись с другими источниками, все собранные сведения также подвергались качественным методам анализа и оценивались с точки зрения их достоверности и информативности.

Принимая во внимание огромный количественный объем материалов, при работе с источниками автором были использованы методы фронтального, целенаправленного и выборочного исследования. Целенаправленный поиск проводился при работе с заранее известными и разыскиваемыми материалами, к выборочному просмотру пришлось прибегнуть при наличии большого количества источников, сходных по содержанию. В работе использованы элементы структурно-функционального метода, в рамках институционального подхода рассматривается влияние царского правительства и карательных органов Российской империи на становление и развитие деятельности революционеров, их взаимовлияние, методы, применяемые в борьбе друг с другом.

Основными использованными принципами являются всестороннесть, объективность, системность, историзм, единство абстрактного и конкретного, а также критическая интерпретация изучаемых фактов,

процессов и явлений. Теоретические положения работы учитывают выводы российских и зарубежных историков.

Источниковая база диссертации делится на несколько блоков. Источники, послужившие основой исследования, представлены материалами архивных фондов, периодической печати того времени и многочисленными воспоминаниями самой Брешковской и ее современников.

Источники официального характера – это, прежде всего, документы партии социалистов-революционеров - (стенограммы съездов, программные документы, прокламации, воззвания), и полицейские документы (различные циркуляры, приказы, донесения и тому подобное).

Указанные неопубликованные источники отложились в фондах партийных организаций и членов партии, фондах иного происхождения, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Российском Государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд, находящийся в Государственном Архиве Российской Федерации,[1] содержит наиболее полное собрание источников – 984 единицы хранения, периода с 1894 по 1938 год, но основная их часть касается все-таки эмигрантского периода жизни Брешковской. Документы поступили в ГАРФ из Русского Заграничного Исторического Архива (РЗИА) и Русского Культурно-исторического музея в Праге в 1945 году.

Основные сведения о раннем, народническом этапе деятельности Брешковской содержатся в материалах расследования деятельности кружка «Киевская Коммуна», проходившего в рамках «процесса 193».[2] В данных источниках содержатся показания самой революционерки, ее сопроцессников и свидетелей, но односторонность приведенных в них судебно-следственных материалов и тот факт, что приводимая информация

---

[1] ГАРФ. Ф. 5975. (Ф. Е.К. Брешковской)

[2] ГАРФ. Ф. 112. (Ф. Департамента полиции) Оп.1. Д. 334, 335, 336, 378, 379, 498, Д. 499, Д. 500, 567, 568, 569; Оп. 2. Д. 496.

дана под давлением, вызывает необходимость серьезной источниковедческой фильтрации.[1] Проанализированы материалы и более поздних полицейских дел, посвященных Брешковской и датируемых 10-ми гг. XX века.[2]

Количество материалов, касающихся 1917 года, менее значительно и рассеяно по всем перечисленным далее фондам. Из документов, находящихся в фонде № 5975, следует отдельно упомянуть агитационные брошюры и листовки, посвященные Брешковской, афиши ее выступлений и письма-обращения к революционерке рядовых эсеров и людей, сочувствующих ее деятельности.[3]

Эмигрантский период представлен наиболее обширно - наряду с материалами личного фонда Брешковской № 5975, большое количество документов находится в фонде редакции газеты «Дни», с которой она сотрудничала на протяжении ряда лет.[4] Крупный массив материалов по последним годам жизни Брешковской содержится в фондах эсера Е.Е. Лазарева, специально занимавшегося подбором и сохранением документов и публикаций, в частности некрологов, посвященных Брешковской. [5]

Особое внимание автор уделил личной переписке Брешковской, которая в сочетании с другими источниками позволяет почувствовать атмосферу времени, уточнить и конкретизировать идейные и общественные позиции авторов, эволюцию их взглядов, личные особенности и нюансы отношений, то есть те подробности, которые

---

[1] ГАРФ. Ф. 112. (Ф. Департамента полиции) Оп.1. Д. 334, 335, 336, 378, 379, 498, Д. 499, Д. 500, 567, 568, 569; Оп. 2. Д. 496.

[2] ГАРФ. Ф. 102. (Ф. Департамента полиции) Оп. 1903. №842(1). (Дело врача-бактериолога Гершуни); Оп. 316. 1. Ч.1. (Сообщения заведующего агентурой).

[3] Ф. 5975. (Ф. Е.К. Брешковской) Оп. 1. Д. 774. (Письма Брешковской Е.К. от общественных организаций); Д. 802. (Брошюры и листовки (эсеровские), посвященные Брешковской).

[4] ГАРФ. Ф. 5878. (Ф. редакции газеты «Дни») Оп. 1. Д. 33. (Е.К. Брешковская «Снующая Русь»); Оп. 2. Д. 14. (Она же. «По закону»); Д. 124. («Брешковская и ее друзья в истории России»).

[5] ГАРФ. Ф. 5824. (Ф. Е.Е. Лазарева) Оп. 1. Д. 119. (Статьи Е.Е. Лазарева, посвященные Брешковской).

невозможно увидеть в политических документах и источниках другого рода.[1]

Важным источником для написания работы явились личные фонды как однопартийцев Брешковской, так и просто ее многочисленных друзей и знакомых. Письма Брешковской и другие разрозненные свидетельства ее деятельности содержатся в двадцати личных фондах ГАРФ.[2] Особый интерес представляет статья А.Ф. Керенского «Брешковская и ее друзья в истории России»,[3] целиком посвященная оценке роли Брешковской и ее соратников в истории русского революционного движения.

Крупный личный фонд Брешковской находится в Российском Государственном Архиве социально-политической истории (РГАСПИ), но содержащиеся в нем материалы также по большей части представляют период эмиграции. В огромном количестве источников, касающихся деятельности Брешковской, преобладают нарративные: воспоминания, дневники, письма, также теоретические и публицистические работы. Значительную часть источниковой базы диссертации составляет эпистолярное наследие самой Брешковской, в большинстве неопубликованное, непредвзятое изучение которого представляет немалый интерес. Минусом обширного фонда Брешковской в РГАСПИ является значительное количество коротких, обрывочных заметок на общие темы, а огромный по объему «Психологический очерк»[4] практически целиком посвящен истории становления и развития характера Брешковской, в то время как вопросам внутрипартийной жизни, политической и террористической борьбы отведено крайне мало места. Отдельные проблемы партийного строительства и малоизвестные организационные

---

[1] Ф. 5824. Оп. 1. Д. 250, 258, 599; Ф. 5975. Оп. 1. Д. 129; Ф. 5824. Оп. 1. Д. 599.

[2] Ф. 5789, 5805, 5824, 5825, 5831, 5839, 5847,5865,5878, 5881, 5917, 5962, 6065, 6075, 6328, 6405, 6753, 6845, 7026.

[3] ГАРФ. Ф. 5878. (Редакция газеты «Дни».) Оп. 2. Д. 124. (Керенский А.Ф. «Брешковская и ее друзья в истории России»)

[4] РГАСПИ. Ф. 274. (Ф. Е.К. Брешковской) Оп. 4. Д. 47. («Психологический очерк»)

аспекты истории революционного движения 70-х годов отражены в следующих работах мемуарного характера.[1] В многочисленных воспоминаниях и письмах периода эмиграции,[2] Брешковская описывает события многолетней давности в ретроспективе, что дает возможность почувствовать эволюцию взглядов и оценок революционерки.

Часто противоречивые, как в оценках, так и в передаче фактического материала, воспоминания Брешковской как исторический источник требуют тщательного и скрупулезного анализа и сопоставления материалов, содержащихся в них. Большое количество фактов, приводимых Брешковской, встречается лишь в единственном упоминании в отдельном источнике, что затрудняет возможность проверки достоверности данной информации или справедливости ее трактовки.

Несомненно, большое значение ее мемуарных и публицистических трудов для изучения как революционного движения в России в целом, так и его отдельных аспектов. При исследовании огромного наследия Брешковской происходит детализация многих известных событий, открываются новые ранее неизвестные подробности.

Вторую группу источников образуют опубликованные документы и материалы. Большое количество источников официального характера, рассказывающих о деятельности Брешковской в качестве одного из

---

[1] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 21.(«Конспиративная квартира в Киеве, известная под названием «Коммуна». 1873-1874), Д. 22. («К образованию партии»), Д. 46. («К истории организации ПСР»), Д. 48. («Воспоминания»).

[2] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 12. (Записи Архангельской Л.В.), Д. 24. (Брешковская Е.К. «Завещание братьям чехословакам их бабки Катерины Брешковской»), Д. 25. (Она же. «Свободный гражданин земли Русской»), Д. 31. (Она же. «Письмо заключенным в советских тюрьмах с.р.»).

лидеров эсеровской партии опубликовано в сборниках документов, практически все из которых изданы в конце 1990-х.- нач. 2000-х гг.[1]

В работе над данным исследованием широко применена периодическая печать конца XIX–первой половины XX века. Этот комплекс источников можно подразделить на три наиболее крупных группы:

1.) Нелегальная революционная пресса, изданная в дореволюционный период, к которому относятся такие издания, как газеты «Революционная Россия», «Вестник русской революции», журнал по истории революционного движения «Былое». [2]

2.) Пресса за 1917-1918 год представлена такими центральными эсеровскими газетами, как «Воля народа», «Дело народа», «Партийные известия»[3] - анализ указанных публикаций позволяет наглядно проследить все этапы внутрипартийной борьбы в 1917 году. Что касается 1918 года, к этому времени на советской территории начала действовать строгая цензура и какая-либо информация о Брешковской в центральной прессе практически отсутствовала, в связи с чем особое внимание автора уделено

---

[1] Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи. (197-1997) Т.1. М. 1999; Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т.I. М. РОССПЭН. 2000; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т.I. 1900 – 1907. М.1996; Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года. Документы из архива ПСР. Амстердам. 1989; Революционное народничество 70-х гг. XIX века; Судебный процесс над социалистами-революционерами. (июнь-август 1922 г) М. 2000; Трудовая народно-социалистическая партия. Документы и материалы. М. 2003.

[2] Бакай М.Е. Из воспоминаний М.Е. Бакая «Провокаторы и провокация»\Былое. №8. 1908; Брешко-Брешковская Е.К. О национальном вопросе\Революционная Россия. №43. 1904; Брешко-Брешковская Е.К. Письма старого друга/Революционная Россия. №69.1905; Движение 70-х годов по Большому процессу. Воспоминания Старика/Былое. № 12. 1906; Помощник присяжного поверенного Семяновский – один из первых карийцев\Былое. №11. 1906; По поводу статьи с.р. Мои отношения к Азефу. Письма в редакцию «Былого»\Былое. Париж. № 9-12.1909; Шишко Л.К. К вопросу о роли интеллигенции в революционном движении\Вестник русской революции. Женева. № 2. 1902; По поводу статьи с.р. Мои отношения к Азефу. Письма в редакцию «Былого; Рутенберг П.О. Дело Гапона. Ч. 1.\Былое. № 9-12. Париж. 1909.

[3] «Дело народа». № 24, 27, 37, 38, 41, 47, 63, 81, 82, 89, 110, 112, 149, 151, 156, 157, 162, 164, 166, 167, 175, 179, 186, 205, 218, 221, 223, 226, 229, 284 1917г.; 3 января, 10 марта, 18, 26 – 28, 30 апреля, 16, 18 мая, 20 июня 1918г.; 20, 23, 25 марта 1919г; Фракция партии с.р. Учредительного Собрания и ее деятельность\Партийные известия. Пг. 20 января 1918 г.

газетам отдельных городов, еще не охваченных советской властью, например, правительства Комуча - «Народ», «Наш день» (Самара), также проэсеровским - «Народное дело» (Уфа), «Власть народа» (Челябинск) и «Дальневосточное обозрение». (Владивосток) Как правило, это обращения Брешковской[1] и сообщения о ее деятельности. (1917-1918)[2]

3.) Русская периодика, издававшаяся за рубежом после 1918 года, очень обширна - данный период характеризуется преобладанием материалов мемуарного характера. Особенно широко использованы материалы таких эмигрантских газет и журналов, как: «Воля России», «Дни», «Последние новости», «Современные записки», «Последние новости», «Новый журнал», «Иллюстрированный журнал». В целом периодику данного периода можно подразделить на три группы: воспоминания[3], а также многочисленные статьи, посвященные юбилеям Брешковской,[4] и некрологи. [1]

---

[1] Брешко-Брешковская Е.К. Какая помощь нужна правительству. Власть народа. Челябинск. 16.10.1918; Общая надежда\Власть народа. Челябинск. 12.10.1918; О кооперации\Народное дело. Уфа.02.11.1918; Почему мы бедны и невежественны\Народное дело.Уфа. 14.09.1918; Разве так помогают Родине?\Власть народа. Челябинск. 27.10.1918; Спешная помощь общему горю\Народное дело.Уфа. 21.09.1918;

[2] Бабушку хотят послать в Америку\Народное дело. Уфа.29.10.1918; Беседа с Брешковской\Власть народа. Челябинск. 08.08.1918; Государственное Совещание\Народное дело. Уфа. 27.08.1918; Встреча Брешковской с Жанно\Наш день. Самара. 16.08.1918; Делегация в Америку\Народ. Уфа. 13.11.1918; К Государственному Совещанию\Народное дело. Уфа. 08.09.1918; Кооперативное движение\Власть народа. Челябинск. 23.08.1918; Миссия Брешковской\Власть народа. Челябинск. 29.10.1918; На Государственном Совещании в Уфе\Власть народа. Челябинск. 21.10.1918; О телеграмме Брешковской\Власть народа. Челябинск. 01.08.1918; Отъезд в Америку бабушки Брешковской\Народ. Уфа. 14.10. 1918; Покажите лицо\Народное дело. Уфа. 09.11.1918; Посол Фрэнсис\Дальневосточное обозрение. 27.03.1918; Приезд Брешковской\Наш день. Самара. 06.08.1918; Резолюция Карпаторусского съезда\Народное дело. Уфа. 31.10.1918.

[3] Брешко-Брешковская Е.К. Как я ходила в народ/Новый журнал. Нью-Йорк. № 62. 1960; Ранние годы\Новый журнал. Кн. 60. Июнь 1960;1917 год\Новый журнал. Кн. 38. 1954; Ильин И.С. Комуч\Новый журнал. Нью-Йорк. Кн. 65. 1961.

[4] Авксентьев Н.Д. Брешковская Е.К. (к 85-летнему юбилею)/Современные записки. Париж. 1929; Кускова Е. Брешко-Брешковская Е.К. (К 85-летию)\Последние новости. Прага. №1. 1929; Лазарев Е.Е. Бабушка Брешковская/Воля России. 1 февраля 1924; Сухомлин В.В. Политические

Долгое время в царской России отсутствовала литература, рассказывающая о «Киевской Коммуне» и «хождении в народ»; официально не издавались ни воспоминания, ни судебные дела, касающиеся этой темы. Лишь в 1906 году выходит книга «Процесс 193-х», содержащая следственные материалы о «хождении в народ»; рассказывается в ней и о деятельности Коммуны, которая, как это видно при анализе материалов, представленных в ней, освещается достаточно односторонне.[2]

Несмотря на практически полное отсутствие научных исследований, посвященных деятельности Е.К. Брешковской, существует достаточно большое количество ее биографий, написанных соратниками по партии, так как, начиная с 1917 года, друзья Брешковской активно записывают и издают ее воспоминания под собственной редактурой и вкупе с собственными вставками. Но эти работы имеют популярный, описательный характер, упор в них, как правило, делается на личности Брешковской, а не на анализе ее деятельности. Несмотря на несомненную фактологическую ценность, данные биографии смело можно отнести к беллетристике, так как они носят чисто апологетический характер и не имеют самостоятельной научной значимости.[3] В ряду этих изданий наибольший интерес представляет объемная книга «The Little Grahdmother of Russian Revolution: Reminiscences and Letteps of Catherine Breshkovcky», изданная в Бостоне в 1918 году, при помощи подруги Брешковской, известного деятеля американского женского движения Алисы Стоун-

---

заметки: по поводу 85-летия Брешко-Брешковской Е.К.\Воля России. Прага. Февраль 1929; Якушева Е. Брешко-Брешковская Е.К. К чествованию за границей ее 85-летия\ Воля России. Прага. 1924.

[1] Брешко-Брешковский Н.Н. Воспоминания сына\Иллюстрированный журнал; Долгоруков П. (кн.) Три встречи/ Современные записки. № 56. Париж. 1934; Керенский А.Ф. Брешковская Е.К. (1844 – 1934) Некролог/Современные записки. Париж. № 54. 1934.

[2] Процесс 193-х. М. 1906. С. 85.

[3] Авксентьев Н.Д. Брешковская Е.К. (к 85-летнему юбилею)/Современные записки. Париж. 1929; Кирьяков. Дедушка и бабушка русской революции. Пг. 1917; Попов И.И. Брешко-Брешковская Е.К. Бабушка русской революции. М. 1918.

Блеквелл. Данное издание не переведено на русский язык. Первая часть книги состоит из перевода на английский язык воспоминаний Брешковской, записанных во время ее пребывания в США в 19О4-1905 годах и опубликованных на идише в нью-йоркской газете «Forvari»; хронологически они охватывают период от рождения Брешковской до ее первой высылки в Сибирь. Вторая часть книги состоит, главным образом, из писем Брешковской к американским и нескольким русским друзьям и охватывает период с 1878 по 1917 годы. Также в книгу включены несколько интервью Брешковской и стихи, посвященные ей.[1]

Мемуары, касающиеся жизни и деятельности Брешковской, на редкость многочисленны и разнообразны, благодаря чему дают обширный материал для дополнения и сопоставления соответствующих архивных источников. В силу ограниченного объема диссертационной работы не представляется возможным охарактеризовать и проанализировать их все, поэтому рассмотрены лишь наиболее интересные. Заслуживают внимания «Записки полковника Иванишина».[2] Г.А. Иванишин с декабря 1906 года являлся заведующим арестантскими помещениями Петропавловской крепости. Его записные книжки содержат, главным образом, впечатления от общения с заключенными, их высказывания о тюремном режиме, выдержки из перлюстрированных писем, описания свиданий с родными, обязательным свидетелем, которых должен был быть смотритель тюрьмы. К группе источников подобного рода можно отнести и мемуары сотрудников царской полиции А.И. Спиридовича и В.Д. Новицкого,[3]

---

[1] A.S. Blackwell. The Little Grahdmother of Russian Revolution: Reminiscences and Letteps of Catherine Breshkovcky. Boston. 1918; Бабушка Брешко-Брешковская Е.К. о самой себе. Пг. 1917; Воспоминания пропагандистки; Обязанности свободных граждан. Лозанна. б.г. Брешко-Брешковская Е.К. Из воспоминаний. Лешерн, Армфельдт, Лебедева, Крылова, Гельфман. М. 1919; «A messaqe to the American people. By Caterihe Breshkovsky. Introol by Georqe Kennan. New-York. 1919; Что нам делать в Учредительном собрании? М. 1917.

[2] Записные книжки полковника Иванишина/Минувшее.1994. № 17.

[3] Ника/Жандармы России. Политический розыск в России. XI-XX вв.; Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. М. 1991; Спиридович А.И. Записки жандарма. Пролетарий. 1928;

которые несмотря на изначальную предвзятость и тенденциозность, ценны как представляющие точку зрения противоположную значительно более широко представленной революционеров.

Особый интерес представляют воспоминания сына Брешковской – писателя и художественного критика Н.Н. Брешко-Брешковского. Первая часть мемуаров рассказывает о семье Вериго, детстве Брешковской, ее замужестве, аресте и ссылке и написана сыном по воспоминаниям родных.[1] Вторая повествует о встрече с матерью в 1896 году после ее возвращения из ссылки, в ней приводятся рассказы Брешковской о ее жизни в Сибири, дается описание внешности и черт характера революционерки.[2]

В сборнике мемуаров «Карийская трагедия» (1889) содержатся воспоминания Е.Н. Ковальской «Женская каторга», рассказывающие об известных событиях на Карийской каторге; в контексте данной темы они интересны тем, что в них дается крайне нелицеприятная характеристика Брешковской, чего практически не встречается в других воспоминаниях ее соратников по революционной борьбе.[3] Сравнивая этот источник со знаменитой книгой Джорджа Кеннана «Сибирь и ссылка» и воспоминаниями самой Брешковской об этих же событиях, можно легко заметить, что последняя опускает многие важные моменты, касающиеся ее деятельности в данный период, например, даже не упоминает о происшедшем в это время покушении Кутитонской на генерал-губернатора, в организации которого Ковальская обвиняет Брешковскую, и о котором, как о событии, получившем большой резонанс, рассказывает Кеннан.[4]

Наиболее многочисленная группа мемуаров, рассказывающих о Брешковской – это воспоминания ее единомышленников и соратников по

Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886 – 1916. Пг. 1918; Он же. При царском режиме\Архив русской революции. Т. 15-16. 1993.

[1] Брешко-Брешковский Н.Н. Воспоминания сына\Иллюстрированный журнал. 1934. С. 8

[2] Там же. № 13. С. 81-89.

[3] Ковальская Е.Н. Женская каторга. Из воспоминаний\Карийская трагедия. Пг. 1920.

[4] Кеннан Джордж. Сибирь и ссылка. Спб. 1906.

революционной борьбе.[1] Авторы, которыми, как правило, являются революционеры, близко знавшие Брешковскую, не могли избежать определенной эмоциональности, и наряду с передачей богатого фактологического материала, наиболее подробно описывали положительные стороны характера Брешковской, ставшие причиной ее высокого авторитета в революционной среде. Немалый интерес имеет оценка деятельности и личности Брешковской представителями других политических лагерей.[2] Данные источники, представляя собой взгляд со стороны, содержат наиболее разносторонние оценки, аналогичных которым нет в других мемуарах.

Степень изученности проблемы. Начало традиции определенного трактования фигуры Брешковской в советской историографии было

---

[1] Бах А.Н. Автобиография\Деятели СССР и революционного движения России. М. 1989; Бурцев. В. В погоне за провокаторами. М. 1985; Вишняк М. Всероссийское Учредительное Собрание. Париж. 1932; Он же. Дань прошлому. Нью-Йорк. 1954; Он же. «Современные записки». Воспоминания редактора. Спб. 1993; Гедеоновский А.В. Автобиография\Деятели СССР и революционного движения России. М. 1989; Дебагорий-Мокриевич В.К. Автобиография\Деятели СССР и революционного движения России. М. 1989; Зензинов В.М. Из жизни революционера. 1919; Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк. 1953; Кирьяков. Дедушка и бабушка русской революции. Пг.1917; Ковалик С.Ф. Революционное движение 70-х гг.\Революционеры 70-х гг. Л. 1986; Ковальская Е.Н. Женская каторга. Из воспоминаний\Карийская трагедия (1885). Пг. 1920; Лазарев Е.Е. Из переписки с друзьями. Ужгород. 1935; Он же. Моя жизнь. Прага. 1935; Майнов И.И. Автобиография\Деятели СССР и революционного движения России. М. 1989; Морозов Н.А. Повести моей жизни. М. 1961; Панкратов В.С. Воспоминания\Архив новейшей истории России. Публикации. Т. Ш. М. 2001; Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М. Московский рабочий. 1990; Слетов С.Н. К истории возникновения партии социалистов-революционеров. Пг. 1917; Сорокин Питирим. Дальняя дорога. Автобиография. М. 1992; Степняк-Кравчинский М. Подпольная Россия\Грозовая туча России. М. 2001; Тютчев Н.С. В ссылке и другие воспоминания. М. 1925; Чарушин Н.В. О далеком прошлом. М. 1973; Чернов В. М. Перед бурей. М. 1993.

[2] Аксакова Г.А. Дочь генеалога\Минувшее. № 4. 1996; Амфитеатров-Кадашев В.А. Страницы из дневника\Минувшее. № 20. М.-Спб. 1996; Алданов М. Картины октябрьской революции. Исторические портреты. Спб. 1999; Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. (1918-1920); Корнилов А.А. Воспоминания\Минувшее. № 11; Лутохин Д.А. Зарубежные пастыри\Минувшее. № 22. 1997; Половцовы (мать и дочь) Мне бы только умереть около нее\Минувшее; Щербатов А.П. (кн.) Молитва за Россию / Аргументы и факты. 26 октября 2004. № 44. С.22.

положено В.И. Лениным, который в предисловии к работе «Государство и революция», написанной в августе 1917 года, однозначно причислил Брешковскую к представителям враждебного большевикам лагеря «социалистического шовинизма».[1] Это провозглашенное Лениным «господствующее в официальных социалистических партиях всего мира течение социалистического шовинизма», к которому, по его мнению, принадлежала и Брешковская, является социализмом лишь на словах, поскольку отличается подлым лакейским приспособлением «вождей социализма» к интересам не только «своей» национальной буржуазии, но именно «своего» государства...»[2] К пособникам буржуазии и единомышленникам Брешковской Ленин отнес таких видных деятелей российского и мирового социалистического движения, как Плеханов, Потресов, Рубанович, Церетели, Чернов, Шейдеман, Давид, Ренодель и Вандервельд.

Правых эсеров Ленин приравнивал к кадетам, в сентябре 1917 года он написал, напрямую отделяя «правых» от эсеров вообще: «...эсеры могут продолжать игру в соглашения с кадетами, с Брешковской и Керенским, чем они лучше кадетов?».[3] Брешковская лично обозначена Лениным как «г-жа Плеханова» среди эсеров, или г-жа Потресова в эсеровском «дне». Им было высказано мнение, что народное недовольство политикой Временного правительства вызвано, прежде всего, изменой «вождей» интересам большинства населения, и главной ошибкой эсеровских лидеров стала опора на «меньшинство вопреки основам демократизма».[4]

Подобные негативные высказывания в адрес Брешковской содержатся и в статьях «Письмо Питерской городской конференции» и «Удержат ли большевики государственную власть?»

---

[1] Ленин В.И. Государство и революция \ ПСС. М. 1962. Т. 34. С. 3.

[2] Там же. С. 4.

[3] Ленин В. И. Русская революция и гражданская война / ПСС. Т. 34. М. 1962. С. 250.

[4] Ленин В.И. О героях подлога и об ошибках большевиков / ПСС. Т. 34. М. 1962. С. 123.

Столь однозначные оценки исключали какую-либо полемику по данному вопросу в дальнейшем. Фактически советские историки получили четко ограниченные рамки рассмотрения этой фигуры, выход за которые был практически невозможен. Во время судебного процесса над лидерами социалистов-революционеров, проходившего в Москве в 1922 году, ранее высказанные оценки были лишь закреплены и канонизированы.[1]

Публикация целого ряда небольших по объему книг и брошюр об эсерах, большая часть которых была подготовлена по прямым указаниям Оргбюро ЦК РКП (б), носила чисто агитационный характер. В нескольких книгах, вышедших в это время, Брешковская показана исключительно в качестве ярой контрреволюционерки. Например, в 1922 году увидела свет брошюра Ю. Стеклова «Партия социалистов-революционеров (правых эсеров)», в которой ее деятельность, как и других выдающихся деятелей эсеровской партии, описывается исключительно в черных красках: «Брешковская – пресловутая бабушка, оказалась на старости лет агентом американского капитализма, союзницей Савинкова, белогвардейкой чистой пробы...»[2] Резко враждебное отношение революционерки к большевистской власти объяснялось в советских брошюрах тем, что по причине преклонного возраста «старая народница 70–х годов Брешковская» выжила из ума, по причине чего и не смогла разобраться в новой ситуации.[3]

Образ Брешковской, известной как «бабушка русской революции», в течение всего советского периода позиционировался как незначительный третьестепенный персонаж, зачастую рассматриваемый с определенной иронией; достоянием общества становились лишь обрывочные и

---

[1] Вардин И. Политические партии и русская революция. М. 1922; Каменев Л.Б. Между двумя революциями. М. 1923; Луначарский А.В. Бывшие люди: очерк истории партии эсеров. М. 1922; Мещеряков В.Н. Партия социалистов-революционеров. М. 1922; Попов Н.Н. Что должен знать каждый рабочий о процессе социалистов-революционеров. М. 1922; Черномордик С. Эсеры (партия социалистов-революционеров). М. 1929.

[2] Стеклов Ю. Партия социалистов-революционеров (правых эсеров) М. 1922. С. 20.

[3] Стеклов Ю. Партия социалистов-революционеров (правых эсеров) М. 1922. С. 20.

порочащие репутацию революционерки эпизоды ее огромной биографии. На протяжении долгих лет информация о Брешковской ограничивалась отдельными упоминаниями в справочных изданиях: в «БСЭ» за 1951 год приводится тот факт, что она «...за границей вела клеветническую кампанию против пролетарской революции и выступала за подготовку новой интервенции против Советской России»,[1] в «СИЭ» за 1962 год, указано, что Брешковская «во время I мировой войны занимала социал-шовинистическую позицию»;[2] при этом практически во всех энциклопедиях замалчивается ее дореволюционная деятельность.[3]

Внимание историков было сосредоточено на изучении роли эсеров в истории революции и гражданской войны, вследствие чего неоднократно муссировались особо популярные эпизоды с получением пресловутой «революционеркой» Брешковской иностранных денег для организации антибольшевистской борьбы и поддержкой ею Савинкова во время попытки совершения «корниловского переворота».[4] Один из немногих примеров, который приводится относительно нее в книге Л.М. Спирина «Россия. 1917 год. Из истории борьбы политических партий», – это случай, произошедший во время предвыборной компании в Учредительное

---

[1] Большая Советская Энциклопедия. Т.1. М. 1951 г. С. 91.

[2] Советская Историческая Энциклопедия. Т. 2. М. 1962 С. 725.

[3] Большая Советская Энциклопедия. Т. 6. 1951; История гражданской войны в СССР. Т. 1. М. 1938; Т. 3. М. 1957; Советская Историческая Энциклопедия. Т. 2. М. 1962.

[4] Антисоветская интервенция и ее крах. 1917-1922. М. 1987; Гармиза В. В. Крушение эсеровских правительств. М. 1970; Гинев В.Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 году. (К истории банкротства неонародничества) М. 1977; Голинков Д.А. Крах вражеского подполья. 1971; Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М. 1975; Знаменский О.Н. Учредительное Собрание: история созыва и политического крушения. 1976; Комин Б.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской Социалистической революции. М. 1965; Леванов Б.В. Из истории борьбы большевистской партии против эсеров в годы первой русской революции. Л. 1974; Селезнев Г.К. Крах заговора. Агрессия США против Советского государства в 1917-1920 гг. М. 1963; Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России. (1917-1920) М. 1968; Он же. Россия. 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М. 1987.

собрание, когда Брешковской пришлось признать, что тактика большевиков пользуется большой популярностью у крестьян. [1]

В книге В.Н. Гинева «Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 году», внимание на личность Брешковской обращено в связи с так и несостоявшимся союзом правых эсеров с энесами и трудовиками, «высказывавшими сожаление о том, что «воленародцы» не решились окончательно отделиться от партии».[2] Подобные факты должны были лишний раз подтвердить ленинские постулаты о мелкобуржуазности правых эсеров, что находит отражение и в названии книги.

В исследовании Г.Д. Алексеевой «Критика эсеровской концепции Октябрьской революции», посвященном теоретическим разногласиям между большевиками и эсерами, высказывания Брешковской об интеллигенции приводятся в качестве подтверждения мелкобуржуазности эсеров: «Эти люди, выходящие как из самой массы, так и из культурных слоев, могут и должны взять на себя руководство нравственной и физической силой народа и направлять эту силу на разрушение страшной и мрачной твердыни царского самодержавия». Алексеева классифицирует подобные слова как «позицию мелкобуржуазного теоретика»; неприятие классовой борьбы и ведущей роли пролетариата в революции, которое разделяла и Брешковская, являлось одним из главных, неприемлемых для марксистской идеологии недостатков ПСР.[3]

Для подтверждения определенной исторической концепции широко использовался подбор фактов, важнейшие вехи деятельности Брешковской, связанные с годами дореволюционной работы, при этом опускались. Исследователи не касались роли лидеров ПСР в истории освободительного движения; в работах, посвященных «хождению в народ», Брешковская упоминается крайне скупо, и в основном в связи с ходом

---

[1] Спирин Л. М. Россия. 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М. 1987. С. 143.

[2] Гинев В.Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 году. (К истории банкротства неонародничества) М. 1977. С. 51.

[3] Алексеева Г.Д. Критика эсеровской концепции Октябрьской революции. М. 1989. С. 76.

«процесса 193», хотя среди участников революционного движения 70-х годов XIX века она занимала видное место.[1] Героями советских исторических работ, посвященных этому периоду, чаще всего становились революционеры, не дожившие до Октябрьской революции и не успевшие дать какой-либо оценки этому событию. Результатом подобного одностороннего подхода к этой фигуре стало отсутствие целостной картины жизни и деятельности революционерки.

В отдельных исследованиях советского периода, наряду с умолчаниями, встречаются и фактологические ошибки. Например, в работе Б.В. Леванова «Из истории борьбы большевиков против эсеров в годы первой русской революции», Брешковская и Гершуни названы бывшими народовольцами, также указывается, что во главе организации партии стояла Л. Родионова-Клячко, а Брешковская и Гершуни возглавили работу по объединению революционных сил лишь после ее ареста в начале 1900 года.[2] Другой вывод сделан Н.Д. Ерофеевым, который писал, что в 1917 году, несмотря на «леворадикальную позицию отдельных лидеров социалистов-революционеров, как Брешковская», в целом, «в руководстве партии преобладающей оказалась иная тенденция – стремление к сближению с активизировавшимся в это время либеральным движением», хотя именно Брешковская являлась наиболее активной сторонницей коалиции с правыми партиями.[3]

С началом перестройки ситуация с изучением истории немарксистских социалистических партий стала постепенно меняться – уже в 1990-е годы результаты исследований последних лет нашли свое выражение в ряде обобщающих трудов, таких, как: «Политическая история России в партиях и лицах», «История политических партий России», «Политические партии

---

[1] Итенберг Б.С. Движение революционного народничества. Народнические кружки и хождение в народ в 70-е гг. XIX в. М. 1965.; Меламед Е.И. Русские университеты Джорджа Кеннана. Иркутск. 1988; Троицкий Н.А. Общественное движение в пореформенной России\ Сб. статей. М. 1965.

[2] Леванов Б.В. Из истории борьбы большевиков против эсеров в годы первой русской революции. М. 1974. С. 74.

[3] Народные социалисты\Политическая история России в партиях и лицах. М. 1993. С.160.

России. Конец XIX – первая треть XX века» и многих других; в них впервые введен в научный оборот значительный фактологический материал, в том числе и статьи о видных политических деятелях дореволюционной России, включая Брешковскую.[1]

Появилось значительное количество беспристрастных научных трудов о ПСР в целом[2], и хотя до настоящего времени не существует исследований, полностью посвященных фигуре Е.К. Брешковской, в работах общего характера встречаются отдельные факты и вопросы, связанные с ее деятельностью.

В последнее десятилетие появились исследования, посвященные более узким проблемам истории ПСР, в которых также рассматриваются вопросы деятельности Брешковской.[3]

Мнения историков партии в оценке фигуры Брешковской расходятся, причем основные противоречия касаются ее роли в организации

---

[1] Политические деятели России: биографический словарь. М. 1995; Политические партии России. Конец XIX-пер. треть XX вв. М. 1996; История политических партий в России. М. 1993; Политическая история России в партиях и лицах. М. 1994.

[2] Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая пол. XIX-начало XX в. М. 2000; Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров 1901-1911 гг. М. 1998; Он же. Савинков Б.В. и судебно-следственная комиссия по делу Азефа/ Минувшее: Исторический альманах. М.- СПб. 1995. Вып. 18; Гусев К.В. Рыцари террора. М. 1992; Касаров Г.Г. Партия социалистов-революционеров. М. 1995; Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М. 1997; Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907-1914 гг. М. 1998; Сивохина Т.А. Политические партии в послеоктябрьской России: сотрудничество и борьба. М. 1995; Юрьев А.И. Социалисты-революционеры Центрального промышленного района России (февраль 1917 – июль 1918 гг.) М. 1993; Он же. Социалисты-революционеры Центрального промышленного района России от февраля к октябрю 1917 года. М. 1994.

[3] Добровольский А.В. Социалисты-революционеры Сибири в 1917-нач. 1920-х гг. Новосибирск. 2000; Камнева Г.П. История возникновения партии социалистов-революционеров: проблемы отечественной историографии второй половины XX века. 1999; Лавров В.М. «Крестьянский парламент» России. (Всероссийские съезды советов крестьянских депутатов в 1917-1918 гг.) М. 1996; Медведев В.Г. Белый режим под красным флагом. (Поволжье. 1918.) Ульяновск. 1998; Поликарпов Е.В. Идеология народничества в России. М. 2001; Протасов Л.Г. Всероссийское учредительное собрание: история рождения и гибели. М. 1996; Протасова О.Л. А.В. Пешехонов. Человек и эпоха. М. 2004; Трукан Н.А. Антибольшевистские правительства России. М. 2000

место работу с крестьянами, и «скептиком» в вопросах террористической борьбы. Автор подчеркивает, что «скептики не отрицали террора в принципе, но были недовольны чрезмерным увлечением им», хотя у Брешковской случались конфликты с большинством членов ЦК по поводу ее чересчур активной пропаганды террора и выступлений вдохновляемых ею же аграрных террористов.[1]

М.И. Леонов также утверждает, что так называемые представители левого крыла «с известной долей предубеждения относились к непомерному возвеличиванию роли террора, и роли БО в особенности».[2]

Многие исследователи истории ПСР полагали, что Брешковская довольно негативно относилась к деятельности БО и дальнейшему расширению террористической борьбы. Всегда считавшая террор важнейшей составляющей партийной работы, в разные периоды жизни в зависимости от конкретной ситуации она могла конфликтовать с представителями БО по поводу каких-либо частных проблем, чем, вероятно, и вызваны разночтения исследователей относительно ее позиции по отношению к террористической борьбе в целом.

Специалист по истории террористической борьбы Р.А. Городницкий в работе «Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901-1911 гг.» высказал однозначное мнение о взглядах членов ЦК на террористические методы борьбы: «...было бы наивно предполагать, ...что в результате частичной отделенности БО руководители партии находились в неведении или среди членов ЦК были рьяные противники террора... Думается, что и члены ЦК Брешковская и Чернов также не могли пожаловаться на плохую

---

[1] Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907-1914 гг. 1998. С. 151.

[2] М.И. Леонов Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 годах. М. 1997. С. 124.

осведомленность в сфере боевых мероприятий ПСР», тем более что Брешковская и была одним из инициаторов создания БО и главным вербовщиком террористов в первые годы существования этой организации.[1] Таким образом, Р.А. Городницкий приходит к выводу, что «...почти весь состав ЦК и был реальным руководителем террористической кампании, развернутой в России в 1902-1903 годах». На основании разночтений, касающихся Азефа, Городницкий подверг сомнению «фактологическую ценность» всех мемуарных заметок Брешковской».[2] Хотя воспоминания Брешковской, безусловно, требуют серьезного источниковедческого анализа, известно, что полностью избежать личного фактора в мемуарах крайне трудно.

Последний период жизни революционерки, связанный с гражданской войной и эмиграцией, освещен наиболее поверхностно и в основном представлен эпизодически.[3]

Единственное исследование, специально посвященное деятельности Брешковской и носящее объективный научный характер - это небольшая статья Д. Филд «Воспоминания Брешко-Брешковской Е.К. о «хождении в народ» в 1870-х годах. Опыт источниковедческого анализа», которая носит источниковедческий характер и опубликована в сборнике, посвященном памяти П.С. Зайончковского.[4] Исследование ограничено в своих рамках

---

[1] Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901-1911 гг. 1998. С. 30

[2] Там же. С. 173.

[3] Алексеев В.А. Штурм небес отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М. 1992; Антропов О.К. История отечественной эмиграции. Кн. I. Ч. I. Астрахань. 1996; Будницкий О.В. Послы несуществующей страны\«Совершенно лично и доверительно». Б. А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919-1951. Т. 1. М. 2001. Вырыпаев В.О. Каппелевцы\Каппель и каппелевцы. М. 2004; Очерки антибольшевистской эмиграции 1920-1940-х гг. Вып. 4. 2001; Привалова Е.А. В союзе с белогвардейской прессой. Американское бюро печати в Советской России. (1917-1920-е гг.) 1986; Челябинские письма «Бабушки русской революции»/Челябинск неизвестный. Краеведческий сборник. Вып. 3. Челябинск. 2002.

[4] Филд. Д. Воспоминания Е.К. Брешко-Брешковской о «хождении в народ» в 1970-х годах. Опыт источниковедческого анализа/Памяти А.А.Зайончковского. М. 1994.

лишь изучением воспоминаний Брешковской о хождении в народ – другие области деятельности революционерки в ней не затрагиваются. В этой статье дан наиболее полный список мемуарных сочинений Брешковской, в которых фигурирует «хождение в народ»; путем сравнения разных видов источников и их анализа Филд пытается установить степень достоверности ее воспоминаний. Итогом его исследований стала критика ценности мемуаров Брешковской, посвященных данному периоду.

Западные историки рассматривают фигуру Брешковской прежде всего в рамках гендерного подхода, для объяснения особенностей ее личности и деятельности используя уже традиционный для западной исторической традиции написания биографических исследований психоанализ. В данном контексте в западной историографии Брешковская упоминается в ряду самых эмансипированных женщин в истории революционного движения России, что, действительно, соответствует истине, особенно учитывая близость Брешковской с виднейшими американскими феминистками.[1]

Таким образом, можно сделать вывод, что на сегодняшний день исследования, в которых избранная тема рассматривалась бы в качестве предмета специального изучения как в теоретическом, так и в конкретно-историческом плане практически отсутствуют.

Научная новизна. Данная диссертация представляет собой первый опыт комплексного исследования общественно-политических взглядов и деятельности Е.К. Брешковской, созданного на основании фундаментальной источниковой базы и охватывающего все этапы жизни видной революционерки, благодаря чему показан весомый вклад Брешковской в историю революционного движения. Личность Е.К. Брешковской, несмотря на масштаб ее деятельности, на протяжении многих лет была обойдена вниманием историков и освещалась фрагментарно и выборочно - в связи с участием революционерки в тех или

[1] Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. (1860-1930) М. 2001.

иных рассматриваемых событиях. Соответственно, вне поля зрения историков остались общественно-политические и теоретико-идеологические взгляды одной из лидеров и основателей ПСР. В результате исследования обобщен и переосмыслен впервые вводимый в научный оборот крупный фактологический массив, раскрывающий общественно-политические взгляды и деятельность Е.К. Брешковской, систематизирован и проанализирован ряд данных, связанных с возникновением и деятельностью ПСР, - тем самым внесен определенный вклад в углубление знаний по важным проблемам отечественной истории.

Практическая значимость диссертации. Выводы и обобщения, содержащиеся в исследовании, помогают создать целостную концепцию роли и значения Е.К. Брешковской как революционного и общественно-политического деятеля конца XIX-нач. XX вв., показывают ее реальное влияние на политические и общественные процессы, происходившие в России в данный период, способствуют развитию и расширению представлений об исторических условиях, на фоне которых проходила революционная деятельность Брешковской, что, в свою очередь, обеспечивает лучшее понимание процессов, происходивших в российской истории.

Материалы диссертации могут служить фактической базой для совершенствования отдельных тем в рамках общих и специальных курсов по отечественной истории XIX-XX вв., а также для подготовки обобщенных трудов по истории России, их преподавательской практики, для разработки учебно-методических пособий по курсам отечественной истории.

Апробация разработанных проблем. Диссертация была подготовлена и обсуждалась на кафедре отечественной истории МГОПУ им. М.А. Шолохова. Основные теоретические и практические положения нашли апробацию в ряде публикаций и докладах автора.

Структура работы. В соответствии с целями и задачами исследования работа состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и литераратуры.

ГЛАВА I

СТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ И НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Е.К. БРЕШКО-БРЕШКОВСКОЙ

§ 1. Истоки и факторы формирования общественной позиции Е.К. Брешко-Брешковской

Екатерина Константиновна Брешковская, в девичестве Вериго, родилась 13 января (по старому стилю) 1844 года в селе Иваново Невельского уезда Витебской губернии, в имении Михельсона, арендованном ее отцом, помещиком Константином Михайловичем Вериго.[1] Вскоре после рождения Брешковской ее семья ненадолго переехала в село Горяны Полоцкого уезда той же Витебской губернии, но через некоторое время отец продал его и выкупил родовое имение в селе Луговец Мглинского уезда Черниговской губернии. В этом имении, находившемся на стыке трех областей – Черниговской, Орловской и Могилевской, будущая революционерка прожила до двадцати семи лет.

Брешковская происходила из родовитой помещичьей семьи, родители бывшие образованными по меркам своего времени людьми смогли дать детям хорошее домашнее образование. Отец, сын польского аристократа, (Брешковская была полькой на четверть), отставной гвардии поручик Вериго[2] был человеком умеренно прогрессивных взглядов; он интересовался идеями «энциклопедистов» и Руссо и имел большую

---

[1] Брешко-Брешковская Е.К. Ранние годы\Новый журнал. Кн. 60. Июнь 1960. С. 179.

[2] A.S. Blackwell. The Little Grahdmother of Russian Revolution: Reminiscences and Letteps of Catherine Breshkovcky. Boston. 1918. C. 1.

библиотеку, состоявшую преимущественно из книг французских авторов.[1] Следствием этих увлечений стало то, что крепостные селе Луговец никогда не подвергались телесным наказаниям, что было высоко оценено крепостными, гордившимися принадлежностью к семье Вериго.[2] Мать Брешковской, Ольга Ивановна, урожденная Горемыкина, окончила Смольный институт благородных девиц, и наряду с другими познаниями, в совершенстве владела французским и немецким языком. Языком общения в семье был французский, широко использовался английский и немецкий, а на русском языке, как правило, разговаривали с прислугой.

Брешковская была средней из пяти детей; у нее были брат и сестра как старше, так и младше ее. Мать отличалась редкой религиозностью, и постоянным чтением для детей были Евангелие и жития святых. Несмотря на это, отношение к православной Церкви и обрядовой стороне религии вообще было в семье Вериго достаточно прохладным. Такое мировоззрение целиком передалось и Брешковской, которая в течение всей жизни, сохранив непоколебимую веру в Бога, никогда не была православной в привычном значении этого слова.[3] Своеобразная семейная религиозность, выражавшаяся в сочетании глубокой веры в Бога с достаточно скептическим отношением к официальной Церкви, во-многом, объясняет отсутствие у Брешковской христианского смирения и тягу к переустройству мира. Евангельские притчи и сюжеты из житий святых еще в детстве трактовались ею как руководство к незамедлительному действию, понимаемому в сугубо индивидуальном смысле, и этот юношеский идеализм Брешковская пронесла через всю жизнь.[4] Впоследствии она неоднократно вспоминала о сильном впечатлении, произведенном на нее в детстве регулярным чтением житий святых, в особенности святой

---

[1] A.S. Blackwell. The Little Grahdmother of Russian Revolution: Reminiscences and Letteps of Catherine Breshkovcky. Boston. 1918. C.7.

[2] A.S. Blackwell. The Little Grahdmother of Russian Revolution: Reminiscences and Letteps of Catherine Breshkovcky. Boston. 1918. C. 1.

[3] Там же. С. 2.

[4] Там же. С. 7.

Екатерины, что вкупе с избранным еще в детстве полным лишений революционным путем, позволяет говорить об определенном отождествлении с раннехристианскими святыми.

Она с раннего детства выделялась среди братьев и сестер; «всем была недовольна, все мне не нравилось, все критиковала».[1] По ее собственному признанию, до пяти лет была нервной и «бешеной» девочкой, «революционеркой с самых малых лет», не терпевшей отказов ни в чем. Однажды, в возрасте трех лет, Брешковская рассердилась на свою мать до такой степени, что ударила ее палкой в глаз.[2] Лишь со слугами у нее никогда не было конфликтов; понимая их подчиненное положение, Брешковская с самого раннего детства испытывала острую жалость по отношению к простым людям - она была поражена резким контрастом между жизнью крепостных и собственной семьи. Подневольное положение крестьян просто потрясло ее, поскольку самой Брешковской претило любое ограничение свободы даже в семейном распорядке.

В статье А.Ф. Керенского «Брешковская и ее друзья в истории России» особо отмечается, что, учитывая мотивы всей деятельности русских революционеров 70-80-х годов девятнадцатого века, необходимо помнить, «что самым глубоким и страшным впечатлением детства русской культурной молодежи поколения Брешковской было крепостное право. У них на глазах одни русские люди других русских людей продавали семьями и в розницу, по своему усмотрению подвергали телесным наказаниям своих подданных, насиловали молодых женщин и девушек, а иногда затравливали псами крепостных мальчиков». [3]

Уже с восьми лет, главной проблемой, волновавшей Брешковскую, стал вопрос: как найти справедливость. В воспоминаниях она писала: «...все время страдала и болела сердцем за кого-нибудь: то за кучера, то за

---

[1] Е.К.Брешко-Брешковская. Ранние годы\Новый журнал\Июнь 1960. Кн. 60. С. 179.

[2] A.S. Blackwell. The Little Grahdmother of Russian Revolution: Reminiscences and Letteps of Catherine Breshkovcky. Boston. 1918. С. 3.

[3] ГАРФ. Ф. 5878. Оп.2. Д. 14. Л. 3.

горничную, то за работника». Она легко находила общий язык с крестьянами, и, будучи любимицей отца, постоянно защищала перед ним провинившихся людей.[1] Крестьяне охотно прибегали к ее помощи, но родители не приветствовали близких контактов дочери с народом; прогулки в деревню разрешались крайне редко. Иногда Брешковская даже угрожала родителям тем, что переселится в деревню, чем приводила в ужас мать, которая говорила, что в их семье растет «какой-то выродок».[2] Полное отсутствие страха и постоянное стремление к новым впечатлениям также отличали Брешковскую от братьев и сестер. «От самых малых лет мне было тесно в доме, в семье, хотя любила отца, мать, братьев, сестер, прислугу, и всех, кого видела вблизи или издали...всех считала своими. Простор, свобода, быстрое движение, поиски чего-то из ряда вон выходящего, особенно живых существ, нуждающихся в ... помощи – были всегда моими потребностями».[3]

Поведение Брешковской в детстве характеризовало также полное равнодушие к детскому обществу, игрушкам, нарядам и коллективным играм; любая новая вещь рассматривалась как потенциальный подарок крестьянским детям. В ответ на упреки родных, Брешковская отвечала, что руководствуется евангельскими заповедями, в которых прямо указано: кто имеет две рубашки, одну должен отдать бедным.[4] «Посещение деревни, близость к крестьянам открывали мне новый мир, полный таинственной прелести»;[5] уже в детстве в ней созрела твердая решимость «жить только для народа».[6]

Значительно позднее, в письме, адресованном одному из друзей, она делилась тем наблюдением, что с раннего детства внутренняя жизнь

---

[1] Е.К.Брешко-Брешковская. Ранние годы\Новый журнал\Июнь 1960. Кн. 60. С. 181.

[2] Там же. С. 179.

[3] A.S. Blackwell. The Little Grahdmother of Russian Revolution: Reminiscences and Letteps of Catherine Breshkovcky. Boston. 1918. C. 7.

[4] Там же.

[5] Е.К.Брешко-Брешковская. Ранние годы\Новый журнал\Июнь 1960. Кн. 60. С. 179.

[6] Там же. С. 188.

заслоняла для нее многие внешние события; «казалось, весь мир во мне, и я – весь мир, и мы – одно и то же».[1]

С рождения Брешковская имела дефект внешности, ее шея была немного искривлена - такой недостаток, тем более у девочки, вызывал большое беспокойство всех родственников, особенно матери.[2] Сама же Катя совершенно не обращала внимания на внешность, чем удивляла всех окружающих; позже мать приучила ее к правильной осанке и привычке постоянно делать определенные упражнения, в результате чего дефект стал практически незаметен.[3]

В пятилетнем возрасте, под влиянием матери и няни осознав, сколько горя причиняет близким ее непослушание и склонность к истерикам, Брешковская «по-детски, но сознательно, ... занялась ...самовоспитанием. ...Меня заинтересовала борьба с собой». Свою внутреннюю работу, Брешковская, по ее словам, скрывала от всех, хотя это стоило ей серьезных усилий и зачастую приходилось плакать от неудач в деле изменения характера. Но постепенно Брешковская достигла в самосовершенствовании больших результатов - стала спокойнее, увлеклась чтением книг и стала проявлять интерес к учебе, хотя вообще училась достаточно средне, поскольку «ленилась». Ее интересы ограничивались литературой о путешествиях и сельском хозяйстве; девочка даже пробовала обсуждать хозяйственные вопросы с отцом, но встретила полное непонимание с его стороны. Тогда Брешковская начала самостоятельное изучение литературы и документов, посвященных сельскому хозяйству и обязанностям крестьян, недоимками, взыскиваемыми с них. К двенадцати годам она стала настолько уравновешенной и спокойной, что ее мать сказала: «Мне даже что-то страшно за Катю становится, такая она у нас

---

[1] Авксентьев Н. Екатерина Контантиновна Брешко-Брешковская. (К 85-летнему юбилею)\Современные записки. Париж. 1929 г. С. 453.

[2] A.S. Blackwell. The Little Grahdmother of Russian Revolution: Reminiscences and Letteps of Catherine Breshkovcky. Boston. 1918. C. 7.

[3] Там же. С. 4; Е.К.Брешко-Брешковская. Ранние годы\Новый журнал\Июнь 1960. Кн. 60. С. 181.

стала тихая, беспрекословная». Сильное впечатление на тринадцатилетнюю Брешковскую произвело доверие, оказанное ей матерью, которая, ожидая шестого ребенка, взяла с дочери обещание вырастить его в случае своей смерти при родах. «Из всех детей (двое были старше) меня выбрала – это сильно на меня тогда подействовало». В возрасте четырнадцати лет Брешковская уже имела планы на будущее: разбогатеть, скупить большое количество деревень с населением и устроить в них утопическую республику с образцовыми порядками. «На перекрестках широких, чистых улиц устроены кафедры, на них лекторы поучают народ, а я, уже взрослая, говорю о вреде пьянства, грубого обращения с женами и детьми и призываю к жизни разумной и трудовой».[1]

Перед сном Брешковская мечтала об этой будущей жизни, представляя трезвых, добрых и умных мужиков, нарядных баб и счастливых детей с книжками. Для осуществления мечты она решила отправиться на заработки к Золотому берегу Калифорнии; по мнению девочки, для дальнего путешествия требовалась лошадь и десять рублей, которые, несмотря на многочисленные просьбы, родители ей так и не выдали.

С самого раннего возраста Брешковскую отличала яркая индивидуальность, проявившаяся в отсутствии типичных детских интересов, равнодушии к внешнему благополучию и глубоком отчуждении от образа жизни людей ее круга. Несмотря на счастливое и беззаботное детство, будущая революционерка испытывала постоянную неудовлетворенность своей жизнью, живя мечтами о будущем и стремлением к новым впечатлениям. Решимость жить только для народа привела к тому, что уже с шестилетнего возраста Брешковская успешно занялась самовоспитанием, приучая себя к ограничениям.

В 1861 году Брешковской было семнадцать лет. В то время в среде интеллигентной дворянской молодежи сам воздух был насыщен

[1] Брешко-Брешковская Е.К. Ранние годы\Новый журнал\Июнь 1960. Кн. 60. С. 179-181.

либеральными идеями и стремлением распространить образование среди освобожденных крестьян. Брешковская, всегда принимавшая горячее участие в спорах по вопросу об освобождении крестьян, считала, что надежды, возлагаемые на реформу, не оправдались. Она по-прежнему самостоятельно занималась образованием, особенно много внимания уделяя общественно-политическим вопросам. «Период кротости и беспрекословного послушания перешел в осознание своей индивидуальности, в признании права на свои убеждения».[1] Принимая участие в спорах на политические темы, Брешковская начала противоречить родителям и отстаивать достаточно смелые и оригинальные взгляды на решение общественных проблем.

Спокойная, размеренная жизнь в имении уже не приносит ей удовлетворения, и в 1863 году в возрасте девятнадцати лет Брешковская вместе со старшей сестрой и матерью едет в Петербург учиться музыке и живописи. На лошадях они добираются до Москвы, откуда едут в Петербург уже по железной дороге; в поезде Брешковская случайно знакомится с молодым офицером П.Я. Кропоткиным, знаменитым в будущем теоретиком анархизма, тогда возвращающимся в Петербург из сибирской экспедиции. Многолетнее знакомство революционеров началось со спора, продлившегося всю ночь и посвященного реальности существования Высшей Творческой Силы, не признаваемой Кропоткиным в то время.[2]

В Петербурге Брешковская посещала рисовальную школу барона Гирша, – живописью она увлеклась еще в подростковом возрасте и даже расписывала иконы в сельской церкви. Школы, в которых обучались девушки, (сестра посещала музыкальную школу), находились на Васильевском острове, где они и жили. Но вскоре, решив начать независимую жизнь, сестры бросают учебу; несмотря на протесты матери,

---

[1] Брешко-Брешковская Е.К. Ранние годы\Новый журнал\Июнь 1960. Кн. 60. С. 181.

[2] РГАСПИ. Ф.274. Оп. 4. Д. 47. Л.23.

они обращаются в контору, занимающуюся набором гувернанток. Через некоторое время девушки получают предложения о работе: сестра поступила в семью князя Лобанова в Нижнем Новгороде, а Брешковская с семьей предводителя дворянства Клокочева отправилась в Тверскую губернию. Воспитанием детей обе занимались недолго, так как, по свидетельству Брешковской, семьи, в которые они попали, «несмотря на блестящее внешнее положение, страдали уродливыми нравами и делали домашнюю жизнь невозможной». Поняв, что дальнейшее пребывание в семье Клокочевых невозможно, Брешковская «велела везти себя в Зубцов», уездный городок в Тверской губернии, где, как выяснилось, проживало большое количество богатых и влиятельных родственников ее отца. Родные уже были извещены о приезде Брешковской в Тверскую губернию, и через два-три дня она уже жила в поместье двоюродного дяди, помещика Толубеева.[1]

Желая вернуть дочерей домой и в то же время дать им возможность осуществить мечты о деятельной жизни, родители открывают в собственном имении пансион для благородных девиц – дочерей местных помещиков. Вскоре в пансионате Вериго появилось большое количество учениц, и через год в имение возвращается старшая сестра, а в 1865 году, убедившись, что пансион действует, домой приезжает и Брешковская. Но преподавание не удовлетворяет ее целиком, теперь она уговаривает отца открыть школу для крестьянских детей, и родители вновь соглашаются, предоставив для этой цели усадебный флигель. Брешковская легко находит с крестьянами общий язык и вскоре организует в имении еще и библиотеку, ссудно-сберегательную кассу, общество взаимопомощи и артели. Во время работы в сберегательной кассе произошло знакомство Брешковской с будущим мужем – соседским помещиком, студентом Николаем Брешко-Брешковским. Молодой человек разделял увлечения невесты либеральными идеями, и вскоре после знакомства молодые люди

[1] РГАСПИ. Ф.274. Оп. 4. Д. 47. Л.22.

женятся.[1] После свадьбы молодожены продолжают активно работать в школах, разъясняя крестьянам их новые права и обязанности, связанные с принятием реформы земского самоуправления, и налаживая связи с другими либеральными помещиками. Через некоторое время отец Брешковской назначается на пост мирового посредника; по настоянию Брешковской и при помощи К.М. Вериго, мировым судьей избирается крестник матери и друг детства Катерины, выпускник Киевского университета Сергей Ковалик. Энергичный, способный, с ярко выраженной организационной жилкой, Ковалик вскоре выдвигается как блестящий юрист, защищающий интересы крестьян, и в 1871 году избирается председателем Мглинского съезда мировых судей.[2] В этом же году во время выборов в Мглинское уездное земство Брешковская уговаривает отца позволить крестьянам самостоятельно выбрать гласного, которым, опять же при помощи семьи Вериго, становится получивший наибольшее количество крестьянских голосов молодой помещик К.Ф. Байдаковский. Таким образом, вскоре все административные должности в Мглинском уезде оказались занятыми либералами. Многие дворяне, жившие по соседству, подозрительно отнеслись к деятельности Брешковских и их друзей, поскольку в результате ее старая помещичья «партия» оказалась вытесненной из местных органов самоуправления. Предводитель дворянства Ехимонтовский лично отправился в Петербург к министру внутренних дел с доносом, обвиняющим Вериго, Брешковских и их соратников в антиправительственной пропаганде. Ответные меры со стороны государства последовали незамедлительно: отец Брешковской, К.М. Вериго был удален с поста мирового посредника, С.Ф. Ковалик не утвержден Сенатом в должности председателя Мглинского съезда мировых судей, К.Ф. Байдаковский вместе с другим гласным высланы из Черниговской губернии на север, а Брешковские отданы под надзор

---

[1] РГАСПИ. Ф.274. Оп. 4. Д. 47. Л.23

[2] Революционное народничество 70-х гг. XX века. Т.1. 1870-1875. С.422.

полиции. Все школы, кассы и библиотеки, созданные Брешковской, в одночасье оказались закрыты.[1] В автобиографии она напишет, что именно тогда ей стало окончательно ясно, «что правительство боится сознательности народа и старается его держать в рабском бесправии», и именно это заставило ее искать «другие способы работать на пользу дорогого мне народа...»[2]

В других воспоминаниях Брешковская пишет, что после разгрома всей ее земской и культурной деятельности: «Мне... оставалось или отказаться от моих прежних убеждений и намерений и остаться бездеятельной или же направить свою деятельность к тем же целям, но уже путем, который можно назвать преступным».[3]

Исследователь мемуаров Брешковской, посвященных «хождению в народ» Филд довольно скептически расценивает достоверность высказываний Брешковской, касающихся этого периода. По его мнению, рассказы о преследованиях служат лишь выдуманным поводом для оправдания якобы вынужденного перехода Брешковской к антиправительственной деятельности.[4] Несмотря на возможно имеющие место некоторые преувеличения и натянутости, прямым доказательством реальности проводимой ею просветительской работы служат сами репрессии, направленные против нее и Ковалика. Безусловно, и без помощи полицейских Брешковская рано или поздно пресытилась бы общественной работой и перешла к революционной деятельности.

Странную для молодой девушки из богатой семьи тягу к народной жизни и полную неудовлетворенность настоящим может частично объяснить собственное признание Брешковской, данное ей много лет спустя: «Если бы меня спросили, что я сама из себя представляю, ...я была

---

[1] Брешко-Брешковский Н.Н. Воспоминания сына\Иллюстрированный журнал. №8. Париж. 1934. С. 8.

[2] РГАСПИ. Ф.274. Оп. 4. Ед.хр. 47. Л.22.

[3] Там же.

[4] Филд. Д. Воспоминания Е.К. Брешко-Брешковской о «хождении в народ» в 1970-х годах. Опыт источниковедческого анализа/Памяти А.А.Зайончковского. М. 1994. С. 334.

бы в немалом затруднении. Я, пожалуй, усомнилась бы в том, существую ли я, как настоящий человек. Настолько всегда все, что проходило со мною и вокруг меня, казалось преходящим, не тем что надо, носящим в себе лишь зародыш будущего. Я все видела, наблюдала, замечала, ...и шла дальше, говоря: хорошо, но это все еще не то, что надо».[1]

В 1871 году, незадолго до закрытия организованных ею земских учреждений, происходит громкий процесс революционного кружка «нечаевцев», и перед Брешковской, находившейся на распутье после разгрома ее предыдущей деятельности, открывается новый мир. Она решает приступить к осуществлению дела своей жизни - борьбе за права народа.

§ 2. Начало революционной деятельности Е.К. Брешко-Брешковской; участие в народническом кружке «Киевская Коммуна».

В сентябре 1873 года Брешковская переезжает в Киев, где поселяется на квартире у еще раньше переехавшей в Киев сестры Ольги, по мужу Ивановой.[2] Брешковская быстро приобрела знакомства в киевской революционной среде, как она сама рассказывает об этом: «пошла в студенческую столовую и стала знакомиться по выбору и узнавать о настроениях молодежи».[3] Новые друзья Брешковской - слушательница акушерских курсов, мещанка Мария Коленкина и студенты Киевского университета В. Бенецкий, В. Фишер, Н. Судзиловский тоже стали жить в квартире Ольги, которая «не имела определенного миросозерцания, но была женщина в высшей степени добрая и чуткая»; не являясь

---

[1] Авксентьев Н. Екатерина Контантиновна Брешко-Брешковская. (К 85-летнему юбилею)\Современные записки. Париж. 1929 г. С. 453.

[2] Итенберг Б.С. Движение революционного народничества. Народнические кружки и хождение в народ в 70-е гг. XIX в. М. 1965. С. 48.

[3] РГАСПИ. Ф.274. Оп. 4. Д. 47. Л. 30.

революционеркой, она сочувствовала Брешковской и ее друзьям, и по возможности помогала им. Через некоторое время Ольга скоропостижно скончалась от горячки мозга, но при ее жизни в квартире поселилось еще несколько студентов, число которых то увеличивалось, то уменьшалось, - со временем это общежитие и положило начало образованию Киевской Коммуны.[1] Таким образом, Брешковская вместе с Фишером, Бенецким и Судзиловским, стояла у истоков Коммуны, так как принадлежала к этому кружку с момента его возникновения.[2]

Революционная молодежь того времени делилась на два основных течения – «бакунистов» и «лавристов». Если первые надеялись вызвать революционное брожение в народе путем организации отдельных крестьянских восстаний, почему их и называли «бунтарями» или «вспышкопускателями», то сторонники Лаврова считали народ недостаточно подготовленным к борьбе и собирались вести долгую и последовательную пропаганду. Брешковская практически сразу стала горячей сторонницей «бакунистов». До этого в Киеве уже действовали кружки «чайковцев», в деятельности которых она успела принять участие - сблизившись с кружком П.Б. Аксельрода, Брешковская некоторое время вела пропаганду в рабочих артелях и участвовала в организации новых кружков. Но к 1873 году среди «чайковцев» возникли серьезные противоречия, которые повлияли на его работу, как утверждал один из самых известных участников кружка Аксельрод, «самым разлагающим образом». В Киевском кружке были образованы два противоположных крыла: одно - бакунистов, в центре которого встала Брешковская, всегда лишь примыкавшая к кружку чайковцев, но не входившая в него окончательно, и другое – сторонников чисто пропагандистской тактики. Аксельрод и Стефанович в скором времени оставили кружок чайковцев и

---

[1] Движение 70-х гг. по Большому процессу. Продолжение Старика/Былое. 1906. ноябрь. №11. Спб. С.34.

[2] Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. М. 1991. С. 88.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

перешли к радикальному крылу, возглавляемому Брешковской.[1] Несмотря на выраженное пристрастие к радикализму, Брешковская, по ее собственному признанию, " ...теориями...никогда не увлекалась... Я, как будто сразу перескочила через шестидесятые годы. Их споры меня не интересовали". [2]

Киевская Коммуна отличалась от предыдущих революционных кружков отсутствием какого-либо устава, регламентирующего жизнь и деятельность коммунаров. Как уже было сказано выше, преобладающую роль в Коммуне играли последователи идей Бакунина, но продолжали присутствовать и лавристы[3], так как определенный плюрализм взглядов считался вполне допустимым, как впоследствии в ПСР.

Желая приобрести новые знакомства в революционной среде, осенью 1873 года Брешковская едет в Петербург. В это время, зимой 1873-74 года в Петербурге кипела революционная жизнь: именно здесь готовилось и созрело знаменитое движение, впоследствии получившее широкую известность под названием «хождение в народ». Причину поездки в Петербург Брешковская объясняет в брошюре «Из воспоминаний»: «...Киев имел связи, главным образом, с югом России, Питер же знал много больше, так как сюда обращались со всех концов, и письменно, и лично, за всеми справками. В Питере я была новым человеком для местных деятелей, но я встретила товарищей по провинции и благодаря им, а также возрасту моему и моей многолетней работе по культурным начинаниям, меня встречали как серьезного человека, на которого можно положиться».[4]

---

[1] Чарушин Н.А. О далеком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х гг. XIX в. М. 1973. С. 334.

[2] Филд Д. Воспоминания Е.К. Брешко-Брешковской о «хождении в народ» в 1870-х гг. Опыт источниковедческого анализа\Памяти А.А. Зайончковского. М. 1994. С. 325.

[3] Итенберг Б.С. Движение революционного народничества. Народнические кружки и хождение в народ в 70-е гг. XIX в. М. 1965.

[4] Брешко-Брешковская Е.К. Из воспоминаний. Лешерн, Армфельдт, Лебедева, Крылова, Гельфман. М. 1919. С. 8.

Большинство встреченных ею в Киеве и Петербурге единомышленников «потерпели такое же фиаско» на ниве просветительской работы среди крестьян, как и Брешковская, посвятив этому значительно меньше времени и попыток.[1] Благодаря опыту, которого не имело большинство молодых революционеров, она чувствовала себя ценным работником, готовым к самым трудным и рискованным заданиям, что придавало ей большую уверенность. (Брешковская считала свой стаж работы в народе с двенадцати лет, вероятно, причисляя к нему само общение с крестьянами в юношеском возрасте) «Кроме того, я была старше их (большинства, вероятно, и продумала больше в деревенской глуши, а потому явившись в новую для меня среду учащейся молодежи... я почувствовала себя взрослой в их среде, и несколько недоумевала, слушая их диспуты и вопросы о вопросах, для меня давно решенных».[2]

В Петербурге Брешковская встречает старого товарища С.Ф. Ковалика, недавно вернувшегося из Швейцарии от М. Бакунина. После разгрома земских учреждений в Мглинском уезде, он переехал в столицу, где стал организатором революционного кружка, члены которого придерживались достаточно анархистских взглядов. Ковалик, как и Брешковская, в этот период уже имел связи в Киеве, и весной 1874 года, по возвращении на Украину из петербургских агитаторов и местных революционеров, окончательно формируется и начинает активную деятельность кружок, получивший известность под названием «Киевская Коммуна».[3]

Но в первые месяцы революционной деятельности Брешковской пришлось несколько раз возвращаться в родное имение для решения семейных проблем; вместе с мужем ей предстояло решить вопрос: согласен ли он вступить с ней вместе на революционный путь и жертвовать

---

[1] РГАСПИ. Ф.274. Оп.4. Д. 47. Л. 36-37.

[2] Там же.

[3] Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. М. 1991. С. 88.

собой, готов ли к возможному заключению в тюрьму и на каторгу? Н.П. Брешко-Брешковский, будучи добрым и мягким человеком, относился к жене с большим уважением, но окончательно разделить ее радикальные идеи не мог, в чем честно признался.[1] Уговоры родителей вернуться в семью не повлияли на принятое ею решение, и Брешковская оставляет мужа. Но главным препятствием к уходу из дома был трехмесячный сын Коля. После долгих переживаний Брешковская решается оставить и его; бездетная жена ее брата Василия, Вера Осиповна Вериго, урожденная Адамович–Адассовская, которую Брешковская высоко ценила за ее человеческие качества, уговаривает Катерину отдать ребенка на воспитание в их семью. В это время Вера, которая также некоторое время жила в Киевской коммуне, тяжело и надолго заболевает, и Брешковская ухаживает за ней до выздоровления; тогда же родственницами было принято окончательное решение отдать мальчика на воспитание в семью брата и золовки, которые обещали относиться к нему, как к собственному ребенку. Вскоре Василий приехал за племянником в Киев, и Брешковская сама вынесла его к карете брата.[2] После устройства сына, казалось, она могла целиком отдаться революционной деятельности, но и порвав с прежней жизнью, Брешковская все еще находится на перепутье. В пачке писем, отобранных у Веры Вериго полицейскими и датированных февралем 1874 года, содержатся ее сомнения: «В среде нашей душно и темно. ...Стоишь себе как одинокая сосна в поле, и чем кончится это одиночество, не знаю. ...Чувствую, что и всегда чувствовалось, ...одна только среда крестьянских детишек может спасти меня, она одна стоит передо мною как светлое будущее».[3]

В письмах Вере Брешковская подробно описывает процесс родов, свой уход за ребенком в первые недели жизни, рассказывает о крепком

---

[1] ГАРФ. Ф. 5975. Оп. 1. Д. 802. Л. 26.

[2] A.S. Blackwell. The Little Grahdmother of Russian Revolution: Reminiscences and Letteps of Catherine Breshkovcky. Boston. 1918. C. 38.

[3] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 569. Л.31.

здоровье сына, о том, что он еще некрещеный.[1] Возможно, она колебалась и надеялась еще вернуть ребенка; в одном из писем, адресованном брату Василию, Брешковская сообщает, что, может быть, еще заберет сына, имея в виду жизнь с ним на общей ферме в Горянах, где она присмотрела возможную кормилицу – здоровую женщину, которая просит за свои услуги значительно дешевле, чем в других местах. Брешковская просит брата по возможности выслать студенту Медико-хирургической Академии Лазарю Тетельману пятьдесят рублей, с тем, чтобы тот «с одной из моих знакомых выслал мне ребенка» в Горяны.[2] Но поскольку план с приобретением имения Горяны в общую собственность революционеров провалился, Брешковская так и не забрала ребенка к себе, и ее сын Николай вырос, считая тетку матерью, а настоящую мать – теткой.[3] Почти двадцать лет брат Брешковской и его жена заботились о «тете Кате», как ее называли среди родственников. Каждый месяц вместе с письмами в места заключения приходили посылки с продуктами, одеждой и книгами.[4] Мать Брешковской, несмотря на тюремные письма дочери с просьбой о прощении, так и не смогла примириться с тем, что Брешковская находится на каторге как политическая преступница, а отец «был спокоен».[5]

Через некоторое время после того, как все внешние препятствия были разрешены, Брешковская целиком отдалась революции - делу, которое считала призванием своей жизни. Киевская коммуна занимала одно из центральных мест среди революционных кружков России, во многом, благодаря Киевскому университету, бывшему одним из самых прогрессивных учебных заведений того времени, - из числа его студентов вышли такие известные революционеры, как Дебагорий-Мокриевич, Судзиловский, Аксельрод, Стефанович и многие другие. Киевская

[1] Там же. Оп. 1. Д. 379. Л. 90.

[2] Там же. Оп. 2. Д. 569. Л. 28.

[3] Брешко-Брешковский Н.Н. Воспоминания сына\Иллюстрированный журнал. №8. Париж. 1934. С. 8.

[4] Там же.

[5] ГАРФ. Ф. 5824. Оп. 1. Д. 569. Л. 26.

Коммуна просуществовала около года, что являлось очень большим сроком деятельности нелегальной конспиративной квартиры, и все это время в Киев, ставший одним из центров революционной жизни страны, стекалась молодежь. Объяснить столь долгое существование крупного подпольного объединения можно лишь неопытностью полицейских, еще не привыкших к новым способам организации антиправительственных кружков.[1] В эмиграции Брешковская вспоминала об организации конспиративных квартир вообще: «...обыкновенно она избиралась в большом центральном городе», что должно было обеспечить «...незаметное появление и исчезновение новых лиц, стекавшихся с разных концов страны, для переговоров, передач, частных собраний» и быстрый уход в случае преследования. Желательно, чтобы квартира выходила окнами во двор, ворота которого, в свою очередь, тоже должны вести в обе стороны. Адрес Коммуны в целях конспирации неоднократно менялся;[2] большинство революционеров жили в коммуне постоянно, некоторые приходили туда как в сборный пункт.[3] Практически все в Коммуне умели перекрашивать волосы и наносить грим; но главной предосторожностью, используемой революционерами, было, по мнению Брешковской, умение «изобразить из себя самых обыкновенных обывателей»,[4] и чаще всего коммунары селились под видом рабоче-крестьянских семей, которые в большинстве случаев были фиктивными. Важнейшим фактором, необходимым для совместного проживания в конспиративных условиях, Брешковская называет психическую стабильность и совместимость коммунаров, кроме того: «...непременно опыт в делах житейских, крайнюю осторожность, ...терпение, не раздражительность». Но все члены Коммуны не могли соблюсти эти условия, и состав жильцов время от времени менялся. В

---

[1] РГАСПИ. Ф.274. Оп. 4. Д. 21. Л. 3.

[2] Там же. Л. 2.

[3] Автобиография Дебагория-Мокриевича В.К\Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М. 1989. С. 60.

[4] РГАСПИ. Ф.274. Оп. 4. Д. 21. Л. 5.

воспоминаниях начальника киевских жандармов В.Д. Новицкого приводятся данные о крайней ограниченности членов Коммуны в средствах - основными спонсорами кружка являлись Дебагорий-Мокриевич, Стронский и Бенецкий, но все деньги «коммунаров» были общими, и никаких личных счетов в этом отношении не существовало.[1]

Один из членов Коммуны П.Ф. Ларионов впоследствии на допросе показывал, что в момент своего прибытия в Киев в мае 1874 года, нашел жизнь в Коммуне устроенной определенным образом: Брешковская, также как содержатели коммуны Мокриевич и Бенецкий, была освобождена от хозяйственных дел и выполняла обязанности неофициального секретаря.[2] Она должна была знать адреса и приблизительное местонахождение всех членов кружка, уходивших в народ; но эта важная функция несколько обесценивалась тем фактом, что, как сказал П.Ф. Ларионов: «Адреса исключительно знала Катя Брешковская, Вериго и Бенецкий, и, конечно, другие...» Подобная всеобщая осведомленность сослужила революционерам плохую службу во время «хождения в народ», когда арест одного «коммунара» автоматически тянул за собой цепочку других.

Еще одной обязанностью Брешковской был уход за периодически находившимися в Коммуне грудными детьми революционеров.[3]

Одно время Брешковская устроилась работать учительницей французского языка, и, преподавая приблизительно в трех или четырех местах, в каждом получала жалованье около десяти рублей в месяц. Уже после ареста Брешковской, на допросе ее работодателя Н.П. Данилевского, выяснилось, что она проработала у него в качестве гувернантки один месяц с октября по ноябрь 1874 года. Дети Данилевского очень полюбили Брешковскую, поскольку она обращалась с ними всегда ласково, и как он

---

[1] Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. М. 1991. С. 88.

[2] Революционное народничество 70-х гг. XIX века. Т.1. 1870-1875. С. 270; ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 379. Л. 41.

[3] Революционное народничество 70-х гг. XIX века. Т.1. 1870-1875. С. 270.

узнал позднее, делилась взглядами на справедливое государственное устройство. В ноябре Брешковская обратилась к Данилевскому с просьбой выплатить ей жалованье вперед в связи с семейными обстоятельствами – неожиданной болезнью мужа, но после получения денег бесследно исчезла, и хотя Данилевский обращался за справками в рекомендовавшую Брешковскую контору Скалозубова, никаких следов гувернантки ему обнаружить не удалось.[1]

Еще в ноябре 1873 года Брешковская первый раз выезжала в село Горяны Витебской губернии; как и другие коммунары, она мечтала об устройстве фермы на артельных началах, которая должна была стать базой для ведения пропаганды среди крестьян и образцом в деле ведения рационального хозяйства.[2] Случай для осуществления общей мечты представился, когда ее двоюродная сестра Александра Ильинична Филипп, получившая в наследство от дяди имение Горяны в Полоцком уезде Витебской губернии, но не утвержденная еще в правах наследства, написала ей письмо, в котором жаловалась на беспомощность в хозяйственных делах. Брешковская, которая в раннем детстве прожила в Горянах, которыми тогда владел ее отец, несколько лет, и ее товарищ по коммуне Василий Фишер, отправились к Филипп под видом посредников, заинтересованных в покупке имения, и стали предпринимать различные усилия по организации в этом месте своей образцовой фермы. Главным проектом революционеров была продажа имения для финансирования пропагандистской работы и приобретение небольших земельных участков в разных концах страны для будущей организации в них опорных пунктов – баз для будущей пропаганды. Еще один вариант использования чужого имения состоял в том, чтобы превратить Горяны в место сбора для участников «хождения в народ», что частично и было реализовано.

---

[1] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 334. Л. 14.

[2] Революционное народничество. 70-х гг. XX века. Т.1. 1870-1875. С. 270.

После ареста Брешковской потерпевшая Филипп была привлечена к расследованию обстоятельств этого дела, но ее первые ответы на вопросы полицейских были крайне скудными и односложными. Лишь через некоторое время Филипп дала более подробные и откровенные показания о происшедшем. По ее словам, в первый же приезд Брешковской и Фишера, последний вступил с Филипп в интимную связь, и она «полюбила его так, что предалась ему совершенно», лишь по этой причине оказывала Фишеру материальную помощь и позволяла жить у себя в имении совершенно незнакомым людям.[1] Тем временем, Брешковская привозила в Горяны четыре тысячи рублей, предлагая приобрести имение за эти деньги, но Филипп не согласилась продать его за такую сумму. О том, что сестра и любовник хотят окончательно обобрать ее, она узнала совершенно случайно, во время пребывания в Киевской Коммуне, куда приехала, желая увидеть Фишера. Один из крестьян, присутствовавших на тот момент в Коммуне, узнав, кто она такая, убедил Филипп, что слышал разговоры о том, что ее «хотят обобрать» и посоветовал срочно уезжать из Киева. Эта информация получила подтверждение в словах Фишера и Брешковской, которые, по требованию Филипп, сознались, что им нужно было от нее «тысячи две-три», после чего последняя прервала с ними всякие отношения.[2]

Параллельно с обработкой А.И. Филипп, революционеры пытались провести подобные операции и с другими имениями. В протоколах допросов хозяйки имения, находившегося в деревне Хитровке Льговского уезда, Зинаиды Петровны Юрьевой, содержится рассказ о посещениях революционеркой ее дома и о беседах, которые она там вела.[3] Будучи в Хитровке, Брешковская неоднократно излагала хозяевам имения свои представления о будущем российского общества, в котором каждый будет

---

[1] ГАРФ. Ф. 112. ОППС. Д. 379. Л. 39.

[2] Революционное народничество 70-х гг. XIX века. Т.1. 1870-1875. С. 325.

[3] ГАРФ. Ф. 112. Оп. ОППС. Д.379. Л. 38.

работать только на себя,[1] а царь жить как частное лицо, к чему Фишер добавил, что, если монарх не согласится, придется его повесить. В качестве идеального разрешения подобной ситуации, Брешковская привела пример Великой Французской революции. Она предлагала Юрьевой откладывать деньги для посылки в Киев на имя Фишера и склонять к подобным пожертвованиям всех знакомых помещиков;[2] Брешковская рекомендовала Филипп Зинаиду Юрьеву как возможную покупательницу Горян и женщину, «на все готовую ради дела», что не имело под собой никаких оснований.[3] Любившая опережать и преувеличивать события, Брешковская в то же время рассказывала Юрьевой, что Арцыбушев, родственник мужа последней, первым браком женатый на его сестре Ольге, собирается взять рекомендованных революционерами женщин-рабочих. [4] Узнав об этом, Юрьева решила предостеречь Арцыбушева от участия в авантюре[5] и отправила ему письменные предупреждения о том, чтобы он ни в коем случае не слушал Брешковскую и вообще остерегался любых связей с ней. Она предупреждала его об опасности принятия на работу псевдорабочих-пропагандистов, которые собираются проповедывать крестьянам его имения «глупые идеи».[6]

Приблизительно в начале 1874 года помещик С.Д. Арцыбушев, действительно, получил от Брешковской, которую видел последний раз семнадцатилетней гувернанткой в Тверской губернии, письменные рекомендации для одного молодого человека. Она просила «взять его на содержание» и «приучать к сельскому хозяйству», можно и без жалованья. В феврале 1874 года к Арцибушеву, чье имение находилось в сельце Усть-Грязном Тимского уезда Курской губернии, без всякого предупреждения приехали Филипп с Фишером, который был представлен хозяину как

---

[1] Там же. Оп. 1. Д. 378. Л. 8.

[2] Революционное народничество 70-х гг. XIX века. Т.1. 1870-1875. С. 325.

[3] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 378. Л. 9.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 378. Л. 11.

адвокат, занимающийся наследственным делом в Горянах; но, как понял Арцыбушев, Фишер и был тем молодым человеком, которого рекомендовала Брешковская. Около двух недель он жил в имении, присматриваясь к окружающей его обстановке, а затем начал предлагать хозяину свои услуги в качестве специалиста по сельскому хозяйству, которое, по мнению гостя, в имении Арцибушева велось неправильно. В качестве эффективного средства повышения урожайности Фишер предлагал «встать с рабочими на равную ногу», отчего труд, по его уверениям, должен стать дешевле и производительнее; в июле Арцибушев получил от него еще и письмо, в котором вновь излагались те же предложения, но помещик отказался от услуг добровольных помощников.[1]

В Усть-Грязное из Горян неожиданно приезжал и «слесарь» И.П. Кукушкин,[2] появление которого в соответствии с грандиозными планами революционеров, должно было положить начало созданию слесарной мастерской, которая, в свою очередь, в будущем перерастет в целую сельскохозяйственную ассоциацию, проводящую обучение пропагандистов крестьянским работам.[3] Фишер еще не раз просил Арцибушева принять у себя других рекомендованных им работников - двоих молодых людей для создания ассоциации.[4] Имение Арцибушева неоднократно посещала и сама Брешковская,[5] принимавшая активное участие в воплощении задач коммунаров в жизнь – она пригласила в Курскую губернию на должность сельского учителя Н.А. Дымчинского и просила Арцыбушева подыскать ей около 25 десятин земли в аренду.[6]

После ареста она вынуждена была дать полиции письменное объяснение этих поступков. «Но еще до того времени, как я вполне рассталась с мирным путем деятельности, я пыталась устроить ферму, в

---

[1] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 378. Л. 11.

[2] Революционное народничество 70-х гг. XIX века. Т.1. 1870-1875. С. 464.

[3] Революционное народничество 70-х гг. XIX века. Т.1. 1870-1875. С. 325.

[4] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 378. Л. 20.

[5] Там же.

[6] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 567. Л.6.

которой бы молодые люди из интиллигенции могли бы обучаться простым, физическим работам, изучать крестьянскую жизнь, для того, чтобы потом пойти в среду народа и, живя с ним одной жизнью, быть ему полезным, поднимая его нравственный и материальный быт, развивая в нем хорошие задатки и помогая в трудных положениях. При этом не предполагалось вести противоправительственной пропаганды. Попытка эта, однако, мне не удалась и была уже последнею...»[1]

В книге «Процесс 193-х» приводятся такие данные: «...первоначальная цель поездки в Горяны, по признанию Фишера, данному при дознании, он «стал советовать Брешковской взять у Филипп доверенность, продать имение и, купив взамен его для Филипп, другое, поменьше, воспользоваться вырученными деньгами для устройства артели».[2] Часть денег предполагалось использовать для «народного дела», под чем, вероятно, подразумевалось будущее «хождение в народ».[3]

Таким образом, изначально носившие авантюрный характер планы революционеров по организации сельскохозяйственной коммуны благодаря благоразумию помещиков потерпели крах. Интересно, что в основном жертвами становились родственники Брешковской, к помощи которых она обращалась в поисках финансовых средств, необходимых для достижения общих целей коммунаров - создания агитационных пунктов и подготовки «хождения в народ». Брешковская неоднократно прибегала к использованию сознательной лжи, направленной, прежде всего, против собственных родственников; проявленные ею пренебрежение к родственным узам, ложь по отношению к работодателям и позднее к крестьянам, любовь к преувеличению и опережению событий доказывают, что уже в начальный период революционной деятельности Брешковская целиком руководствовалась девизом - «цель оправдывает средства».

---

[1] Революционное народничество 70-х гг. XIX века. Т.1. 1870-1875. С.423.

[2] Там же. С.271.

[3] Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. М. 1991. С. 88.

На этом рассказ о конкретных делах членов Коммуны заканчивается, и далее приводится значительное количество фактов их личной жизни, не имеющих отношения к революционной деятельности коммунаров, но порочащих моральный облик. В частности, о Брешковской говорится, что «уехав из Горян в Санкт-Петербург, она встретилась там со «студентом Медико-Хирургической Академии Лейзером Абовым Тетельманом, который, как видно из его показания, был знаком с Брешковскою еще в начале 1873 года, а с лета того же года находился с ней в интимных отношениях, и в квартире которого Брешковская жила в Санкт-Петербурге». В марте Брешковская отправилась обратно в Горяны, куда вместе с нею поехал и бывший студент Киевского университета Иосиф Каблиц.[1] Там их уже ожидали новые члены Киевской Коммуны, ранее принадлежавшие к прекратившему к тому времени существование кружку «вспышкопускателей» Чернышова В.П. Рогачева и М.Ф. Цвинева, вместе с присоединившимся к ним в июле Тетельманом. «Проживая в Горянах, все эти лица находились, между собою, по показанию одного свидетеля, в самых бесцеремонных отношениях: так, Фишер в присутствии женщин не стеснялся ходить в одном белье, а Каблиц спал в одной комнате с Брешковской и Цвиневой».[2] В то же время о подготовке членов Киевской коммуны непосредственно к «хождению в народ» сказано крайне скупо, как лишь об одной из областей преступной и аморальной деятельности революционного сообщества.

В воспоминаниях шефа киевских жандармов В.Д. Новицкого упор также делается на царившую в Коммуне распущенность нравов: «...в общих квартирах все спали вповалку, две-три пары мужчин и женщин, между которых были девицы; это был вертеп разврата, грязи и нечистоты».[3] Брешковская с гневом отзывалась о представлениях,

---

[1] Процесс 193-х. М. 1906. С. 85.

[2] Филд. Д. Воспоминания Е.К. Брешко-Брешковской о «хождении в народ» в 1970-х годах. Опыт источниковедческого анализа/Памяти А.А.Зайончковского. М. 1994. С. 334.

[3] Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. М. 1991. С. 88.

распространяемых жандармами: «...в их мутных глазах... квартира революционеров превратилась и умышленно и может быть, неумышленно в притоны людей, позволяющих себе распущенность нравов, возводящих эту распущенность в принцип. И название «Коммуна» получила в их обиходе значение всего антиморального».[1]

§3. Пропагандистская деятельность Е.К. Брешко-Брешковской во время «хождении в народ»

Все время существования Киевской Коммуны шла интенсивная подготовка к «хождению в народ» – основной задаче революционеров, которой и была подчинена вся остальная деятельность. В Киеве была организована школа для обучения будущих пропагандистов народным ремеслам, для подготовки будущего «хождения в народ» в коммуне хранились крестьянские костюмы, перевезенные контрабандным путем книги революционного содержания, карты различных украинских губерний, с которыми революционеры были впоследствии задержаны, изготовлялись фальшивые паспорта и печати волостей, происходило обучение членов коммуны различным тайным шифрам и рецептам изготовления симпатических чернил, каждую субботу проходили собрания и лекции.[2]

Брешковская тесно общалась с такими выдающимися революционерами, как И. Каблиц, А. Желябов[3] и С. Степняк-Кравчинский, оставивший в знаменитой книге «Подпольная Россия» слова о «страстной, вдохновенной проповеди Брешковской».[4]

Весною 1874 года молодые революционеры, принявшие программу «хождения в народ», двинулись в провинцию. Большинство направилось на

---

[1] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Ед.хр. 21. Л.3.

[2] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. ОППС. Д. 379. Л. 24.

[3] РГАСПИ. Ф.274. Оп. 4. Ед.хр. 21. Л. 3.

[4] С.М. Степняк-Кравчинский Подпольная Россия/Грозовая туча России М. 2001. С. 64.

Волгу, где предполагалось найти наиболее благоприятную почву для агитационной деятельности, а меньшая часть пропагандистов, к которой принадлежала Брешковская, отправилась в путешествие по Украине; из Киева и Одессы революционеры разбрелись преимущественно по Киевской, Подольской и Екатеринославской губерниям, некоторые доходили даже до Крыма.

В сборнике документов «Революционное народничество 70-х гг. XX века» приводится информация о том, что Брешковская дважды ходила в народ, первый раз летом с М.А. Коленкиной в местечки Смела и Белозерье, а позднее, вероятно, уже в сентябре 1874 года, вдвоем со Стефановичем.[1] Но эти сведения расходятся с различными воспоминаниями самой Брешковской, в которых она неоднократно упоминает обоих попутчиков одновременно. По свидетельству Брешковской, в первый раз она отправилась в народ в июле 1874 года с Коленкиной и Стефановичем,[2] к этому времени Стефанович уже имел опыт «хождения в народ» вместе с Дебагорием-Мокриевичем, а с Коленкиной Брешковская позже отбывала срок на Карийской каторге. В дальнейшем они разошлись, но иногда путешествовали вместе, представляясь двоюродными сестрами и братом, выходцами из Орловской губернии;[3] Стефанович был значительно моложе Брешковской, и, путешествуя вдвоем, они, как правило, выдавали себя за мать и сына.[4] Перед «хождением в народ» Стефанович изучил ремесло сапожника, а Коленкина маляра и красильщицы, затем обучив этим работам и Брешковскую.[5]

---

[1] Революционное народничество 70-х гг. XX века. Т.1. 1870-1875. С.423.

[2] Автобиография Дебагория-Мокриевича В.К.\Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М. 1989. С. 61.

[3] A.S. Blackwell. The Little Grahdmother of Russian Revolution: Reminiscences and Letteps of Catherine Breshkovcky. Boston. 1918. C. 42.

[4] A.S. Blackwell. The Little Grahdmother of Russian Revolution: Reminiscences and Letteps of Catherine Breshkovcky. Boston. 1918. C. 42.

[5] Там же. С. 41.

Характерно, что с самого начала «хождения в народ» Брешковская, в отличие от других участников этого движения, цели которых разнились, была настроена на достижение максимального результата.

«Лозунг «в народ» был общий, но большинство шло в целях ознакомления с чуждой средой, и проверки собственных сил ...моей целью было приобщение сил из народа к предстоящей борьбе. Может быть, первый раз в жизни я почувствовала себя на своей дороге. Нет условностей. Нелегальное положение, фальшивый паспорт... - это факты, освобождающие человека от всех пут монархического произвола. Пока не арестовали, летай вольной птицей, давай простор мысли и слову».[1]

Брешковская путешествовала с фальшивым паспортом, якобы выданным ей волостным правлением деревни Горох Нижинского уезда Черниговской губернии на имя солдатки, вдовы крестьянина Петра Косого Феклы Яковлевой Косой, которая «уволена в разные места Российской губернии для заработков сроком на три месяца». В случае не возвращения в деревню по истечении этого срока, полицейским рекомендовалось поступить с крестьянкой как с бродягой. Фальшивые паспорта того же волостного управления на имя Николая Михалюка и Федорова были выданы Н.Е. Гориновичу и П.Ф. Ларионову.[2]

Всего «хождение в народ» Брешковской длилось три с половиной месяца: начав путь в июне 1874 года, в сентябре она оказалась арестованной, но по сравнению со сроками пропагандистской деятельности других революционеров, многие из которых попадали в руки полиции практически сразу, ее агитационная работа в народной среде оказалась достаточно продолжительной.[3] Переходя с места на место, Брешковская оставалась на одном месте максимум две недели, что дает основания отнести ее скорее к летучим, чем к оседлым пропагандистам. Ковалик С.Ф.

---

[1] РГАСПИ. Ф.274. Оп. 4. Д. 47. Л. 7.

[2] ГАРФ. Ф. 112.Оп. 2. Д. 499. Л. 75.

[3] Авксентьев Н.Д. Брешковская Е.К. (к 85-летнему юбилею)/Современные записки. Париж. 1929. С. 453.

в мемуарах «Революционное движение 70-х годов» пишет, что Брешковская «прибегала» к летучей пропаганде, как и Стефанович, Ковалик, Кравчинский и Клеменц.

«Этот вид пропаганды (летучей) особенно привлекал молодежь своей относительной трудностью. Пропагандист все время находился в напряжении; с одной стороны, он все время, проводимое среди незнакомых крестьян, должен был настолько хорошо разыгрывать свою роль, чтобы в нем не заподозрили переодетого барина, с другой – ему приходилось проявлять большую находчивость, чтобы во всяком пустом разговоре найти подходящую почву для пропаганды. Для преодоления всех этих трудностей необходимо было независимо от большой уверенности в своих силах иметь предварительное знакомство с характером и бытом народа».[1]

Брешковская успела побывать в трех южных областях - в Белозерье, Смеле и Тульчине, представлявшим из себя многонаселенные провинции, состоявшие из крупных сел и местечек, жители которых привыкли к большому количеству приезжих. Здесь ей было значительно легче остаться незамеченной, тем более, что украинский язык Брешковская знала плохо, и поэтому говорила с крестьянами по-русски, представляясь уроженкой России и одеваясь в русский крестьянский костюм.

«Под речь народа я не подделывалась, а только иногда употребляла чисто народные выражения. Почти везде была известна за грамотную и бывалую женщину».[2] Чаще всего Брешковская представлялась крестьянам разносчицей полотен или швеей, но иногда меняла мнимую область деятельности. На одной из первых остановок, произошедших в деревне Белозерье, Стефанович устроил маленький обувной магазин, и постепенно революционерам удалось привлечь внимание местных жителей. Коленкина раскрасила платок в качестве образца того, что она может сделать, а

---

[1] Ковалик С.Ф. Революционное движение 70-х годов/Революционеры 70-х годов. Л. 1986. С.186.

[2] Движение 70-х годов по Большому процессу. Воспоминания Старика/ Былое. № 11. декабрь 1906. С. 34.

Брешковская с той же целью залакировала ботинок.[1] Отсутствие навыков крестьянского труда и ухоженность рук революционеры объясняли тем обстоятельством, что якобы раньше были слугами в богатом доме.[2] Вступая в беседы с крестьянами, они постепенно узнали особенности данной области;[3] оказалось, что местные крестьяне принадлежат царю, чем очень гордятся, виня в своих многочисленных бедах государственных чиновников. Поняв, что здесь их взгляды вряд ли встретят сочувствие, революционеры отправились в город Смелу, состоящий из двух или трех тысяч рабочих, большинство которых работали на сахарных фабриках. Местные жители были русскими крестьянами, перевезенными хозяином фабрики графом Бобринским из Центральной России. Здесь революционная пропаганда вызвала большой интерес, но переход к каким-либо конкретным действиям не предвиделся и у этих крестьян, и Брешковская с товарищами находились в Смеле до того момента, как не почувствовали слишком пристальное внимание не только со стороны населения, но и администрации, после чего вынуждены были уехать.

«Ни разу... не случилось, чтобы крестьяне заподозрили меня в действительности моего происхождения и моей принадлежности к дворянскому сословию. Правда, что я не являлась ни разу в качестве простой работницы или батрачки, занималась ремеслами – крашением, шитьем, вышиванием; в других же местах, где приходилось оставаться недолго, два – три дня, и по дороге я выдавала себя за разносчицу полотен, а так как при мне их не было, то ссылалась на то, что поджидаю товарищей или иду за получением товара на известную станцию».[4] Брешковская выдавала себя за сорокалетнюю, как было указано в ее фальшивом паспорте, хотя в то время ей было только тридцать лет. По ее же словам,

---

[1] A.S. Blackwell. The Little Grahdmother of Russian Revolution: Reminiscences and Letteps of Catherine Breshkovcky. Boston. 1918. C. 47.

[2] Там же. С. 43.

[3] Там же. С. 48.

[4] Брешко-Брешковская Е.К. Воспоминания пропагандистки. 1904. С. 10.

«моя мнимая моложавость вызывала изредка лишь одобрительное удивление».[1]

Методом ее работы в народе была беседа, начиная которую с возмущения насущными проблемами и тяготами народной жизни, Брешковская пыталась привести крестьян к мысли о несправедливости всего государственного устройства России. Общалась Брешковская преимущественно с мужчинами, так как женщины, по ее мнению, представляли собой более консервативный элемент, и в отличие от мужчин довольно лояльно относившихся к чужакам, обращали внимание на особенности, выделявшие Брешковскую из народной среды – впоследствии она действительно будет арестована по доносу женщины. [2]

Как летучий пропагандист, Брешковская по характеру деятельности не могла ставить себе целью последовательное просвещение народа и не ожидала немедленной реакции в ответ на агитацию, ее ближайшей задачей было внесение революционного брожения в широкие слои населения.

«Пропагандист не считал потерянным время, если ему удавалось разбудить в своих случайных собеседниках – рабочих или крестьянах – какую-нибудь отдельную революционную мысль...»[3]

Сухомлин В.В. в статье «Политические заметки», посвященной 85-летию Е.К. Брешковской приводит цитату из воспоминаний Аксельрода: «Помню, я говорил о Кате Брешковской Дебагорию-Мокриевичу, вернувшемуся из Швейцарии, кажется, в конце 73 или в начале 74 года.

«Не знаю, как она это может... Я понимаю любовь к отдельным индивидуумам. Но по отношению к народу в целом я испытываю глубокое сострадание и горячее желание, чтобы он скорее достиг свободы и благосостояния. Но люблю-то я собственно те новые формы человеческих отношений, которые составляют наш идеал, и которые только дадут

---

[1] РГАСПИ. Ф.274. Оп. 4. Д. 47. Л. 9.

[2] Брешко-Брешковская Е.К. Воспоминания пропагандистки. М. 1904. С. 38.

[3] Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. М. 1991. С. 88.

возможность человеку достигнуть духовного и нравственного совершенства. А вот Катя прямо и просто, всем сердцем, любит народ, каков он есть».[1]

Один из политических противников Брешковской, меньшевик Павел Аксельрод писал о ней: "Было в Брешковской что-то исключительное, свойственное ей одной, что заставляло меня – да не одного меня – преклоняться перед ней. Это были не какие-нибудь новые идеи, не особенные таланты, а ее огромная, живая, страстная любовь к народу. Любовь, всепоглощающая, безмерная любовь, была двигателем всей ее жизни. Она умела любить не только каждого человека из простого народа, но и весь народ, как огромный коллектив".[2]

Любя народ, Брешковская безжалостно призывала к жестокости по отношению к его врагам. При ее личном участии была составлена крайне любопытная прокламация под названием «Почему люди должны быть равны», доказывающая беспринципность Брешковской в отношении выбора методов достижения целей. Во время ареста прокламация была изъята у нее в количестве трех экземпляров и одного черновика, позже став одним из главных вещественных доказательств против Брешковской.[3] В последующих показаниях она заявила: «первая страница и вторая ... до слов «бедных тружеников» написаны ею, а авторство остального текста принадлежит другому человеку, имя которого Брешковская назвать отказалась, хотя по стилю изложения вся прокламация вполне может принадлежать Брешковской.[4] Вряд ли авторы обращения обговаривали точное содержание его текста и заложенные в нем призывы со всеми членами Коммуны, и, скорее всего, прокламация являет собой плод литературного творчества отдельных людей. Упоминания о данном

---

[1] Сухомлин В.В. Политические заметки: По поводу 85-летия Е.К. Брешко-Брешковской\Воля России. II. Февраль 1929. Прага. С. 106.

[2] Сухомлин В.В. Политические заметки: По поводу 85-летия Е.К. Брешко-Брешковской\Воля России. II. Февраль 1929. Прага. С. 106.

[3] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 496. Л. 12.

[4] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 379. Л. 7.

документе не содержатся ни в одной работе или сборнике, посвященном «хождению в народ», так как в прокламации содержатся призывы к межнациональной розни. Содержание данного обращения может служить ярким примером неразборчивости Брешковской в отношении средств пропаганды, и, по-видимому, рассчитана на популярность антисемитских лозунгов среди крестьян. Одними из главных врагов простого народа в прокламации объявлены евреи, представленные сплошь ростовщиками и грабителями, хотя численность представителей этой национальности среди тех же революционеров - товарищей Брешковской составляла очень большой процент. Начав с описания тяжелой жизни крестьян, авторы быстро перешли к обличению виновных в сложившейся ситуации. «Купцы, подрядчики и жид – все грабят... народ. ...За такие грехи великие царь, чиновники, купцы, жиды и помещики противны Богу, и Господь гневается на людей, зачем они терпят над собою такие притеснения и отдают души свои на поругание».

Апеллируя к религиозному сознанию крестьян, Брешковская или же другие возможные авторы прокламации обращаются к языку Ветхого Завета, бывшему, по их мнению, наиболее понятной и эффективной формой обращения к народу. «...противна Богу такая глупая покорность и приказывает он своему народу взяться за разум... грянуть на врагов своих» и биться «до тех пор, пока не истребят всех, до последнего, пока не останутся на земле только честные труженики, которые одни угодны Богу». Она предлагает на практике осуществить лозунг «грабь награбленное»: «приказывает Господь народу своему напасть на города и жилища купцов, помещиков и жидов и разорять их до основания, поганых же злодеев вешать и резать, а имущество их награбленное делить поровну между собою. Тогда люди будут жить мирно и дружно ...и у каждого будет достаточно своего».

Отказавшийся от борьбы с угнетателями «навеки проклят будет и Богом, и людьми», те же, кто последует призыву революционеров,

«спасены будут! И те из вас, которые пострадают или умрут в борьбе за правду – те святыми назовутся». В последнем предложении прокламации содержится грозный призыв: «...бейтесь с ними до тех пор, пока ни единого ни оставите в живых» и заканчивается все обращение словом «Аминь».

Содержащиеся в прокламации прямые призывы к насилию (которое в 10-годах XX века Брешковская назовет «аграрным террором») показывают, что уже на тот момент она была готова к использованию тех радикальных методов, к реализации которых значительно позднее будет призывать, находясь во главе ПСР.

Отправляясь в народ, Брешковская довольно смутно представляла, каким серьезным препятствием к работе среди крестьян окажется монархизм большинства из них, особенно широко распространенный в малограмотных украинских районах, где и вела свою пропаганду Брешковская.[1] Определенную роль играла пассивность и нерешительность, заложенные в менталитет российского крестьянства многовековым подчинением: «Слова правды и призыва слушались благоговейно, я и обращалась не без разбора, но решимости с их стороны было мало; везде указывали на необходимость предварительного сговора: «иди, соглашай из села в село».[2]

В поисках подходящей аудитории революционеры обратили внимание на сектантов и стали изучать возможности подхода к ним. Штундисты, исповедовавшие одну из многочисленных разновидностей протестантизма и отвергавшие иконы вместе с большинством христианских таинств, появились на Украине незадолго до «хождения в народ», - в 60-х годах девятнадцатого века. Брешковская пыталась вести пропаганду среди членов штундистской секты в селе Любомирки Елизаветградского уезда Херсонской губернии, вместе со Стефановичем она выступала на собраниях штундистов, призывая их к бунту против существующего строя, при

[1] ГАРФ. Ф. 5975. Оп.1. Д. 802. Л. 11.

[2] РГАСПИ. Ф.274. Оп. 4. Д. 47. Л. 37.

котором инакомыслящие подвергаются государственным преследованиям. Среди представителей религиозных меньшинств Брешковская надеялась найти благодатную почву для своих призывов и обратилась к сектантам с таким заявлением: «Положим души наши за братьев наших, умрем в борьбе за угнетаемый народ; завещаем эту борьбу и детям нашим, и пусть она продолжается до тех пор, пока народ не добудет своих человеческих прав – на землю, равенство и самоуправление».[1] Выступление вызвало неоднозначную реакцию среди слушателей, привыкших все важные вопросы решать сообща. Уже на следующем собрании, пользовавшийся большим авторитетом среди единоверцев, лидер штундистской общины богатый крестьянин Иван Рябошапка на призывы пропагандистов к борьбе с притеснениями, ответил, что «на то воля Божья, что Господь за грехи наказал народ»,[2] а смирение перед властями рано или поздно будет оценено, и штундистскую секту легализуют. Рябошапка в своих рассуждениях был поддержан большей частью штундистов, и революционеры вынуждены были удалиться ни с чем.[3]

Летом 1874 года уже были проведены первые обыски и аресты в одном из поволжских городов, где у одного из революционеров был обнаружен адрес Лурье в Киеве, куда и перекинулись в скором времени жандармские поиски. Во время задержания Лурье были найдены координаты деревни, где в тот момент находилась Брешковская.[4] В это время, к началу осени 1874 года, аресты и обыски охватили все области, в которых действовали участники «хождения в народ», и 24 сентября Брешковская была задержана около города Тульчина Подольской

---

[1] Итенберг Б.С. Движение революционного народничества. Народнические кружки и хождение в народ в 70-е г. XIX в. М. 1965. С. 352.

[2] Итенберг Б.С. Движение революционного народничества. Народнические кружки и хождение в народ в 70-е г. XIX в. М. 1965. С. 353.

[3] Филд Д. Воспоминания Е.К. Брешко-Брешковской о «хождении в народ» в 1970-х годах. Опыт источниковедческого анализа/Памяти А.А.Зайончковского. М. 1994. С. 326-327.

[4] Автобиография Дебагория-Мокриевича В.К\Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М. 1989. С. 61.

губернии. В показаниях, данных ею в январе 1875 года, говорится, что она была задержана в результате доноса крестьянки, у которой остановилась на ночь. Заметив среди вещей Брешковской книгу, карты и исписанную бумагу, что было чрезвычайно подозрительно для обычной работницы, хозяйка сообщила о странной постоялице становому приставу.[1] При обыске у Брешковской были обнаружены два пробитых билета на поезд от станции Бандурка до станции Вапнярка за двадцать первое сентября,[2] карты Киевской и Херсонской губернии, Европейской России, четыре рукописные прокламации «Все люди должны быть равны», Новый Завет, порошок морфия[3] и фальшивый паспорт на имя крестьянки Феклы Косой, именем которой Брешковская первоначально и назвала себя при дознании. В сборнике документов «Революционное народничество 70-х годов» имеются не упоминаемые в использованных автором источниках данные о том, что при обыске, кроме четырех экземпляров прокламаций «Все люди должны быть равны», у нее также было изъято идентичное количество прокламаций, (четыре экземпляра, из которых один черновик) изданных долгушинским кружком, - «Как должно жить по законам природы и правды».[4]

Как считала сама Брешковская, «...арестована я была совершенно случайно...» В момент задержания она решила добиться максимальной огласки этого события в Тульчине, что ей и удалось. Провинциальные полицейские настолько были поражены революционным содержанием листовок, найденных у Брешковской, что несколько раз громко перечитали их перед толпой крестьян, и лишь приехавший из Броцлавля исправник своим приказом смог остановить чтение.[5] Охранниками в местном этапном доме были простые крестьяне, которых тоже очень заинтересовало

---

[1] Революционное народничество 70-х гг. XIX в. Т. 1. 1964. С. 271.

[2] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 379. Л. 4.

[3] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 334. Л. 2.

[4] Революционное народничество 70-х гг. XIX века. Т.1. 1870-1875. С.423.

[5] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Ед. хр. 47. Л. 37; Революционное народничество 70-х гг. XIX в. Т. 1. 1964. С. 272.

содержание обнаруженных у Брешковской; уже после ареста они продолжали расспрашивать ее о причинах ареста и ее занятиях среди народа. По показаниям двух свидетелей, она говорила им, что посажена под арест за народ, призывая к вооруженному восстанию против помещиков и борьбе с армией и полицией.[1]

В воспоминаниях Брешковская пишет о том, как заключенные крестьяне принимали ее за великую княгиню, а только что сочиненное воззвание - за «листы из уставной грамоты, что дворяне вырвали и спрятали от крестьян при освобождении».[2] Имея опыт общения с крестьянами, и зная монархизм большинства из них, Брешковская прибегала к сознательной лжи и не возражала против этих заблуждений.[3] Она обратилась к одному их карауливших ее охранников этапного дома с просьбой переправить на волю сообщение, которое и было передано вместе с двумя рублями; в этой нацарапанной гребенкой телеграмме, впоследствии попавшей в руки полиции и прикрепленной в личное дело Брешковской, было сказано: «Киев, Фундуклеевская. Дом Харламова, Змиевской. Сын, заболела, не приезжай. Катерина Коренная», - таким образом, Брешковская пыталась предупредить об опасности ареста Якова Стефановича.[4]

В Тульчинской тюрьме она пробыла целый месяц до тех пор, пока специально приехавшие за ней жандармы не увезли ее в Киев.[5] На первых допросах Брешковская продолжала настаивать на том, что она безграмотная крестьянка Фекла Косая, которая даже не знает своего отчества.[6] Жандармы, ведущие дело Брешковской, и в частности прокурор

---

[1] Филд Д. Воспоминания Е.К. Брешко-Брешковской о «хождении в народ» в 1970-х годах. Опыт источниковедческого анализа/Памяти А.А. Зайончковского. М. 1994. С. 326-327.

[2] Брешко-Брешковская Е.К. Из воспоминаний. Лешерн, Армфельдт, Лебедева, Крылова, Гельфман. М. 1919. С. 8.

[3] ГАРФ. Ф. 5975. Оп. 1. Д. 802. Л. 14.

[4] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 497. Л. 43.

[5] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 47. Л. 37. Л. 44.

[6] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 334. Л. 23.

Желеховский, впоследствии ставший сенатором, делали карьеру на «политических» заключенных, и с большим старанием взялись за работу. 28 октября ими был опрошен хозяин одного из домов, в котором располагалась Киевская коммуна, Каэтан Антонин Леминский, который, как и вся прислуга в его доме, по фотографии признали Брешковскую. Несмотря на это, она упорно продолжала отрицать предъявленные ей обвинения, по-прежнему называясь крестьянкой и заявляя, что не знает Леминского. Но под угрозой вызова родителей и после прочтения протокола допроса Данилевского, у которого она служила гувернанткой, Брешковская призналась сначала в своей настоящей личности, а позже и в том, что она не ходила по маршруту, отмеченному на обнаруженной у нее карте. Она заметила, что «сознается, чтобы не беспокоили ее родителей и других родственников, так как главная ее цель заключается, чтобы ничего не было известно о деле ее». Подписать протокол с признанием Брешковская отказалась, и достоверность ее показаний засвидетельствовали двое понятых.[1] Одновременно с Бенецким, Гориновичем и Судзиловским, Брешковская показала, что не знает этих людей, так же как они ее. На допросе 30 декабря 1875 года она показала, что замужем за дворянином Черниговской губернии, коллежским регистратором Н.П. Брешко-Брешковским, но детей у нее нет; в дальнейшем эта ложная информация указывается и в других официальных полицейских документах.[2]

Находясь в заключении, одна из участниц Киевской коммуны Идалия Польгейм начала сотрудничество с полицией - в это время среди «коммунаров» уже ходили слухи о возможном предательстве Идалии. 27 декабря 1874 года ее отец Иосиф Польгейм, через Бенецкого передал Брешковской записку с просьбой сообщить ему ее личные предположения о возможном агенте. Ранее незнакомый с Брешковской Польгейм задал

[1] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 378. Л. 3.

[2] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 334. Л. 21.

Брешковской ряд вопросов, суть которых состоит в том: «кого еще вы можете подозревать, кроме моей дочери»; вероятно, отца девушки беспокоила возможность повторения ею судьбы облитого кислотой предателя Гориновича.[1]

Идалия Польгейм дала показания, согласно которым, она ходила к незнакомой женщине Екатерине Жмиевской, выяснить, получена ли последней телеграмма от Брешковской, предупреждающая Стефановича об опасности ареста. Последний исчез из Киева тут же после получения этого известия и впоследствии так и не был арестован. Мария Коленкина первое время после ареста Брешковской проживала у Веры Вериго – позже ей удалось надежно скрыться при помощи Тетельмана.[2] Другой член Киевской Коммуны Николай Стронский, узнав от Стефановича об аресте их общего товарища Лурье и обнаружении у него адресов Брешковской и Коленкиной, приобрел хлороформ и морфий, с помощью которых собирался усыпить охраняющий арестанток конвой и освободить соратниц.[3]

В декабре 1874 года адъютант начальника Киевского жандармского отделения барон Гейкин, занимавшийся делом Брешковской, начал возить ее по деревням, в которых она успела побывать за время «хождения в народ». К радости Брешковской, в большинстве сел крестьяне говорили, что впервые видят эту женщину. В местечке Белозерье семь выступавших в качестве свидетелей крестьян, показали, что знают эту женщину, временно работавшую в их селе; двое сказали, что у красильщиц почти не было работы, и что, и для кого они красили – никому неизвестно. Они же засвидетельствовали, что две женщины постоянно жили в селе, а молодой человек лишь заезжал, причем оба более молодых попутчика называли себя

---

[1] Там же. Д. 498. Л. 50.

[2] Процесс 193-х. М. 1906. С. 84.

[3] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 334. Л. 66.

племянниками Брешковской. Но и эти крестьяне однозначно заявили, что никогда не слышали от приезжих никакой революционной пропаганды.[1]

В январе 1875 года внешне либеральный следователь попросил Брешковскую разъяснить ему причины прихода в революцию молодых людей из благополучных семей.[2] Она довольно охотно откликнулась на это предложение, и 29-30 января 1875 года написала объяснение причин собственного перехода к нелегальной деятельности.

«До этого времени (1871-1872) у меня не было революционного направления, но тут неудачи, которые я, и сочувствующие мне люди, получили в нашей попытке быть полезными народу чисто легальной деятельностью, меня, так сказать, озлобили, доказав мне наглядно невозможность идти этим путем». Брешковская представила привлечение внимания правительства к бедственному положению народа в качестве главной цели деятельности Киевской Коммуны - «...чем громче и больше будет высказываться протест против этого положения, ...тем скорее правительство обратит на него внимание и ввиду большого числа недовольных постарается улучшить это положение».[3]

По поводу находившихся при ней прокламаций она сообщила, что даже «не успела никому их прочесть», и впервые их содержание было публично оглашено становым приставом во время ареста. Брешковская уточнила, что, конечно, собиралась их прочесть, но «подходящему человеку», который так и не повстречался ей по пути;[4] при этом в другом документе она признает себя виновной в распространении нелегальной литературы.

Наиболее известный источник, рассказывающий о хождении Брешковской в народ, - это ее собственные «Воспоминания

---

[1] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 334. Л. 66.

[2] Революционное народничество 70-х гг. XIX в. Т. 1. 1964. С. 271; РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д.47. Л. 25.

[3] Революционное народничество 70-х гг. XIX в. Т. 1. 1964. С. 423.

[4] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 378. Л. 70; Там же. Д. 334. Л. 45.

пропагандистки», которые она написала уже после ареста, находясь под следствием.[1] Брешковская даже не упоминает о своих попутчиках – Якове Стефановиче и Марии Коленкиной, так как они не были осуждены по процессу 193-х и скрывались, не указывает никаких других истинных имен и географических названий. В показаниях, данных на допросе 30 января 1875 года, она делала попытки выгородить уже известную полиции Коленкину, при этом не называя ее имени: «девушка, бывшая со мной, пошла путешествовать не с целью какой-нибудь пропаганды, а просто желая прогуляться и посмотреть поближе на народную жизнь ...насколько мне известно, она не разделяла наших взглядов, ...и вообще ни мне, ни кому-нибудь другому не высказывала крайних убеждений».[2] В поздних воспоминаниях Брешковская старается создать впечатление, что после первоначальных допросов и вплоть до суда она хранила молчание,[3] но ее еще не раз вызывали на допросы, на которых следователи в основном интересовались деятельностью ее соратников и, разумеется, приходилось отвечать, по возможности уходя от прямых ответов.[4]

20 июля 1876 года Брешковской было предоставлено для ознакомления ее дело, после прочтения которого, обвиняемым предлагалось по желанию добавить что-либо в свое оправдание. Она в письменном виде заявила: «Я, Екатерина Брешковская, добавить в свое оправдание ничего не могу»;[5] как указано в полицейских документах, Брешковская признала себя виновной в революционной пропаганде с целью возбуждения народа к восстанию с целью ниспровержения существующего государственного строя.

---

[1] Авксентьев Н.Д. Брешковская Е.К. (к 85-летнему юбилею)/Современные записки. Париж. 1929. С. 453; РГАСПИ. Ф.274. Оп. 4. Д. 47. Л.18.

[2] Революционное народничество 70-х гг. XIX века. Т.1. 1870-1875. С.271.

[3] ГАРФ. Ф. 5975. Оп. 1. Д. 802. Л. 14.

[4] Филд. Д. Воспоминания Е.К. Брешко-Брешковской о «хождении в народ» в 1970-х годах. Опыт источниковедческого анализа/Памяти А.А.Зайончковского. М. 1994. С. 323.

[5] ГАРФ. Ф.112. Оп. 1. Д.378. Л. 5.; Там же. Оп. 2. Д.569. Л. 34.

Этот, завершившийся арестом, короткий отрезок времени явился для Брешковской важным этапом становления - она сумела наладить широкие контакты в революционной среде и попробовать свои силы в работе с крестьянами. Примкнув к радикальному крылу бакунистов, она сразу стала одним из создателей и первых участников крупного революционного кружка «Киевская Коммуна», где быстро завоевала авторитет среди товарищей. Брешковская, в отличие от многих других членов кружка, изначально была решительно настроена призывать крестьян к революционной борьбе, но «хождение в народ», ставшее первой попыткой ее пропагандистской деятельности в народной среде, показало неготовность крестьян к восприятию революционных идей. Крушение надежд на крестьянскую революцию впоследствии разделило народников на «деревенщиков» («Черный передел»), выступавших за продолжение прежних методов работы в деревне, и «народовольцев» - сторонников террора, направленного против представителей власти. Брешковская, как представитель левого крыла народнического движения, изначально соединяла идеи мирных, пропагандистских средств борьбы с более радикальными - со временем эти убеждения оформились окончательно и привели к тому, что сочетание пропагандистских и террористических методов было положено в основу тактики партии социалистов-революционеров.

Несмотря на неудачу «хождения в народ», Брешковская не разочаровалась ни в русском крестьянстве, ни в верности избранного ею революционного пути - полное поражение на поприще относительно мирной просветительской деятельности лишь окончательно привело ее к выбору более радикальных форм борьбы с самодержавием.

ГЛАВА II

Участие Е.К. Брешко-Брешковской в организации и формировании теоретической платформы партии социалистов-революционеров

§ 1. Первое заключение и ссылки Е.К. Брешко-Брешковской

Будучи арестованной в сентябре 1874 года, Брешковская официально была осуждена лишь в январе 1878 года; до этого три года и четыре месяца она проведет в предварительном заключении в различных тюрьмах, но большей частью в Трубецком бастионе Петропавловской крепости.

Большую часть заключения Брешковская провела в Трубецком бастионе - эта главная политическая тюрьма России была построена накануне процесса 193-х, в 1872 году. В двухэтажном пятиугольном здании находилось 690 одиночных камер, два карцера и квартира заведующего арестантскими помещениями.

Обвинительный акт был предъявлен заключенным только осенью 1877 года: суду предавались 197 наиболее опасных революционеров, четверо из которых умерли, не дождавшись суда; в итоге к процессу были привлечены 193 обвиняемых. «Процесс 193» открылся 18 октября 1877 года в особом присутствии Правительствующего сената. Это был самый крупный политический процесс в истории царской России, «Большой процесс» – процесс-монстр, как называли его современники. Первоначально власти обещали провести процесс публично, и революционеры планировали использовать собственный суд в качестве трибуны для революционной агитации; но после известий о закрытом проведении процесса большинство подсудимых решило бойкотировать его.[1] Среди них была и Брешковская, заявившая, что «наглая клевета, которой наполнен обвинительный акт, вполне достойна представителей подобного суда, и я отвечаю на нее полнейшим презрением».[2] «Всякий суд, - заявила она, - по существу своему должен быть третейским, а особое присутствие сената явно состоит на службе у правительства, с которым мы боролись».[3] Подсудимые, заявившие протест против суда и отказавшиеся давать показания, больше в суд не вызывались, и не подвергались никаким репрессиям за свой бойкот.

Официально процесс был объявлен публичным, но помещение петербургского окружного суда, специально выбранное для его

---

[1] Троицкий Н.А. Общественное движение в пореформенной России. Сб. статей. М. 1965. С. 19; Автобиография Ковалика С.Ф.\Деятели СССР и революционного движения России. М. 1989. С. 103.

[2] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 47. Л. 19.

[3] ГАРФ. Ф. 5975. Оп. 1. Д. 802. Л. 26.

проведения, с трудом вмещало в себя огромное количество подсудимых и судей. В результате свободными осталось только 10–12 мест, на которые были допущены лишь «проверенная публика» и агенты III Отделения.[1] Таким образом, процесс, вызвавший огромный интерес в обществе, вопреки всем ожиданиям, действительно, прошел практически за закрытыми дверьми.

Воспоминания Брешковской о заключении окрашены в самые светлые тона - поскольку вся Петропавловская крепость была занята политическими, узники целыми днями перестукивались и разговаривали между собой. Как вспоминает Брешковская, «Ковалик, сосед Лешерн (ее подруги и однокамерницы) по другую сторону, не умолкал от зари до зари, и шутками своими веселил всю нашу куртину».[2] За время заключения узники нашли различные способы общения друг с другом, главным из которых стало перестукивание, а во время процесса сумели добиться и серьезных режимных послаблений: были разрешены частые свидания с родными и даже совместные прогулки заключенных. Тюремное начальство проявило беспрецедентную мягкость, позволив революционерам, проходящим по крупнейшему в истории России процессу выходить на прогулки целыми группами, самостоятельно выбирая себе товарищей. Было разрешено свободное посещение всех камер и общие чтения в коридорах, благодаря чему обвиняемые перезнакомились между собой и завязали близкие контакты на будущее.

Соседка Брешковской по камере Софья Лешерн опекала свою сокамерницу, помогая ей материально. Дважды в неделю брат Софьи, инженер Лешерн привозил в тюрьму корзины с продуктами от Филиппова, книги и одежду, в возможности передачи которых также не было ограничений. По словам самой Брешковской, за полгода их совместной

---

[1] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 21. Л. 44.

[2] Брешко-Брешковская Е.К. Из воспоминаний. Лешерн, Армфельдт, Лебедева, Крылова, Гельфман. М. 1919. С. 10; А.И. Барабанова М.В. Варшавская Н.С. Тихонова. Тайны русской Бастилии. Спб. 2000. С. 83.

жизни, «она меня приодела и откормила».[1] Ее многолетняя дружба с Егором Лазаревым, Софьей Лешерн и многими другими революционерами началась именно во время процесса 193-х. Егор Лазарев вспоминал, что многие участники «хождения в народ» не были знакомы друг с другом, «но само правительство, посадив нас в тюрьму и связав в одном большом революционном процессе, впервые организовало все дальнейшее революционное движение».[2] До заключения Брешковская пребывала практически в полном неведении по вопросам, касающимся теоретической стороны революционных движений, и лишь будучи в тюрьме, начала изучение различных течений демократической мысли.[3]

Во время перевода из Дома предварительного заключения ее сопроцессника Митрофана Муравского полицейские изъяли у него обширную переписку, среди которой было обнаружено и шесть писем от Брешковской. В одном из них она высказывается за объединение с западноевропейскими революционными партиями, поддерживая предложение, первоначально выдвинутые Коваликом, но привносит в него отдельную коррективу о создании специальной женской секции, так как они, «бабы, ...помогут делу». Брешковская напоминает Муравскому о необходимости передачи как можно большего количества информационных материалов для широкого освещения процесса 193-х за границей; по-видимому, пребывание в тюрьме и близкое общение с единомышленниками настолько возбудило ее, что в письме от 12 ноября она сообщает, «...жизнь в Доме предварительного заключения я нахожу настолько шумной и обильной сильными ощущениями, что ...силы воспрянули, ...хочется на трибуну, на баррикаду, на виселицу».[4]

---

[1] Брешко-Брешковская Е.К. Из воспоминаний. Лешерн, Армфельдт, Лебедева, Крылова, Гельфман. М. 1919. С. 10.

[2] ГАРФ. Ф. 5824. Оп.1 Д. 119. Л. 33.

[3] Филд. Д. Воспоминания Е.К. Брешко-Брешковской о «хождении в народ» в 1970-х годах. Опыт источниковедческого анализа/Памяти А.А.Зайончковского. М. 1994. С. 325.

[4] Революционное народничество 70-х гг. XIX в. Т. 1. 1964. С. 394.

Брешковская и ее товарищи по процессу в нелегальной печати опубликовали письмо-воззвание «К товарищам по убеждению!», в котором говорилось: «Уходя с поля битвы плененными, но честно исполнившими свой долг, по крайнему нашему разумению, уходя, быть может, навсегда, подобно Куприянову, (умер в Петропавловской крепости) мы считаем нашим правом и нашей обязанностью обратиться к вам, товарищи, с несколькими словами. Мы завещаем нашим товарищам по убеждениям идти с прежней энергией и удвоенной бодростью к той святой цели, ради которой мы подверглись преследованиям и ради которой готовы бороться и страдать до последнего вздоха».[1]

Обвинительный акт по делу Брешковской был составлен лишь после четырех лет, проведенных ею в заключении. После столь смелого поведения обвиняемых во время процесса, после всех протестов подсудимых и защитников, все ожидали сурового приговора, предполагая, что, по крайней мере, половина подсудимых будет лишена всех прав состояния. Но в итоге приговор удивил революционеров мягкостью: половина обвиняемых была полностью оправдана, остальным грозила ссылка на поселение и еще более легкие наказания, а к каторжным работам сроком от четырех до десяти лет было приговорено всего тринадцать человек, среди которых Брешковская оказалась единственной женщиной. 23 января 1878 года Особым Верховным Судом Правительствующего Сената она была приговорена к пяти годам каторжных работ, разделив участь таких видных революционеров, как Мышкин, Войнарольский, Ковалик, Муравский, Рогачев, Шишко. Ко времени вынесения приговора в обществе несколько усилились либеральные настроения по случаю только что окончившейся войны с Турцией, что в определенной степени повлияло и на судейское решение. К тому же, судьи обратились к царю с просьбой о замене каторги поселением, учитывая долгий предварительный арест осужденных. Царь довольно долго не давал ответа, вероятно, колеблясь с

[1] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 21. Л. 19.

вынесением окончательного решения, но после выстрела Веры Засулич замена каторги на поселение не состоялась, хотя время, проведенное в предварительном заключении, было засчитано в общий срок.[1]

Таким образом, большинство подсудимых вскоре после окончания процесса оказалось на свободе, и в женской тюрьме осталось лишь шесть осужденных. После обращений знатных родственников царским указом была выпущена на свободу близкая подруга Брешковской Софья Лешерн.[2] Уже после вынесения приговора, во время посещений ее защитником Н.П. Карабчевским, не терявшая бодрости духа Брешковская пыталась за время тюремных свиданий привлечь последнего к революционной работе. Она подарила адвокату полотенце с вышитой ею надписью «моменто мори»; по словам Карабчевского - «энергии этой женщины хватило бы на сотню мужских жизней».[3] Как только стал известен окончательный приговор, сокамерницами было принято решение устроить спешный побег Брешковской до отправки в Сибирь, прямо из Дома предварительного заключения. Ими была установлена связь с товарищами, находящимися на воле, и ночью, в определенный час, ее должен был встретить человек с экипажем и принять, когда она спустится с четвертого этажа. Три заключенные и сама Брешковская по очереди пилили оконную решетку, выходящую прямо на Шпалерную улицу, но когда большая часть работы уже была выполнена, Брешковскую внезапно перевели в Литовский замок, где содержались все ожидающие отправки в Сибирь.

Проведя в Литовском замке еще два месяца, в июле 1878 года Брешковская была закована в кандалы, после чего вместе с Синегубом и Квятковским отправлена специальным поездом вместе с житейцами, осужденными на житье в Сибирь с лишением некоторых прав на

---

[1] Автобиография Ковалика С.Ф.\Деятели СССР и революционного движения России. М. 1989. С. 103.

[2] Там же. С. 54.

[3] Сухомлин В.В. Политические заметки: по поводу 85-летия Е.К.Брешко-БреНковской\Воля России. II. Февраль 1929. Прага.

Карийскую каторгу, находящуюся в Забайкальскую области. Из Петербурга в Нижний Новгород каторжан везли по железной дороге, от Новгорода до Томска – на барже, остальной же путь длиной в тысячи километров они преодолели на лошадях под охраной жандармов.[1] По пути ее следования товарищи пытались организовать попытку вооруженного освобождения Брешковской, с целью осуществления которой в Нижний Новгород был послан Н.А.Морозов. Ожидая условной телеграммы об отправке Брешковской в Сибирь, он активно занимался организацией будущего побега, но неожиданно получил письменное сообщение о том, что заключенная была отправлена в Сибирь еще раньше, чем он прибыл в Нижний Новгород.[2] О провалившейся попытке организации побега свидетельствует и помогавшая Морозову А.В. Якимова, которой было поручено подготовить для беглецов квартиру, чем она и начала заниматься, пока не получила известия об изменившейся дате проезда Брешковской. [3]

К месту заключения Брешковская добирается лишь осенью 1878 года; женской тюрьмы на Каре в то время еще не было, так как до этого момента в ней просто не было необходимости, - Брешковская стала первой в России женщиной-политкаторжанкой. Она была зачислена в «вольную команду» и помещена под стражей в маленькую грязную деревенскую баню. Позднее Брешковская поселилась у А.И. Успенской, жены революционера П.Г. Успенского, отбывающего срок по Нечаевскому процессу, и сестры В.И. Засулич, жившей вместе с маленьким сыном в частном домике. [4]

Поскольку заключение на Карийской каторге считалось особо тяжким - восемь месяцев заключения в этом месте засчитывались за год, а

---

[1] Автобиография Чарушина Н.А.\Деятели СССР и революционного движения России. М. 1989. С. 290.

[2] Морозов Н.А. Повести моей жизни. М. 1961. С. 57.

[3] Автобиография Якимовой А.В.\Деятели СССР и революционного движения России. М. 1989. С. 635.

[4] Помощник присяжного поверенного Е.С. Семяновский – один из первых карийцев\Былое. Ноябрь. 1906. № 11.

время, проведенное в тюрьме до суда, также было зачтено в общий срок, Брешковская просидела на Каре лишь несколько месяцев. Когда ранней весной 1879 год срок каторги уже истек, она была переведена на поселение в город Баргузин на северо-восток Забайкальской области, предварительно в город Баргузин на северо-восток Забайкальской области, предварительно пройдя тысячу верст вместе с уголовными пешком по этапу.[1]

Вторая половина XIX века – это годы массовой политической ссылки в Баргузин, и к семидесятым годам в городе проживала целая колония политических ссыльных. В это время там уже жили в административной ссылке революционеры К.Я. Шамарин и Н.С. Тютчев, а через год к ним присоединился И.Л. Линев.[2] Наиболее содержательным источником, рассказывающим о жизни политических ссыльных в Баргузине этих лет, является книга Н.С. Тютчева «В ссылке и другие воспоминания».[3] Воспоминания были написаны Тютчевым зимой 1913–1914 года в Италии под впечатлением только что совершенной Брешковской неудачной попытки побега из ссылки в Киренске в ноябре 1913 года. Это событие побудило его записать свои воспоминания об их общем побеге из Баргузина в 1881 году.

Малодоступность города, плохие дороги, отсутствие какого-либо промышленного производства накладывали на Баргузин свой отпечаток, еще в 1822 году этот старейший в Забайкалье город был объявлен «заштатным». Вскоре после прибытия в Баргузин, Брешковская, по словам Н.С. Тютчева, становится «душой общества». Вместе с революционерами – Л.Л. Линевым, Н.С. Тютчевым, К.Я. Шамариным и некоторыми другими, она быстро организует коммуну и поселяется в заколоченном доме на краю города, в котором когда-то жили ссыльные декабристы. Местные жители сторонились этого дома, так как по легенде в нем обитала нечистая сила, но после поселения в нем ссыльных, отношение к дому постепенно

---

[1] ГАРФ. Ф. 5874. Оп. 1. Д. 676. Л. 31.

[2] Там же.

[3] Тютчев Н.С. В ссылке и другие воспоминания. М. 1913. С. 31.

изменилось. Брешковская быстро наладила связи со всеми местными жителями - в кругу ее общения были и местные золотопромышленники (позже она почти три года жила в доме крупного баргузинского золотопромышленника А.Х Новомейского, а его сын, М.А Новомейский, оставил воспоминания о ее пребывании в Баргузине), и священники, но, прежде всего, русские крестьяне и мещане, буряты, и, конечно же, ссыльные революционеры.[1] Брешковская, как и большинство ссыльных, старалась, по мере возможности, помочь крестьянам - лечила их и учила детей.[2]

В то время среди ссыльных разгоралась полемика по нашумевшему Чигирихинскому делу, организатором которого был товарищ Брешковской по «хождению в народ» Стефанович. Брешковская, объявлявшая себя противницей автократического принципа, частично оправдывала его ложь о скрытой царской грамоте ее необходимостью в качестве временной меры на первых порах организации восстания. Она полагала, что подобная фантазия не принесла бы большого вреда в дальнейшем, после раскрытия истинных планов и целей революционеров.[3]

Брешковской было в это время тридцать три года. Тютчев так описывает ее внешность в этот период: «Это была стройная, высокая женщина, ... с чрезвычайно энергичной, но женственной и привлекательной физиономией, с выразительными и, как бы читающими в душе собеседника, темно-серыми глазами... Свои волосы, темно-русые, слегка волнистые и еще не серебрившиеся, она носила подстриженными, но не очень коротко, и зачесывала их назад...»[4]

Тютчев, как и другие, знавшие Брешковскую люди, отмечает ее равнодушие к женским нарядам и любовь к мужской одежде; она прибыла

---

[1] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 379. Л. 22.

[2] Там же. Д. 334. Л. 7.

[3] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 379. Л. 14.

[4] Тютчев Н.С. В ссылке и другие воспоминания. М. 1925. С.29.

в Баргузин в мужском арестантском халате и долгое время продолжала ходить только в нем. Он так описывает обычную одежду Брешковской: «Костюм ее, впрочем, следует описать более подробно, так как он был единственным в своем роде. Прежде всего, бросались в глаза ее простые мужские смазанные сапоги с высокими голенищами, ее юбка спускалась на четверть ниже колен и сшита была из простого серого арестантского сукна, без всяких отделок... Кофточки Екатерина Константиновна носила, впрочем, женские, но гладкие, без всяких оборочек или ленточек, благодаря чему они напоминали мужскую косоворотку. Верхней одеждой ей служил мужской коричневый суконный запахивающийся чапан, без всяких пуговиц, который она переделала на свой рост и сузила, а на голове она носила мужскую суконную шапку-черногорку, которая в те года, вообще была в большом ходу. Из женского костюма Екатерина Константиновна признавала и всегда имела при себе теплый платок в виде шали...»[1] Брешковская всегда старалась отказывать себе во всем, что расценивала как излишнее, отрицая любые удобства и развлечения.[2]

Через некоторое время после ее приезда в Баргузин, революционеры задумали побег в Америку.[3] Вероятно, главным идейным вдохновителем такого смелого предприятия стал И.Л. Линев по прозвищу Американец, который прожил в США семь лет; во второй половине 60-х годов он уехал в Америку с группой русских энтузиастов, собиравшихся организовать за океаном «гармоническое общежитие». Когда их затея провалилась, и большинство колонистов вернулось в Европу, Линев остался работать в США, где успел побывать чернорабочим, пильщиком, батраком и даже маркитантом во время войны с индейцами.

Первое время после прибытия новых ссыльных на квартиру к ним практически ежедневно приходили с проверками полицейские, но со

---

[1] Тютчев Н.С. В ссылке и другие воспоминания. М. 1925. С. 31.

[2] Попов И.И. Брешко-Брешковская Е.К. Бабушка русской революции. М. 1918.

[3] Тютчев Н.С. В ссылке и другие воспоминания. М. 1925. С. 30.

временем контроль ослабевал. Подготовка к побегу длилась несколько месяцев: для усыпления бдительности властей ссыльные стали часто отлучаться в тайгу на охоту, поначалу на один день, а затем на два и дольше. Власти привыкали к отъездам революционеров и уже не обращали на них внимания; в это время будущие беглецы то поодиночке, то вместе обследовали окрестности. В июле 1881 года им удалось под предлогом охоты и обработки пашни купить четырех лошадей, запастись продуктами, ружьями с порохом и нанять проводника. Было принято решение пробираться к Чите через горные хребты Икатского перевала, а затем повернуть на восток к океану, так как передвигаться по почтовому тракту было слишком опасно. Как всегда, под предлогом охоты, революционеры отправились в тайгу, по которой собирались пройти несколько тысяч верст и достичь Тихого океана. Но вскоре начались дожди, горные реки и ручьи разлились, лошади не хотели идти вперед, сами беглецы несколько раз тонули, им приходилось подниматься в горы и спускаться с них практически по отвесным скалам. Проводник, испугавшись опасностей, убежал, во время одной из переправ по воде унесло остатки провизии, и в случае потери ориентации революционеры были обречены на голодную смерть. Также серьезную угрозу для них представляли дикие животные и местные тунгусские племена. Побег был обнаружен в Баргузине через неделю, и полицейские всего округа были подняты на ноги. Вслед беглецам была объявлена погоня, которую возглавил местный исправник В.Е. Языков, и через несколько дней в горах Яблонового хребта они были обнаружены и сдались без сопротивления; вполне возможно, что это задержание спасло революционерам жизнь.[1]

После суда Тютчева, Шамарина и Линева, как административных ссыльных, сослали в Якутскую область, а Брешковская, как бывшая каторжанка, 2 ноября 1881 года вновь приговорена к четырем годам каторжных работ на карийских заводах и сорока ударам плетьми. Но это

[1] Попов И.И. Брешко-Брешковская Е.К. Бабушка русской революции. М. 1918. С. 10.

наказание не было исполнено, поскольку тюремное начальство рассудило, что применение такой меры по отношению к женщине, осужденной по политическому делу, может получить нежелательную огласку за границей. По воспоминаниям Е. Лазарева, к Брешковской был отправлен доктор для признания ее непригодной к физическим наказаниям из-за слабого сердца. Но, к удивлению врача, Брешковская отказалась от ложного освидетельствования, в письменном виде заявив, что совершенно здорова и вполне может перенести наказание плетьми. «Я в своей жизни вообще никогда не отказывалась и не уклонялась ни от какой кары».[1] В воспоминаниях же Попова указывается, что, хотя Брешковская и заявила о своем здоровье, но принять телесное наказание категорически отказалась, пояснив, что его могут совершить лишь насильно. В любом случае, данное наказание так и не было применено; через несколько дней, когда Брешковская в сопровождении конвойных казаков переводилась в другую тюрьму, где, как она предполагала, ее и накажут, один из охранников показал ей сопроводительные документы, в которых говорилось, «что плети как наказание унизительное и позорное отменено губернатором», по документам военного губернатора Забайкалья, наказание отменено, чтобы не возбуждать политических ссыльных против администрации. С тех пор телесные наказания в Сибири не применялись.[2]

В Верхнеудинской гауптвахте, куда она была направлена на время следствия, Брешковской пришлось просидеть девять месяцев. Второй раз она прибыла на Кару в первый день Пасхи 1882 года, к тому времени там находилось уже пятнадцать политических каторжанок, для которых было выделено специальное помещение. Среди них были Мария Александровна Коленкина, хорошо знакомая Брешковской по «Киевской коммуне» и совместному хождению в народ, Наталья Армфельдт, с которой Брешковская вскоре близко сошлась; позже из лазарета были переведена

---

[1] ГАРФ. Ф. 5824. Оп. 1. Д. 119. Л. 4.

[2] Попов И.И. Бабушка Е.К. Брешковская. М. 1918. С. 12.

София Лешерн – ее подруга со времени заключения в Петропавловской крепости, а также Мария Кутитонская и будущий автор воспоминаний о Карийской каторге Елизавета Ковальская. Последняя вспоминает, что, впервые увидев Брешковскую, приняла ее за мужчину, поскольку и тут она ходила исключительно в мужской одежде.[1]

Отсутствие каких-либо упоминаний и тем более сожалений о не сложившейся личной жизни как в мемуарах самой революционерки, так и в многочисленных воспоминаниях ее соратников говорит о равнодушии Брешковской к данной области человеческой жизни. Легкость, с которой она предпочла революцию мужу и ребенку, любовь к мужской одежде и особенная дружба с женщинами позволяют предположить наличие у нее определенной инверсии половой принадлежности, о которой сама Брешковская, не отличавшаяся интересом к самоанализу, скорее всего, и не подозревала.

По словам Брешковской, Армфельд и Кутитонская сразу же особенно заинтересовались ею.[2] Вскоре после приезда ее выбирают старостой: Брешковская должна была распоряжаться деньгами и посылками, присланными каторжанам от родных, поскольку тюрьма жила коммуной, эти посылки составляли общую собственность и шли на улучшение пищи всех заключенных. Также обязанностью старосты было ведение переговоров с жандармским офицером и смотрителем по различным текущим вопросам тюремной жизни. Через месяц после приезда Брешковской, на Каре произошло чрезвычайное происшествие: из мужской политической тюрьмы бежало восемь (по воспоминаниям Е. Ко ьской – шесть) человек, что вызвало широкий резонанс среди тюремного начальства. Из Читы приехал губернатор Ильяшевич, начались репрессии, в ответ заключенные мужской тюрьмы объявили голодовку. После этих событий всех мужчин перевели по разным промыслам и посадили на

---

[1] Ковальская Е.Н.. Женская каторга. Из воспоминаний\Карийская трагедия. Пг. 1920. С. 9.

[2] Брешко-Брешковская Е.К. Из воспоминаний. Лешерн, Армфельдт, Лебедева, Крылова, Гельфман. М. 1919. С. 28.

карцерное положение, а шестнадцать наиболее активных участников протеста были отправлены в Петропавловскую крепость. Вместо старого жандармского офицера Потукова был прислан жандармский офицер Халтурин для того, чтобы заведовать исключительно политическими заключенными. Позже эти события получили название «погрома 11 мая».

События в мужской тюрьме вызвали бурный отклик и в женской Карийской тюрьме. Ковальская указывает в своих воспоминаниях на то, что мнения заключенных женщин по поводу реакции на разгром мужской тюрьмы разделились. Елизавета Ковальская, Богомолец, Россикова и Шехтер выступили за активное сопротивление репрессиям, проводимым тюремным руководством, под которым они понимали голодовки и неповиновение требованиям начальства. По свидетельству же самой Брешковской, голодовка в знак солидарности была объявлена всеми женщинами, что в будущем стало причиной резкого ухудшения тюремного режима: «отобраны были все книги, мольберт, гармония и швейная машинка, паек был сокращен до минимума, заключенных заперли и запретили выходить на улицу».[1]

По словам же Ковальской, Брешковская высказала мнение, что всякая борьба в тюрьме бессмысленна изначально, и поэтому товарищи с воли должны мстить за несправедливость по отношению к заключенным; Брешковскую единодушно поддержали Коленкина, Армфельд, Лешерн и Круковская. «Это расхождение во взглядах положило начало деления женской каторги на две группы: бунтующих и небунтующих».[2]

Брешковская в своих воспоминаниях ничего не пишет ни о расколе в женской тюрьме, ни о последующих событиях, связанных с покушением одной из каторжанок – Кутитонской на губернатора Ильяшевича, описанных Ковальской и Джорджем Кеннаном. Но если верить таким источникам, как воспоминания Е. Ковальской и книге Д. Кеннана «Сибирь

---

[1] Брешко-Брешковская Е.К. Из воспоминаний. Лешерн, Армфельдт, Лебедева, Крылова, Гельфман. М. 1919. С. 30.

[2] Ковальская Е.Н. Женская каторга. Из воспоминаний\Карийская трагедия. Пг. 1920. С. 10.

и ссылка», в тюрьме Брешковской было организовано покушение на губернатора Ильяшевича. Одна из заключенных, М.И. Кутитонская, (1856–1887) ранее бывшая членом одесского революционного кружка Ковальского и в 1879 году арестованная за причастность к делу о покушении на Александра II в городе Николаеве, вскоре должна была выйти на поселение после отбытия 6-летнего срока. Ковальская, которая жила в одной с Кутитонской камере, утверждает, что «Брешковская подала мысль Кутитонской убить губернатора Ильяшевича, когда она будет выпущена на поселение», – таким образом, отомстив за товарищей из мужской тюрьмы.[1] Кутитонская, страстно желая выйти на волю, где она должна была встретиться с любимым человеком, тем не менее, после долгих колебаний, под влиянием бесед с Брешковской, решила отомстить.

О дальнейшей судьбе Кутитонской и ее покушении на губернатора Ильяшевича рассказывает известный американский исследователь Джордж Кеннан в своей знаменитой книге «Сибирь и ссылка».[2] Источниками для рассказа о ней стали сведения, полученные им в различных местах от политических ссыльных. Никаких документов или другой информации от официальных лиц ему получить не удалось, так как последние, не отрицая правдивости данной истории, категорически отказывались обсуждать эту тему.

По сведениям, собранным Кеннаном среди политических ссыльных, Кутитонская вышла на поселение неподалеку от границы с Монголией, но вскоре, собрав немного денег, купила плохой и дешевый револьвер, и, наняв лошадей, бежала с поселения в Читу. На последней станции перед Читой она привлекла к себе внимание местных властей и была ими арестована. Здесь ей удалось уговорить полицейских передать ее читинскому исправнику, с которым она была знакома. Ему Кутитонская призналась, что действительно тайно оставила поселение, так как ей

---

[1] Ковальская Е.Н. Женская каторга. Из воспоминаний\Карийская трагедия. Пг. 1920. С. 10.

[2] Кеннан Джордж. Сибирь и ссылка. Спб. 1906. С. 223-225.

необходимо видеть губернатора по важному делу, и после краткого допроса была доставлена к нему. Ильяшевич первоначально поинтересовался, произведен ли обыск над Кутитонской, но когда исправник ответил: «Нет, я об этом и не подумал», губернатор ответил: «Ну, это ничего. Что может сделать женщина?»

После чего Ильяшевич вошел в приемную, где Кутитонская направила на него завернутый в платок револьвер и выстрелила губернатору в грудь со словами: «Это за 11 мая!»

Раненый Ильяшевич упал, а Кутитонская была арестована на месте и отправлена в Читинскую тюрьму, где ее поместили в так называемую «секретную камеру», которая была так мала, что в ней нельзя было ни стоять, ни лежать в полный рост; старая арестантская одежда, выданная Кутитонской, была полна вшей. На протяжении четырех месяцев, которые она безвыходно провела в этой камере, к Кутитонской был применен карцерный режим в самом строгом его виде; положение ее было ужасно. Кеннан приводит такой пример жестокого обращения: «Когда вследствие физических и нравственных мук она заболела и обратилась с просьбой дать ей клок соломы, чтобы постелить ее на голый, залитый экскрементами пол, полицмейстер Мельников ответил ей: «Для таких лиц нет у нас соломы».[1]

Тяжесть положения Кутитонской усугублялась тем, что она оказалась беременна. Наконец, через три месяца после неудачного покушения военный суд приговорил ее к смертной казни через повешение. После долгих сомнений, Кутитонская решила пожертвовать своим будущим ребенком и скрыть беременность, руководствуясь тем, что факт казни беременной женщины, в случае его обнаружения, повлечет широкое общественное возмущение жестокостью властей. Также ею двигал страх того, что заявление о беременности может быть неправильно истолковано полицией как прошение о помиловании. Но в январе 1883 года тюремным начальством была получена телеграмма, в которой говорилось, что

[1] Кеннан Джордж. Сибирь и ссылка. Спб. 1906. С. 223-225.

губернатор Ильяшевич обратился с просьбой о помиловании Кутитонской, и «считая Кутитонскую орудием содержащихся на Каре, и ввиду счастливого исхода раны, ходатайствовал о даровании ей жизни».

В итоге, смертная казнь была заменена бессрочной каторгой. Генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Анукин выступил против возвращения Кутитонской на Карийскую каторгу, опасаясь волнений, вызванных «особым сочувствием к ней со стороны политических заключенных, как это уже было в подобном случае с Николаем Шифриным». Кутитонская, зимой, тяжелобольная, без теплой одежды, была отправлена в Иркутскую тюрьму, где вскоре родила мертвого ребенка. В 1887 году она вновь встретилась с Елизаветой Ковальской в Иркутской тюрьме, где после совместной 16-дневной голодовки протеста умерла от туберкулеза.[1]

Еще один инцидент, о котором свидетельствует Ковальская, но ничего не пишет Брешковская – это случай с артельными деньгами, когда Брешковская по собственной инициативе, не предупредив «бунтующих», исключила последних из тюремной артели. «Бунтующие» не стали выяснять отношения с Брешковской, сочтя это бессмысленным, но тяжело страдали от исключения, так как некоторые из их группы вообще не получали ничего из дома или получали крайне редко, другие были тяжело больны и нуждались в дополнительном питании. Исключены из артели были также Круковская и Левинсон, которые не примыкали ни к одной группе, но поддерживали определенные отношения с «бунтующими».

«В тот же день, войдя в камеру Круковской, я застала ее в слезах»,– поскольку Круковская ничего не получала из дома, а Левинсон очень редко, – исключение из коммуны грозило им голодом. По свидетельству Ковальской, группа «небунтующих», возглавляемая Брешковской, по собственному усмотрению распоряжалась не только личными деньгами и вещами, но и посылками, собранными для всех заключенных товарищей

[1] Ковальская Е.Н. Женская каторга. Из воспоминаний\Карийская трагедия. Пг. 1920. С. 19.

революционерами в России. Выделив часть для своей группы, они отсылали остальное в мужскую тюрьму, не поделившись с «бунтующими».[1]

Вскоре после отъезда Кутитонской и старого заведующего Сарандовича, по приказу нового начальника политическими заключенными Халтурина, был резко ужесточен режим и в женской тюрьме; каторжных женщин заперли по отдельным камерам, личные вещи были отобраны, всякое сообщение с внешним миром прервано. В качестве арестантской одежды женщинам были выданы «рубахи из толстого мешочного холста, которые не доходили до колен, открывали грудь и спину и не имели рукавов».[2] У заключенных даже отняли арестантские халаты, обувь и портянки. Выходить из тюрьмы разрешалось только для выноса параш, а для контроля за этим, внутри тюрьмы был поставлен караул из казаков. Сразу же после введения новых порядков все женщины решили организовать голодовку протеста и отказались выносить параши. Но через два дня Брешковская и группа поддержавших ее изменили свое решение и стали подчиняться новому режиму. Ковальская, Шехтер, Богомолец и Россикова, несмотря ни на что, продолжали голодовку протеста.[3]

Но Брешковская не упоминает об этой голодовке в своих воспоминаниях, и, если по версии Ковальской, репрессии против женской тюрьмы не имели под собой никакого определенного повода, то Брешковская утверждает, что их причиной стал протест женщин против разгрома мужской тюрьмы. Через некоторое время после голодовки все женщины - политические заключенные были переведены в другую тюрьму - на Усть-Каре, находившуюся на расстоянии пятнадцати верст.

---

[1] Там же.

[2] Брешко-Брешковская Е.К. Из воспоминаний. Лешерн, Армфельдт, Лебедева, Крылова, Гельфман. М. 1919. С. 15.

[3] Ковальская Е.Н. Женская каторга. Из воспоминаний\Карийская трагедия. Пг. 1920. С. 20.

Усть-Карийская тюрьма была построена специально как карцерное помещение для провинившихся уголовных преступников, и условия в ней были соответствующие ее предназначению: тюрьма представляла собой длинный деревянный сарай, вмещавший в себя двадцать одиночных камер, которые кишели клопами и не отапливались. «Она (ночь) проходила в борьбе с клопами: мы поджигали их сальными свечами, а днем обваривали кипятком кровати. Зимой же стены камер промерзали насквозь. Стены крайних камер покрывались «киржаком», ледяным слоем, бороться с которым было невозможно».[1]

Брешковская утверждала, что дружеские отношения с женщинами всегда были одной из самых светлых страниц ее жизни, и одним из самых теплых воспоминаний, оставшихся у Брешковской об этом времени, стала дружба с Лешерн. «...Жили мы душа в душу, и не иначе я вспоминаю верность чувств и неизменность преданности С.А. Лешерн, как один из величайших даров, ниспосланных мне судьбой».

Каторжанки тайно, через посыльных уголовников, получавших за свои услуги плату табаком, чаем и сахаром, вели переписку с заключенными других тюрем. Софья Лешерн особенно активно переписывалась со знаменитым революционером Ипполитом Мышкиным, который в письмах подробно описывал свою прошлую жизнь; материалы, почерпнутые из этой переписки, Брешковская впоследствии использовала для написания краткой биографии Мышкина, изданной в 1904 году. При этом Брешковская позже с сожалением отмечала, что авторы, использовавшие в качестве источника тюремную переписку, вынуждены были допускать ошибки, чего не удалось избежать и ей, так как письма заключенных в силу понятных обстоятельств, страдали недомолвками,

[1] Брешко-Брешковская Е.К. Из воспоминаний. Лешерн, Армфельдт, Лебедева, Крылова, Гельфман. М. 1919. С. 9.

неточностями, сокращениями и нарушением хронологического порядка; многие важные подробности опускались.[1]

Весной 1884 года по окончании срока каторги Брешковскую сослали на поселение в Селенгинск – «пустынный» городок на российско-китайской границе (этот путь в тысячу верст ей пришлось пройти пешком по этапу), в котором ранее отбывали срок декабристы – Н. и М. Бестужевы. Здесь она прожила семь лет, как сама объясняла позже, – «за невозможностью бежать».[2] Но, несмотря на предыдущий побег, Брешковская достаточно свободно разъезжала по соседним с Селенгинском районам, к примеру, Н.Я. Чарушин вспоминает, как к нему на поселение в Кяхту неоднократно приезжали увидеться Залкинды и Брешковская.[3] Она поддерживала дружеские отношения и со священнослужителями находившегося недалеко от Селенгинска буддийского Гусиноозерского дацана; в этой среде она пользовалась большим уважением, которое разделял и Хамбо-лама монастыря.[4]

Через Селенгинск достаточно часто проходили научные экспедиции, в составе которых были как российские, так и зарубежные исследователи; так Брешковская познакомилась с Потаниным, Ядранцевым, финляндцем Геккелем, французом Ж. Легра и другими. Их отзывы о ней положили начало известности Брешковской за границей, но по-настоящему популярным за рубежом ее имя стало после встречи с Джорджем Кеннаном. Кеннан оказался в Сибири в составе русско-американской экспедиции, организованной для проведения телеграфной линии из Америки в Европу через Берингов пролив, но по дороге так заинтересовался русской революционным движением, что первоначальная

---

[1] Брешко-Брешковская Е.К. Из воспоминаний. Лешерн, Армфельдт, Лебедева, Крылова, Гельфман. М. 1919. С.18.

[2] ГАРФ. Ф. 5874. Оп. 1. Д. 676. Л. 11.

[3] Автобиография Чарушина Н.Я.\Деятели СССР и революционного движения России. М. 1989. С. 558.

[4] Попов И.И. Брешко-Брешковская Е.К. Бабушка русской революции. М. 1918. С. 25.

цель его путешествия постепенно отошла на второй план.[1] Осенью 1885 года Кеннан был в Селенгинске, где познакомился с Брешковской и Шамариным, впоследствии с восторгом описав эту встречу в знаменитой книге «Сибирь и ссылка». Он приводит слова Брешковской, обращенные к нему, и свое впечатление от них: «Мистер Кеннан, ...мы можем умереть в ссылке; за нами могут умереть наши дети и дети наших детей, но что-нибудь выйдет из этого! ...С тех пор я не видел и не слышал более госпожи Брешковской; она прошла как случайная тень в моей жизни; но всякий раз, когда я вспоминаю ее последние слова, я снова и снова чувствую до какой степени было поднято мое мерило мужества, силы и героической самоотверженности – и поднято рукою этой женщины».[2]

После возвращения Кеннана из России, в Америке им была прочитана целая серия встреченных с огромным интересом лекций об ужасах царского режима, после успеха которых Кеннан отправился выступать и в Англию. По следам его выступлений российские эмигранты Лазарев и Гольденберг основали в Америке «Общество американских друзей свободы в России», выпускавшее газету «Свободная Россия». Позже члены общества помогали Брешковской в организации ее поездки в США, а переписка Кеннана с Брешковской продолжалась еще долгие годы. Будучи в эмиграции, российские революционеры зачастую через него узнавали о некоторых событиях, происходящих в России; до сих пор многие письма революционерки хранятся в личном архиве писателя.[3]

Через восемь лет после приезда Брешковской в Селенгинск ей было разрешено приписаться к крестьянскому званию, после чего она получила крестьянский паспорт, в котором была записана как крестьянка Зуевского селения Иволгинской волости Селенгинского округа Забайкальской области, и возможность проживать по всей Сибири. Получив это разрешение, Брешковская перебралась в Иркутск, где ссыльной было

---

[1] Меламед Е.И. Джордж Кеннан против царизма. Новосибирск. 1987. С. 12.

[2] Кеннан Джордж. Сибирь и ссылка. Спб. 1906. С. 223.

[3] Меламед Е.И. Джордж Кеннан против царизма. Новосибирск. 1987. С. 123.

позволено приписаться к городскому мещанскому обществу. В этом городе она прожила до 1896 года, также сумев близко сойтись с местным обществом. В Иркутске же через местное студенчество Брешковской пришлось впервые встретиться со своими будущими идейными противниками - представителями социал-демократических партий, с программой которых она была на тот момент практически незнакома.

За то время, что Брешковская находилась в заключении в Сибири, в российском революционном движении произошли большие перемены. Народническое движение к этому времени потеряло многих крупнейших лидеров, пережило тяжелые правительственные репрессии, внутренний раскол и начало постепенно изживать себя. Самые значительные идеологи народничества, такие, как Кибальчич, Михайлов, Рысаков к тому времени погибли на виселице; Вера Фигнер, Морозов, Новорусский были заживо погребены в Шлиссельбургской и Петропавловской крепости, или, как Брешковская, находились на каторге. Последняя вспышка народничества в 1887 году была задавлена новыми казнями и ссылками.

В то время, как народники 70-х годов категорически отвергали любое насилие, после репрессий продолжение старой мирной тактики становится уже неэффективным. В этой ситуации в революционных кругах разгорается серьезная борьба между сторонниками старой программы и защитниками террористических методов борьбы. Брешковская и ее товарищи по каторге внимательно отслеживали борьбу двух течений, и духовно Брешковская решительно примкнула к народовольцам – сторонникам террора.

За границей Плеханов, Аксельрод, Вера Засулич и другие образовали «Группу освобождения труда», которая вступает в идейную борьбу с народничеством. Скоро из этой группы образуется Русская, а затем и Российская социал-демократическая партия, и их соперничество с народничеством еще более обострится - социал-демократы считали программу «Народной воли» устаревшей и уводящей народ от реальности.

Несмотря на то, что народники и социал-демократы недолюбливали друг друга, авторитет Брешковской как старой революционерки был настолько велик, что и ссыльные социал-демократы всегда отдавали ей должное.

Один из основателей партии кадетов и секретарь ее ЦК, известный историк А.А. Корнилов в 90-х годах служил чиновником по крестьянским делам при иркутском генерал-губернаторе. В мемуарах он вспоминает о пребывании Брешковской в этом городе, - в Иркутске она жила с двумя подругами, одна из которых была талантливая драматическая актриса, прима местного театра В.Э. Киселева. Корнилов замечает, что Екатерина Константиновна «занимала в то время среди политических ссыльных особое и довольно уединенное положение», что, по его версии, возможно связано с расхождениями во взглядах между Брешковской и другим видным революционером, так называемым «дедушкой русской революции» П.Г. Заичневским, в Иркутске стоящим во главе крайне левых.[1] Хотя между ними установились натянутые отношения, авторитет старой революционерки был так велик, что «даже П.Г. Заичневский, любивший находить смешные и слабые стороны, не позволял этого по отношению к Брешковской, а Д.А. Клеменц, старый ее товарищ, оставлял в присутствии Брешковской свои шутки и прибаутки».[2]

Брешковская всегда умела оказывать влияние на молодежь, и в Иркутске ей удалось наладить хорошие связи с учащимися, хотя в тот момент – незадолго до истечения срока заключения она вынуждена была заниматься скорее культурно-просветительской, чем революционной работой. Брешковская печатала статьи в местной радикально-демократической газете «Восточное обозрение», известной тем, что в ней публиковались многие политические ссыльные. Среди корреспондентов этого издания были ссыльные представители всех революционных направлений, существующих тогда в России, - Заичневский, Каракозовец

---

[1] Корнилов А.А. Воспоминания\Минувшее. №11. 1997. С.45.

[2] Попов И.И. Брешко-Брешковская Е.К. Бабушка русской революции. М. 1918. С. 27.

Шостакович, Бронштейн-Троцкий (Антид-Отто), Кон, Красин, Стефанович, Ковалик, Тан-Богораз, Фондаминский, Майнов, Войнарольский, Гоц и многие другие. Благодаря этому газета пользовалась популярностью, издатель «Восточного Обозрения» Попов сочувствовал революционерам, и по его собственному признанию, не раз помогал им в организации побегов.[1] Также Брешковская помогала ссыльному Вацлаву Серошевскому в написании монографии, посвященной культуре и быту якутов, и с большим интересом занимаясь изучением этого вопроса в библиотеке Восточно-Сибирского отделения Географического общества.[2]

Уже тогда молодые революционеры стали называть ее «Бабушкой», а приставка «русской революции» была добавлена значительно позже уже журналистами.[3] В это время из Сибири возвращалось множество отбывших срок или помилованных революционеров.[4] В 1895–96 годах Брешковская уже живет месяца по три в Томске и Тобольске, где сближается с народниками В.Г. Архангельским, который вместе с женой будет ухаживать за ней в последние годы жизни, братьями Сухановыми и многими другими.[5]

В 1896 году состоялась коронация Николая II, и по этому случаю была объявлена амнистия. Брешковская попала под нее, и третьего июня 1896 года ей было предоставлена свобода и право избрания местожительства, за исключением столиц и столичных губерний с отдачею на пять лет под надзор местной полиции.[6] В сентябре 1896 года Брешковская вернулась в Европейскую Россию; всего в заключении она

---

[1] Автобиография Попова И.И.\Деятели СССР и революционного движения России. М. 1989. С. 185-186.

[2] Попов И.И. Брешко-Брешковская Е.К. Бабушка русской революции. М. 1918. С. 31.

[3] РГАСПИ.Ф.274. Оп. 4. Д. 22. Л. 53.

[4] Брешко-Брешковская Е.К. Из воспоминаний. Лешерн, Армфельдт, Лебедева, Крылова, Гельфман. М. 1919. С. 18.

[5] Лазарев Е.Е. Бабушка Брешковская\Воля России. 1924. С.79.

[6] ГАРФ. ДПОО. Оп. 1903. Д. 842. Л. 61.

провела двадцать два года своей жизни, и ей было к этому времени уже пятьдесят два года.

§ 2. Е.К. Брешко-Брешковская – одна из организаторов и идеологов партии социалистов-революционеров

Вернувшись в Россию, Брешковская около месяца оставалась в Москве, где ознакомилась с настроениями в обществе, в целом резко критическими по отношению к народничеству. О своей встрече с новым для нее марксизмом Брешковская напишет: «В сентябре 1896 года въехала я в Россию в день, когда это стало возможным. Но тут же встретила, кроме своего, и другое течение, жадно завоевывавшее себе место - марксистов. Маркс быстро захватывал молодежь, на стариков смотрели, как на отжившую силу. Мне говорили тогда: «Зачем идешь к мужикам? Они ведь глупы и молчат. Вот рабочие в городе: они больше поддаются пропаганде».[1]

Брешковская на тот момент была, по ее признанию, «едва знакома с учением, обещавшим неизбежность социалистической революции при достаточной насыщенности фабрик и заводов в России».[2] В.М. Чернов в воспоминаниях «Перед бурей» отмечает, что Брешковская в тот период выглядела как «выходец их другого, потонувшего мира».[3]

Брешковская сохранила свойственную народникам идеализацию деревенской жизни и осталась верна своим принципам - всегда работавшая, прежде всего с крестьянами и видевшая именно в сельской общине основу русской цивилизации и будущей республики, она не могла разделить равнодушия марксистов к аграрному вопросу и тем более, их представления о роли крестьян в будущей революции. Марксисты

---

[1] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 46. Л. 50.

[2] Там же. Д. 22. Л. 29.

[3] Чернов В.М. Перед бурей. М. 1993. С. 40.

относили трудовое крестьянство как собственников к разряду мелкой буржуазии, по причине чего не считали крестьян, в отличие от городского пролетариата, классом, способным к восприятию революционных идей. Брешковская же была уверена, что развитие российского социализма должно начаться именно в деревне, и мечтала о создании такой социалистической теории, которая учитывала бы особые условия аграрных стран с преобладающим крестьянским населением.

По мнению Брешковской, именно крестьяне являются самым многочисленным и угнетенным трудовым классом, и, следовательно, должны быть не менее рабочих восприимчивы к социалистическим идеям.

«Бросить мужика? Нет, я мужика не брошу. Я в мужика верю. Я ему открою глаза, научу его бороться за правду. Рабочие ведь из тех же крестьян, значит, и крестьяне тоже умные».[1]

Со временем ознакомившись с марксизмом ближе Брешковская не смогла принять и монистические теории диалектического и исторического материализма, сводившие все изменения в общественной жизни человечества к уровню развития производительных сил. Впоследствии полемика между представителями двух крупнейших революционных партий России - ПСР и РСДРП, в вопросах, касавшихся идеологических позиций, постоянно носила ожесточенный характер.

Запрет на проживание в столицах не позволил Брешковской остаться в Москве, и она временно переехала в Белоруссию, где по-прежнему жили ее родственники. Сначала Брешковская поселилась в Чернигове, где ей легко удалось найти единомышленников, разделявших ее народнические взгляды.[2] Благодаря поднадзорному Сотникову она быстро познакомилась со всеми либерально настроенными жителями города, в котором стала очень популярной фигурой; как отмечает сама Брешковская, «вся черниговская молодежь искала знакомства со мною».[3]

---

[1] Попов И.И. Брешко-Брешковская Е.К. Бабушка русской революции. М. 1918. С. 6.

[2] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 46. Л. 16.

[3] Там же.

Рождество 1897 года Брешковская встретила вместе с многочисленными родственниками в родном имении Луговец, куда чтобы увидеть ее после многолетнего перерыва съехалась вся многочисленная родня.[1] Родители Брешковской уже умерли, так и не дождавшись встречи с дочерью, а имением владел брат Николай. В этот же день произошла ее первая встреча с двадцатитрехлетним сыном, который не вызвал у революционерки особых симпатий, так как не разделял ее политических взглядов. Во время ужина речь зашла об императоре Александре II, и Николай заметил, насколько чудовищным и нелепым было убийство царя, давшего народу такие реформы. Брешковская отреагировала на эти слова очень резко; встав из-за стола, она заявила: «За это тебе следовало бы дать пощечину!» после чего удалилась в свою комнату. Позже они помирились, но отношения матери и сына так и не стали по-настоящему родственными.[2] Жизнь в Белоруссии довольно скоро перестала удовлетворять Брешковскую, и она задалась целью переехать в Петербург, для чего сначала перебралась в столицу Белоруссии, где служил ее младший брат Василий. Под Минском находилось имение Блонь, принадлежавшее участнику народнического движения 1870-х годов Бонч-Осмоловскому, в котором Брешковская подолгу гостила, всегда находя там единомышленников.[3] Она прожила в Минске и Блони всего около двух месяцев, плодотворно использовав это время «в целях накопления новых сил».

Главным достижением этого периода стало знакомство с Григорием Андреевичем Гершуни – врачом-бактериологом и провизором из Ковенской губернии, сожителем сестры Брешковской Натальи, владеющей имением «Сушки» в Новоалександровском уезде той же губернии. В то время он уже оказывал техническую помощь революционным группам - устроил мастерскую станков для подпольной типографии, помогал

[1] ГАРФ. Ф. 5975. Оп. 1. Д. 802. Л. 52.

[2] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 46. Л. 61.

[3] Там же. Л.7

переправлять нелегальных лиц за границу. [1] Знакомство с Брешковской, которая сразу отметила его как «светлую голову», оказало на жизнь Гершуни решающее влияние. Она вспоминала, что Гершуни пользовался каждым удобным случаем, чтобы побеседовать с ней, ознакомиться ближе с условиями революционного движения, узнать ее мнение о значении террора в борьбе за политические свободы. Гершуни даже посвятил ей свою поэтическую фантазию «Разрушенный мол», в которой возвращение стариков на поле битвы сравнивается с натиском бури и урагана, несущихся на помощь волнам в их борьбе с каменным молом: «Могуч был тот клич боевой. Как вихря порыв, как удар громовой, он властно над морем пронесся, спящих от сна пробуждал, старых юными делал, отвагу и бодрость внушал».[2]

В годы организации ПСР она сближается с одним из главных теоретиков русского народничества Н.К. Михайловским, взгляды которого легли в основу идеологии будущей партии.[3] Примечательно, что В.И. Ленин считал Михайловского «одним из лучших представителей и выразителей взглядов русской буржуазной демократии».[4]

Брешковская была уверена в необходимости создания новой единой революционной партии, которая, опираясь на традиции народников и народовольцев, должна была сплотить новую молодежь и старых революционеров с широкими народными массами, чтобы вместе противостоять влиянию марксизма. На организацию партии и ушли первые годы пребывания Брешковской в России. «Уверенность торопила меня начать сплачивать силы, способные примкнуть к будущей партии социалистов-революционеров, как с первых шагов она была окрещена».

На одной из агитаторских встреч потенциальными членами новой партии был задан вопрос о названии будущей организации, на который

---

[1] Там же. Л. 9.

[2] Революционное народничество 70-х гг. XIX в. Т. 1. 1964. С. 394.

[3] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 46. Л. 14.

[4] Ленин В.И. ПСС\Т. 24. М. 1962. С. 333.

Брешковская ответила: «Признаете вы себя социалистами? Признаем. А революционерами? Конечно, признаем. Так и назовитесь социалисты-революционеры. Согласились на этом». [1]

Брешковская утверждает, что это название было придумано ею еще в 1878 году на процессе 193-х, когда на вопрос судей: признает ли она себя виновной, заявила, что «имеет честь принадлежать к социалистам-революционерам».[2] В различных источниках мнения об авторских правах на название ПСР расходятся, но, будучи в эмиграции, многие эсеры (включая и саму Брешковскую), утверждали, что название партии изобрела именно она. Б.В. Леванов считал, что термин «социалисты-революционеры» был изобретен Х.О. Житловским и применен как название его группы «Союз русских социалистов-революционеров» в 1894 году (в действительности эта организация возникла на год раньше).

Несмотря на репутацию крупной революционерки, Брешковская довольно легко смогла получить разрешение на въезд в Москву, что, безусловно, свидетельствует о мягкости царского режима. Первые два года на свободе Брешковская жила под настоящим именем, но, занимаясь революционной работой, было практически невозможно жить по «волчьему паспорту», выданному ей в Сибири на имя крестьянки Забайкальской области, так как за антиправительственную деятельность Брешковская была лишена дворянского звания. В связи с активизацией революционной деятельности и связанной с этим опасностью она вновь вынуждена прервать контакты с родственниками, чтобы, по ее словам, «не подвергать их напрасной неприятности».[3]

---

[1] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 46. Л. 16.

[2] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 46. Л. 8; Камнева Г.П. История возникновения партии социалистов-революционеров: проблемы отечественной историографии второй половины XX века. 1999. С. 61; Леванов Б.В. Из истории борьбы большевистской партии против эсеров в годы первой русской революции. 1974. С. 25-26.

[3] Записные книжки полковника Иванишина\Минувшее. №17. 1994. С. 530.

В Москве Брешковская приобретает «энергичных помощников в лице М.М. Мельникова и Булича»,[1] но не найдя желаемого поля деятельности, вскоре нарушает запрет на свободное передвижение по стране. С 1898 года Брешковская фактически перешла на нелегальное положение. Она совершила огромное количество поездок по стране, была в Петербурге, Киеве, Одессе, на Кавказе и в Поволжье, Воронеже, Харькове, Уфе, Перми, Чернигове, Саратове, Минске и других городах. Ей удалось установить связи с многочисленными революционными кружками, разбросанными по стране и состоящими в основном из студенчества. Всюду Брешковская проповедовала идею создания партии социалистов-революционеров. «...Она без устали разъезжала тогда по России – пишет В.М.Чернов – «людей поглядеть и себя показать, – как со смешком любила выражаться она. Она искала человека. А, найдя, немедленно присоединяла к незримому воинству будущей партии социалистов-революционеров».[2]

Вот как она сама пишет об этом времени, сравнивая его с семидесятыми годами XIX века: «Мне теперь незачем было бродить пешком: у меня было достаточно денег на железные дороги. И таким образом, я могла объехать вдесятеро больше пространства: многие годы железнодорожные вагоны были, можно сказать, моей квартирой. Я собирала людей по ночам на речных баржах, в городских квартирах, в крестьянских избах, в лесах. Но теперь – этого не было в прежние времена – почва для меня всегда была подготовлена кем-нибудь».[3]

Брешковская никогда не имела постоянного места жительства и не снимала квартиру, живя у многочисленных друзей и соратников по партии и постоянно переезжая; как написал о ней А.Ф. Керенский: «...всю жизнь не имела ни своего постоянного крова, ни имущества, ни даже одежды»,

---

[1] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 46. Л.7.

[2] Чернов В.М. Перед бурей. М. 1993. С. 32.

[3] ГАРФ. Оп. 1963. №842(1) Л. 17.; Авксентьев Н.Д. Брешковская Е.К. (к 85-летнему юбилею)\Современные записки. Париж. 1929. С. 454.

говоря, «...не то страшно, чего люди боятся: бедность, преследования, тюрьма, а то, что их не пугает – обывательщина, жизнь для себя».[1]

Много раз она чудом избегала ареста с помощью переодевания: когда полицейские приходили искать опасную революционерку – Брешковская принимала облик старой няньки или монашки, на которую никто не обращал внимания.[2] В большинстве случаев она находилась на одном месте не более нескольких дней, максимальным сроком пребывания в надежной обстановке был месяц-два.[3] Иногда, получив предупреждение о возможном аресте, Брешковская уезжала из города в день приезда;[4] ей приходилось соблюдать и многие другие правила конспирации, например, «за все одиннадцать лет моей нелегальной жизни я не только ни с кем не переписывалась», но даже не делала вообще никаких записей. ...Я держала в голове ...все накопленные адреса, повторяя их каждое утро, прибавляя новые и отбрасывая отжившие».[5]

С новыми людьми Брешковская знакомилась и сходилась охотно, но, как она пишет: «вводила в работу чрезвычайно осторожно, изучив прошлое человека от самой юности его», - что касается последнего утверждения, она, вероятно, лукавит, так как узнать о желающем вступить в ряды партии все было практически невозможно, и, несмотря на неплохое знание людей, ей не раз приходилось обманываться в своих ожиданиях.[6]

Собрания, на которых Брешковская занималась агитацией и набором в партию, проходили среди определенного круга людей, заранее известных своим либеральным настроем. Она, как правило, выступала первой, обращаясь к аудитории с общими призывами к объединению и началу

---

[1] Керенский А.Ф. Брешковская Е.К. (1844-1934)Некролог\Современные записки. Париж. №54. 1934. С. 395.

[2] A.S. Blackwell. The Little Grahdmother of Russian Revolution: Reminiscences and Letteps of Catherine Breshkovcky. Boston. 1918. С. 42.

[3] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 46. Л.12.

[4] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 22. Л.3.

[5] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 22. Л.3.

[6] Там же. Д. 46. Л.10.

работы в деревне; затем с более подробными разъяснениями программы выступали Гершуни и Мельников.[1]

Для первоначального объединения в Чернигове был назначен своеобразный учредительный съезд, на котором встретились представители партийных групп из Питера, Киева и самого Чернигова. В Киеве, где Брешковская побывала незадолго до съезда, революционерку ожидала довольно холодная встреча: поначалу этот город огорчил ее «боязнью перед засильем марксизма: были горячие дебаты» по поводу актуальности создания партии, основанной на традициях народничества.

Побывав затем в Одессе и на Кавказе, она направилась на Волгу, – и в Саратове задержалась надолго, так как здесь произошла ее встреча с бывшей сопроцессницей Еленой Ивановной Аверкиевой, которая предложила Брешковской устроить в своем доме конспиративную квартиру. Следует добавить, что пожилая революционерка жила вместе с шестью дочерьми и сыном, впоследствии убитым большевиками.[2] Здесь, в Саратове формируется один из центров будущей партии, называемой в то время еще Союзом социалистов-революционеров. Отдельные разрозненные группы эсеров уже существовали, во многом благодаря Брешковской, в Петербурге, Ярославле, Томске, Полтаве и некоторых других городах, но для образования партии этого явно было недостаточно.

Приблизительно в то же время, Брешковская временно поселяется в Минске, где состоит под негласным контролем полиции, что не помешало ей вместе с Гершуни организовать транспортировку нелегальной литературы из-за границы. Первая полученная ими посылка весом в несколько пудов включала в себя старые народовольческие и социал-демократические издания и первую эсеровскую брошюру, содержащую программу «Союза» - «Наши задачи». Революционеры делили посылки на отдельные библиотеки, примерно по сто книг каждая, и развозили по

---

[1] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 231. Д. 842. Л. 11—12; Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М. 1997. С. 29.

[2] РГАСПИ. Ф.274. Оп.4. Д. 46. Л.9.

России. В первый же год этой деятельности они сумели развезти до пятидесяти библиотек нелегальной литературы, за каждую из которых получали в среднем около ста рублей.[1] В 1899 году Брешковская вместе с Гершуни участвует в выработке программы создающейся в Минске «Рабочей партии политического освобождения России» (РППОР), которая окончательно вольется в партию эсеров лишь в 1902 году. При активном содействии Брешковской и Гершуни в 1900 году РППОР издает программную брошюру «Свобода». Появление книги не прошло незамеченным в полиции; по мнению начальника Московского Охранного Отделения, изложенному в циркуляре от 1902 года, эта «террористическая» брошюра «по своему слогу и мысли принадлежат к произведениям Гершуни, но в составлении таковой принимала участие также бывшая политическая ссыльная Брешковская».[2]

Хотя в этот период эсеры не имеют единой и четкой программы, основные принципы, позже зафиксированные в принятой в конце 1905 – начале 1906 годов программе, уже сформированы. Конечная цель деятельности партии – установление демократической республики с автономией областей, политическими свободами, введением всеобщего избирательного права, созыв Учредительного собрания, восьмичасовой рабочий день, рабочее законодательство и организация профсоюзов. Ядром требований социалистов-революционеров была социализация земли, то есть передача сельским общинам отобранной у помещиков земли. Одним из важнейших методов борьбы, наряду с мирной пропагандой и агитацией, должна была стать террористическая деятельность, тем более что эсеры опирались на традиции народовольцев. Вопрос об организации специального боевого отряда для борьбы с правительством встал еще в первые годы создания партии, хотя сама боевая организация будет создана лишь в 1901 году. В 1899 году произошло незаметное в тот период, но

[1] РГАСПИ. Ф. 274. Оп.4. Д. 21. Л.37.

[2] ГАРФ. Оп. 1903. № 842 (1). Л. 40.

крайне важное для ПСР событие: к одной из эсеровских групп примкнул Евно Азеф, провокатор, находящийся на службе в полиции с 1893 года, чье имя как двойного агента будет хорошо известно в истории российского освободительного движения.

В конце лета 1900 года в Харькове на съезде южных организаций (Воронежской, Харьковской, Одесской и ряда других) образуется Партия социалистов-революционеров. Первое время объединение носило скорее номинальный характер, поскольку еще не был принят Устав - одобрены были лишь общие принципы партии, изложенные в опубликованном в ноябре 1900 года в харьковской типографии «Манифесте партии социалистов-революционеров». К истории организации этой типографии тоже приложила руку Брешковская, первой побывавшая в Харькове, где через некоторое время после ее визита обосновался устроивший эсеровскую типографию Мельников.[1]

Объединение партии и выпуск «Манифеста» стали важной вехой в истории партии, но даже по признанию Брешковской – «Манифест» был составлен довольно слабо. По мнению большинства эсеров в нем не были в достаточной степени отражены идеологические особенности программы ПСР и планы, связанные с террористической борьбой, зато в большом количестве присутствовала социал-демократическая терминология.

В 1901 году был начат выпуск первого эсеровского журнала «Вестник русской революции», в издании которого вместе с В.М. Черновым, М.Р. Гоцем и И.А. Рубановичем в качестве организатора, автора и редактора приняла участие и Брешковская. Этот журнал, посвященный вопросам политики и тактики революции и обозначенный как орган «Группы старых народовольцев», должен был стать постоянным теоретическим изданием ПСР, разъясняющим особенности и отличия программы партии, но в силу разных обстоятельств за период с июля 1901

[1] РГАСПИ. Ф.274. Оп.4. Д. 46. Л.10.

по 1905 годы увидело свет всего четыре номера журнала.[1] Осенью 1901 года Брешковская вместе с Гершуни и Крафтом вошла в «комиссию по связям с заграницей»; М.М. Мельников, видный деятель периода образования партии, высказал мнение, что, вероятно, эта комиссия и стала прообразом будущего ЦК. Первое время роль ЦК выполняла наиболее сильная местная организация – поначалу саратовская, а после ее разгрома в конце 1902 года эти функции переходили попеременно к екатеринославской, одесской и киевской группам.[2]

Первое время существования партии призывы Брешковской к пропагандистской работе в деревне многими были встречены с иронией, поскольку после неудачного опыта «хождения в народ» в семидесятых годах, большинство революционеров не верило в широкий отклик в крестьянской среде. Традиционно крестьяне отличались от других социальных групп пассивностью и недоверчивостью – данная аудитория справедливо считалась наиболее тяжело поддающейся пропаганде. Поэтому первое время агитация в деревне велась лишь периодически. В 1901 году Брешковская успешно работает среди крестьян Саратовской губернии - по мнению Спиридовича, именно тогда, под ее руководством, были заложены основы тактики и стратегии революционной работы партии социалистов-революционеров в крестьянстве.[3]

Среди крестьян-учеников Мариинского земледельческого училища под Саратовым, пропагандисты во главе с Брешковской встретили теплый прием. Вскоре первые агитаторы, вышедшие из рядов этих учащихся, понесли привитые им идеи о необходимости социализации земли и перемене существующего политического строя в деревню. Главным методом пропагандистской работы Брешковской было вовлечение

---

[1] Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М. 1990. С. 427.

[2] Камнева Г.П. История возникновения партии социалистов-революционеров: проблемы отечественной историографии второй половины XX века. 1999. С. 109.

[3] Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг. 1918. С. 46.

крестьянства в революционное движение путем издания и распространения агитационной литературы. Но пропагандистской литературы, предназначенной специально для крестьянской аудитории не хватало, и эсерам приходилось использовать старые брошюры «Хитрая механика», «Кривда и правда» и другие, размножаемые на гектографах. Одновременно агитаторы под руководством Брешковской начали печатать и новые издания собственного сочинения - первыми из них стали брошюры «Беседа о земле» и «Как министр заботится о крестьянах». Для конспирации обложка последней книги была заменена на аналогичный лист учебника «Законы». В дальнейшем все издаваемые брошюры выпускались в виде «ученических тетрадей с синими обложками, по совету самих же крестьян». Вот как рассказывает об этой работе Брешковская в своих воспоминаниях: «Саратовский комитет, набрав до сотни участников из молодежи обоего пола, из имеющихся там учебных заведений, открыл невиданное до тех пор в России домашнее производство социально-революционерной литературы, обращенной, главным образом, к крестьянам. Нанимались особые флигеля и мезонины, где девицы десятками и дюжинами сидели за перепиской гектографическими чернилами целых брошюр под диктовку кого-либо из наблюдавших над работой. По воскресеньям и по праздникам молодые люди – семинаристы, реалисты, техники – в разных местах города устраивали по пять-шесть гектографов за раз и с утра до ночи стояли за отпечаткой переписанных листков».

Эта литература крупными тиражами распространялась по Саратовской губернии, а со временем, стала поступать и в другие районы: Самарский, Тамбовский, Вятский в России, Пензенский, Харьковский и Полтавский на Украине. Но и этих книг не хватало, литература из-за границы не приходила, и пропагандисты испытывали в связи с этим достаточно большие трудности. Но к середине 1901 года совместными усилиями революционеров и крестьян в Саратове тиражом четыреста

экземпляров был выпущен первый номер «Крестьянской газеты», отпечатанный на миографе и имевший большой объем. Это было первое в России издание, предназначенное специально для крестьянской аудитории, и его выпуск стал огромной заслугой лично Брешковской. [1]

Зимой 1901 года Брешковская поехала в Полтаву, где нашла группу поднадзорной интеллигенции численностью примерно двести человек, среди которых она с успехом начала вести пропаганду идей о крестьянской работе.[2] В Полтаве жили будущие члены Боевой Организации А. Покотилов и Д. Брильянт, здесь же Брешковская познакомилась и с известным писателем В.Г. Короленко, который достаточно неодобрительно отнесся к ее деятельности.[3] Несмотря на то, что последний в свое время увлекался идеей «хождения в народ» и вообще сочувственно относился к революционерам, будучи гуманистом, он не мог принять террористическую составляющую программы ПСР.

Брешковская особенно близко сошлась с изгнанным из Харьковского университета революционером Алексеенком, начавшим пропаганду крестьянской молодежи в собственном имении. Брешковская и здесь быстро поставила издательское и пропагандистское дело на широкую ногу. В Полтаву из Саратова была доставлена агитационная литература, началось ее размножение на гектографах и миографах, - все издания направлялись по деревням, где, как пишет Спиридович, «сеяли там смуту в умах и незаметно подготовляли почву для вспыхнувших позднее аграрных беспорядков».[4] К 1902 году активная пропаганда в Саратовской, Полтавской, Тамбовской и Пензенской губерниях стала давать свои плоды.

---

[1] Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг. 1918. С. 46-48.

[2] Автобиография Гедеоновского А.В./Деятели СССР и революционного движения России. М. 1989. С. 47.

[3] РГАСПИ. Ф.274. Оп.4. Д. 46. Л.10-11.

[4] Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг. 1918. С. 48.

Весною этого года в Полтавской и Харьковской губерниях вспыхнули беспорядки на экономической почве, обострению которых во многом способствовали революционная агитация, которую вели члены партии социалистов-революционеров во главе с Брешковской. В то же время по России с целью постановки широкой работы среди крестьянства уже ездили многие члены ПСР, поверившие в перспективность работы в деревне.

Волнения в ряде губерний были ошибочно истолкованы многими эсерами как показатель готовности крестьянства к революции, в определенных кругах ПСР создалось мнение, что народ в целом вполне способен восстать против существующего строя и только ждет своих руководителей. С целью организации более интенсивной работы среди крестьянства, работавшие в их среде члены местных комитетов объединились с теми сочувствующими, которые работали в деревне, не входя в партию, а также и самими распропагандированными крестьянами и образовали внутри ПСР «Крестьянский союз партии социалистов-революционеров». Союз состоял из сети местных комитетов, которые должны были взять на себя все функции, связанные с крестьянскими делами в подотчетном им регионе.

Союзом были выпущены два воззвания: «От крестьянского союза партии социалистов-революционеров ко всем работникам революционного социализма в России» и «Ко всему русскому крестьянству». Основной идеей первого воззвания, обращенного ко всем революционерам, был вывод о своевременности расширения воздействия на крестьянство, так как «один террор, не поддержанный сочувственным движением масс, как показал опыт «Народной Воли» только дразнит иллюзией победы, но не способен прочно завоевать ее; но террор в связи с работой в массах дает огромные результаты, внося неудержимую панику в действия властей и мощно, безгранично поднимая энтузиазм и энергию масс».

Второе воззвание «Ко всему русскому крестьянству» рассказывало крестьянам, почему произошли беспорядки в Полтавской и Харьковской губерниях, отчего они окончились неудачно для крестьян, о партии, о «Крестьянском Союзе» и звало всех вступать в ряды Союза для борьбы с правительством. Социалисты-революционеры достаточно идиллически описывали в этой прокламации поведение крестьян во время беспорядков.

«И вот весною 1902 года, перед Пасхой во многих уездах Полтавской и Харьковской губерниях крестьяне на сходах порешили идти всем миром к помещикам, отобрать у них землю, хлеб и скотину, и разделить ее между всеми по равнению, по справедливости. Выезжали крестьяне всем миром, с подводами, вели их старосты, и принимались они за раздел зерна, картошки, муки, оставляя равную часть и прежним хозяевам на прожиток».

Экономическая программа-минимум, предварительно выдвинутая Союзом, содержала, в первую очередь, пункт о социализации земли, а во вторую – программу «развития в крестьянстве всевозможных видов общественных соединений и экономических коопераций для постепенного высвобождения крестьянства из-под власти капитала и для подготовления грядущего коллективного землепользования».[1]

Исходя из собственных представлений о крестьянстве и повсеместного распространения «поземельной общины» в России, Брешковской был сделан вывод о возможности будущего аграрного переустройства деревни с помощью кооперации как нового хозяйственного принципа, благодаря которому будет преобразована вся индивидуально-семейная природа мелкого крестьянского хозяйства.

Наряду с вышеперечисленным, крестьяне, по программе Союза, должны были вести экономическую борьбу, прибегая к стачкам и террору. Крестьянским братствам необходимо добиваться влияния во всех мирских делах, стараться проводить своих людей на выборные общественные

[1] Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг. 1918.

должности, объединять крестьян для различных совместных культурно-просветительных и других общественно-полезных начинаний, развивать самостоятельность народа, осознание у него своих прав и интересов в борьбе против самовластия администрации.

Осенью 1901 года Брешковская также занимается формированием состава Боевой организации, которая была создана по специальному решению Центрального Комитета партии. Брешковская была ближайшим сотоварищем Гершуни по постановке дела террора. Ее горячая пропаганда террора, в котором она видела не только устрашающее средство борьбы, но и пример «великой революционно-гражданской доблести» – действовала на молодежь заразительно. Костяк партии в то время составляли, с одной стороны, старые народники после каторги и ссылки (Е.К. Брешковская, М.Р. Гоц, О.С. Минор), а с другой стороны, экстремистски настроенная молодежь, жертвы гонений на студенчество. (Н.Д. Авксентьев, В.М. Зензинов, Б.В. Савинков, А.Р. Гоц, И.И. Фондаминский)

Брешковскую отличало редкое для пожилого человека качество - особое умение общаться с молодежью и оказывать на нее влияние. Ко всем людям она обращалась на «ты», ласково и доброжелательно, - «он негодный человек, ...а ты обращайся с ним, как с порядочным, может быть и он почувствует в себе человека».[1]

Как написал Чернов: «К ней всегда тянулись молодые души, потому что она в них верила и этой верой заставляла стать выше самих себя. Всем она щедро оказывала моральный кредит, но от всех требовала, чтобы за словом шло полноценное дело».[2]

Осенью 1901 года в состав Боевой организации под влиянием бесед с Брешковской и Гершуни был принят молодой, крайне впечатлительный, и с детства находившийся под влиянием отца-революционера, Степан Балмашев, стоявший до того во главе организованного им в Киеве кружка

---

[1] Керенский А.Ф. Брешковская Е.К. (1844 – 1934) Некролог/Современные записки. Париж. № 54. 1934. С. 395.

[2] Чернов В.М. Перед бурей. М. 1993. С. 151.

«Киевский союз социалистов». В этот период во главе Боевой организации встал Г.А. Гершуни, под руководством которого было совершено убийство министра внутренних дел Д.С. Сипягина, произошло покушение на губернаторов И.М.Оболенского и Н.М.Богдановича.

После убийства министра внутренних дел Сипягина, произошедшего 2 апреля 1902 года, Гершуни и его ближайшие товарищи по «Боевой организации», скрывшись из Петербурга, группируются в Киеве, где Гершуни имел главную конспиративную квартиру; там зачастую приходилось скрываться от полиции и Брешковской, которая иногда жила там на кухне под видом простой прислуги; на Киев также шла направляемая по адресам третьих лиц конспиративная переписка Боевой организации из-за границы.[1]

Во время одного из своих многочисленных разъездов по стране, целью которых была агитация и набор людей в партию, Брешковская знакомится с Б.В. Савинковым, в будущем одним из руководителей Боевой организации и видным деятелем всей партии социалистов-революционеров. На впечатлительного и увлекающегося Савинкова, который в то время был социал-демократом, встреча с Брешковской произвела решающее впечатление. Сосланный в Вологду в начале 1902 года по делу петербургских социал-демократических групп «Социалист» и «Рабочее знамя», Савинков уже давно разочаровался в их программе. В своих воспоминаниях он пишет об этом: «Мне казалось, что она не отвечает условиям русской жизни: оставляет аграрный вопрос открытым. Кроме того, в вопросе террористической борьбы я склонялся к традициям Народной воли. ...В Вологду дважды - осенью 1902 года и весной 1903 года приезжала Е.К. Брешковская. После свиданий с нею я примкнул к партии социалистов-революционеров, а после ареста Гершуни (май 1903 г.) решил принять участие в терроре».[2]

---

[1] Спиридович А.И. При царском режиме\Архив русской революции. Т. 15-16. М. 1993.

[2] Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М. 1990. С. 30.

Летом 1903 года Савинкову удалось бежать из ссылки, после чего он приехал в Женеву, где Брешковская и Гоц, узнав о его желании работать в терроре, свели его с Азефом.[1] Ранее Брешковская уже встречалась с другими будущими членами Боевой организации: в Ярославле - с другом Савинкова Иваном Каляевым, где тот находился под полицейским надзором, в Уфе - с Егором Сазоновым, - после чего они вступают в партию социалистов-революционеров и становятся членами Боевой организации. Каляев и Сазонов совершат самые громкие террористические акты партии социалистов-революционеров: Сазонов в 1904 году убьет бомбой министра внутренних дел Плеве, а Каляев в 1905 – московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича. Эти террористические акты будут совершены уже под руководством Савинкова и Азефа, которым были переданы все дела Боевой организации после ареста Гершуни в 1903 году.

Горячая пропаганда террора, в котором Брешковская видела не преступление, а подвиг во имя народа, сопровождала ее выступления на протяжении всей революционной деятельности. Не совершив в своей жизни ни одного террористического акта лично и считая, что принесет больше пользы как организатор и лидер, (также как руководители Боевой Организации Савинков и Азеф) Брешковская вдохновила на их совершение многих молодых социалистов-революционеров. Брешковская была уверена в том, что для достижения благих целей любые средства хороши, и распоряжалась чужими жизнями с легкостью и жестокостью.

По-видимому, Брешковская разделяла популярные в конце XIX века, (в среде народников) идеи, высказанные И. Кантом, Т. Карлейлем и развитые одним из духовных идеологов народничества Н.М. Михайловским, об особой роли отдельной личности – героя, ведущего за собой толпу. В статье “Снующая Русь”, Брешковская пишет об этом:

---

[1] Городницкий Р.А. Б.В. Савинков и Боевая организация ПСР. 1909-1911 гг.\Минувшее. № 18. 1995. С. 209.

«Полагались не столько на правоту своей идеи, сколько на таланты и характеры отдельных личностей. Их успех - был успехом масс, шедших за ними; их неудачи вели за собою разгром всеобщий. ...Умственной, отвлеченной цели не было, либо у немногих она была, и все положительные достижения ожидались от того, кто вел толпы. Ведь и монархическая идея вмещается в понятие лица, облеченного властью. И это лицо одаряют всеми высшими качествами человека, способного привести народ свой к полному счастью. За отсутствием такого избранника не мыслится и благо человечества".[1]

При этом достаточно наивные предположения как Брешковской, так и других апологетов террора, о том, что маленькая группа людей сможет, внеся революционное брожение в общество, перевернуть его, так и не подтвердились.

С момента перехода на нелегальное положение в 1898 году Брешковская постоянно подвергалась опасности быть снова арестованной, поскольку была известна в полиции как крупный и опасный деятель революционного движения. По показаниям свидетелей был составлен ряд секретных циркуляров о деятельности Брешковской и Гершуни;[2] в одном из них, датированным 20 июня 1902 года, указано: «Из полученных в департаменте полиции сведений усматривается, что в настоящее время наиболее серьезным значением среди членов революционного сообщества, присвоившего себе наименование партии социалистов-революционеров, пользуются разыскивыемые по циркуляру департамента полиции: 1) Гершуни Г.А., из мещан города Шавли Ковенской губернии, врач-бактериолог; 2) Брешко-Брешковская Е.К., урожденная Вериго, крестьянка Забайкальской области, Селенгинского округа, Иволкинской волости, Зуевского селения».

---

[1] ГАРФ. Ф. 5878. Оп. 1. Д. 33. Л. 4.

[2] ГАРФ. Оп. 1903. Д. 842 (1). Л. 70.

В «Осведомлении чинов полицейских и губернских о деятельности Гершуни и Брешковской» перечисляется огромное количество мест, где, по сведениям полиции, проживала Брешковская. По данным полицейских циркуляров за 1902 год, Брешковскую безуспешно разыскивали в Бессарабии, Саратове и во многих других местах.[1] Саратовская типография была разгромлена в 1902 году, тогда же был произведен ряд арестов среди местных активистов ПСР.[2]

Начальник Московского охранного отделения 25 мая 1900 года сообщал, что полиции известны имена оставшихся на свободе главных организаторов эсеровской типографии – это Гершуни, Брешковская, С. и Л. Клячко.[3]

Также в полицейских документах сказано, что Гершуни и Брешковская «подлежат препровождению в распоряжение начальника петроградского губернского жандармского отделения», и что все местные отделения полиции снабжены фотографиями Брешковской и сведениями о ее приметах еще 12 ноября 1901 года. В циркуляре она описана как «черноглазая женщина среднего роста с черными волосами с большой проседью».[4]

Эпизод, характеризующий повседневную жизнь Брешковской в этот период, приводится в воспоминаниях князя Петра Долгорукого. Однажды, часов в десять вечера, в его имение, находившееся в Курской губернии, приехала незнакомая женщина, которую слуга представил как пожилую монахиню. Войдя, посетительница сразу сказала: «Я Брешко-Брешковская. Ведь вы слыхали обо мне?», и, объяснив, что находится на нелегальном положении, попросила Долгорукого о ночлеге. Брешковская собиралась пробыть в его доме лишь несколько часов, так как рано утром должна была проводить собрание среди крестьян соседней деревни. Долгорукий с

---

[1] ГАРФ. Оп. 1903. Д. 842 (1). Л. 70.

[2] Там же. Л. 55.

[3] ГАРФ. Оп. 1903. Д. 842 (1). Л. 44.

[4] ГАРФ. Ф. 5878. Оп. 1903. Д. 842 (1). Л. 70. Л. 47.

недавнего времени находился под негласным надзором полиции, где был известен как человек либерально настроенный и имеющий контакты с революционерами, - вскоре он был удален с поста председателя уездной земской управы. В связи с этим визит Брешковской, о внешнем облике которой он не имел представления, очень встревожил его. Сомнения по поводу истинной личности посетительницы, к тому же явившейся без всякого предупреждения, не оставляли его все время пребывания Брешковской в его доме. Долгорукий опасался, что это подосланный полицией агент, тем более, что гостья не разъясняла всех обстоятельств приезда, сказав лишь, что шла до его дома пешком более десяти верст. За ужином Брешковская рассказывала о годах, проведенных в ссылке, а затем, обратившись к политическим темам, начала пропаганду социалистических идей. Она высказала Долгорукому как представителю либералов, что если вы «сами неспособны на террор, то должны, по крайней мере, содействовать террористам». В два часа ночи Брешковская отправилась спать, а в шесть утра ее уже не было в имении; позже, наведя справки среди знакомых, принадлежащих к ПСР, Долгорукий убедился, что это была в действительности Брешковская.[1]

В 1902 году Азеф уже поставлял полиции информацию о Брешковской: к примеру, в показаниях Виноградова (Азефа) от 1 мая, он сообщал, что «Гершуни часто видится с разыскиваемой Екатериной Брешковской, конспиративная кличка которой «Бабушка». Последняя недавно была в Киеве, а теперь живет в Одессе».[2] Имея возможность с помощью Азефа арестовать Брешковскую, департамент полиции не торопился это сделать, вероятно, опасаясь возбуждения общественного мнения в Европе и Америке. За границей Брешковская была известна с того времени, как американский исследователь Джордж Кеннан написал книгу

---

[1] Долгоруков П. (кн.) Три встречи. (Памяти Е.К. Брешко-Брешковской)\Современные записки. 1934 год. Париж. № 56. С. 398.

[2] ГАРФ. Оп. 1903. Д. 842 (1). Л. 53.

«Сибирь и ссылка», в которой рассказывал о тяжести жизни политических заключенных. Благодаря этой книге, имя Брешковской как защитницы прав человека в России, было широко известно за границей.

К 1903 году партия социалистов-революционеров подвергается разгрому – многие видные деятели арестованы, саратовская типография захвачена. Брешковская все еще не арестована, но дело поставлено так, что оставаться в России ей очень опасно, и Азеф, как член ЦК, уговаривает ее уехать за границу.

Период с 1896 по 1903 годы стал решающим в жизни Брешковской – в этот насыщенный этап революционной деятельности она стала одним из основателей и организаторов партии социалистов-революционеров, приняв активное участие и в составлении теоретической платформы новой партии. Брешковская была уверена в необходимости создания новой единой социалистической партии, которая, опираясь на традиции народников и народовольцев, должна была сплотить новую молодежь и старых революционеров с широкими народными массами, чтобы вместе противостоять влиянию марксизма. В ряду ближайших задач молодой партии было расширение воздействия на крестьянство путем сочетания террористической борьбы с работой в массах, которое, по мысли организаторов, в числе которых была и Брешковская, должно было дать значительные результаты. Попытки приспособить доктрину крестьянского социализма к условиям развивающегося капитализма привели к тому, что основные надежды возлагались на такие стороны деятельности крестьянства, как развитие местного самоуправления и кооперативного движения, активное участие крестьян в общественной и культурно-просветительной работе. Все эти начинания должны были, по мнению лидеров эсеров, послужить развитию политической самостоятельности народа, осознанию им своих прав и интересов, но не были реализованы, поскольку сознательность крестьян была значительно преувеличена. Хотя Брешковская и констатировала, что главный недостаток русского народа в

его массе - невежество, она переоценивала воспитательную роль интеллигенции и возможности ее влияния на народ, как, впрочем, и большинство представителей этого поколения революционеров. На протяжении всей деятельности партии социалистов-революционеров процент крестьян в ее составе был незначителен, поскольку ряды как рядовых членов партии, так и террористов, по-прежнему, пополнялись, в основном, выходцами из разночинной молодежи. При этом деятельность созданной Брешковской «Боевой Организации», которая являлась лишь одной из областей партийной работы, стала наиболее ярким и заметным ее направлением - любой эсер в сознании широких масс ассоциировался в первую очередь с бомбистом.

За достаточно короткое время Брешковской как одной из основателей ПСР наряду с другими революционерами была создана крупнейшая российская социалистическая партия, действительно, ставшая реальной альтернативой РСДРП. Примечательно, что вопрос о едином лидере новой партии так и не был решен ее создателями. Негативными факторами, не позволявшими Брешковской претендовать на эту роль, наряду с возрастом и полом, был и недостаток политического реализма и предвидения вкупе со слабой теоретической подготовкой. Будучи достаточно простой, цельной натурой, твердо уверенной в своей правоте Брешковская была искренна в заблуждениях, отличалась отсутствием личного стремления к власти и главенству в партии. Поверхностность и поспешность, с которой она подходила к решению многих серьезных вопросов, являлись обратной стороной свойственных Брешковской решительности и радикализма. Среди других лидеров ПСР она сразу заняла место вдохновляющего и цементирующего символа, привлекающего в ряды партии новую молодежь и являющегося примером многолетнего служения революционной идее.

ГЛАВА III

РОЛЬ И МЕСТО Е.К. БРЕШКО-БРЕШКОВСКОЙ В ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

§1. Участие Е.К. Брешко-Брешковской в организации эсеровской эмиграции и борьба за расширение террора

В мае 1903 года Брешковская, сев на пароход в Одессе, через Румынию и Австрию прибыла в Женеву.[1] Еще в России она была снабжена легальным паспортом на имя вдовы профессора с немецкой фамилией, ее ровесницы – данный документ даже был приведен полицейскими в пример одному французу, не имеющему на паспорте всех необходимых виз.[2]

Об отъезде Брешковской Спиридович высказался так: «за границу эмигрировала Брешковская, к заарестованию которой, после Гершуни,

---

[1] Сухомлин В.В. Политические заметки: по поводу 85-летия Брешко-Брешковской Е.К.\Воля России. Прага. Февраль 1929. С. 106.

[2] ГАРФ. Ф. 5878. Оп. 2. Д. 14. Л. 1.

были направлены главные усилия всех розыскных органов».[1] Но, видимо, либо усилия полиции были недостаточными, либо в аресте Брешковской не было насущной необходимости, так как годы, проведенные ею в вынужденной эмиграции, оказались крайне продуктивными. За границей Брешковская продолжила начатую в России деятельность по собиранию и организации эсеровской эмиграции, – еще осенью 1901 года она вместе с Г.П. Гершуни и П.П. Крафтом вошла в занимавшуюся налаживанием контактов с революционерами-эмигрантами комиссию по связи с заграницей.

В показаниях Судебно-следственной комиссии по делу Азефа С.Н.Слетов рассказывает о появлении Брешковской в Швейцарии: «...за границу приехала Брешковская, которая задалась целью организации заграницы, привлечением тех лиц, которые еще не были привлечены к работе, и затем создать нечто вроде формальной организации. Публики, которая примыкала к партии, в то время было уже достаточно много... но социалистов-революционеров не было, в сущности говоря...»[2]

Среди примыкавших к партии за границей самыми известными фигурами были Х.О. Житловский, И.А. Рубанович, тогда еще считавший себя старым народовольцем, и В.М.Чернов, до приезда Брешковской выступавший как частное лицо. Число социалистов-революционеров в эмиграции быстро растет – в это время большое количество русской молодежи учится за пределами России, и Брешковская, агитируя студентов, постоянно курсирует между университетами Женевы, Берна и Цюриха. В этот же период начинается прилив революционеров, спасавшихся от арестов на родине, большинство из которых, пересидев опасное время за границей, через несколько месяцев возвращались в Россию уже членами ПСР. Необходимость создания единой заграничной организации назревала уже давно; по словам С. М. Слётова: «живо чувствовалась необходимость в

---

[1] Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886 – 1916. Пг. 1918. С. 129.

[2] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 496. Л. 1.

создании какой-либо формальной организации. И вот приехала Брешковская, которая и занялась этим делом».[1]

По ее инициативе и при активном участии летом 1903 года состоялся съезд социалистов-революционеров, на котором был создан Заграничный комитет партии и специальное бюро для обеспечения всем необходимым членов партии, выезжающих на работу в Россию.

В этом же году, во время пребывания Брешковской в Лондоне произошло ее знакомство с будущим лидером партии конституционных демократов П.Н. Милюковым (в семье Серебряковых). В то время многие революционеры принимали его за человека, придерживающегося значительно более левых взглядов, чем это было на самом деле. «И Катерина Константиновна, при первой же встрече, немедленно отвела меня в отдельную комнату и с места в карьер принялась меня пропагандировать и привлекать в свою веру...» Милюков как ученый-историк должен был, по планам Брешковской, послужить распространению социалистических идей в еще неохваченной ПСР научной среде. Но, быстро заметив, что собеседник в силу иных убеждений не может оправдать ее надежд, Брешковская оставила Милюкова в покое. По его признанию, несмотря на эту ошибку: «создалась, однако, как-то сразу, простота отношений и взаимное доверие».[2]

Будучи революционеркой и сторонницей самых радикальных способов общественного переустройства, Брешковская придерживалась достаточно толерантных взглядов по отношению к людям иных убеждений, что, впрочем, не распространялось на марксистов, которых она не признавала именно за узость мышления и нетерпимость.

«Оставаясь в основе своих убеждений непоколебимой сторонницей эволюции народовольчества, она никогда не была нетерпимой к инакомыслящим, узкопартийной в своих отношениях к людям. Проявление

---

[1] Там же. Д. 379. Л. 3.

[2] ГАРФ. Ф. 5824. Оп.1. Д.676. Л.2.

добрых качеств человеческой души всегда находили у нее отклики и сочувствие, независимо от принадлежности к той или иной партии».[1]

При этом, на протяжении многих лет поддерживая дружеские отношения с представителями реформистских партий, позицию либералов по отношению к террору Брешковская продолжала считать трусливой и лицемерной, по поводу чего даже написала в 1924 году статью «Мои соприкосновения с представителями конституционно-демократической партии». Рассказывая о знакомстве с членом партии кадетов, писателем А. А. Корниловым, Брешковская особо отметила то, как во время частного разговора, в тот момент, когда речь зашла о современной политической ситуации, Корнилов вдруг достаточно резко и осуждающе спросил Брешковскую о том, почему до сих пор еще жив Сипягин? Но на ответный вопрос Брешковской: «Так почему же вы его не уберете? – строго заметил, что такими делами всегда занимались только революционеры.[2]

В феврале 1904 года Брешковская переехала из Лозанны в Париж, где поселилась на одной квартире с несколькими молодыми женщинами - Софьей Эфрусси, Верой Апатовой и Марией Грановской. Наиболее близкие отношения установились у Брешковской с Эфрусси – они даже выдавали друг друга за тетку и племянницу. Девушки под руководством Брешковской печатали на ручных станках партийные брошюры, активным распространением которых она занималась на всех русских вечеринках, которые постоянно посещала. Некоторое время на этой же квартире вместе с ними жили братья Шлима и Александр Гурвич из Вильно и Шарлотта и Николай Гольденштейны. Дежурившими у квартиры филерами было установлено, что там же временно находился и «подозрительный русский» по фамилии Лебин, замеченный в сношениях с Бурцевым; позднее выяснилось, что под этим псевдонимом скрывается бежавший из Сибири

---

[1] Якушева Е. Брешко-Брешковская Е.К. К чествованию за границей ее 85-летия\Воля России. Прага. 1924.

[2] ГАРФ. Ф. 5975. Оп. 1. Д. 71. Л. 4.

революционер Петр Абрамович Бронштейн.[1]

Характерным примером работы русской полиции в Европе может служить случай, приведенный в срочном сообщении заведующего заграничной агентурой от 15 февраля 1904 года. Заведующий особым отделом Л. А. Ратаев, в свою очередь, привел эту ситуацию в донесении директору департамента полиции в качестве иллюстрации плачевного положения дел за границей в отсутствие единого руководства. Он доложил начальству о том, что «17 октября из Швейцарии выбыл известный террорист-революционер – греческий подданный Хаим Левиди, он же Левит», направляющийся через Мюнхен и Берлин в Россию для совершения террористических актов. По имеющимся у полиции данным, в России Леви планировал заняться организацией как массового террора, так и подготовкой конкретных террористических актов. Незадолго до отъезда в Россию Леви тесно контактировал и «имел продолжительное совещание с членами заграничного центра ПСР – Гоцем, Бохановским, Брешковской, словом, с крайними элементами этого центра, которые начинают сознавать необходимость создания по примеру 70-х годов «Исполнительного Комитета». При помощи ПСР Леви был обеспечен материальными средствами и необходимыми в России явками, поддельные российские документы он должен был приобрести позднее. Информация об этом была передана коллежскому советнику Гартингу, но тот не уделил ей должного внимания, и филеры вслед за Леви были отправлены лишь после отдельного распоряжения директора департамента полиции. След потенциального террориста в Европе к этому времени уже был потерян, и главы полицейских отделов вынуждены были вступить в продолжительную полемику между собой, выясняя, кто виноват в сложившейся ситуации и где Леви может находиться в данный момент. Ратаев писал: «Наблюдение за Леви велось столь неохотно и небрежно, что

[1] Там же. Ф. 102. Оп. 316. Ч.1. Л. 75.

по своей безрезультатности вызвало даже у Вашего Превосходительства основательные сомнения в истинности указаний секретной агентуры».[1]

Спиридовичем также было замечено, что «центральный и руководящий по розыску правительственный орган был не на высоте положения» и не смог воспрепятствовать проходившему за границей объединению ПСР, хотя стражи порядка во главе с талантливым, по его мнению, чиновником П.И. Рачковским благодаря Азефу и целому ряду других провокаторов и филеров обладали всеми необходимыми сведениями о происходящем в революционных кругах.[2]

В связи с расследованием обстоятельств взрыва в петербургской Северной гостинице перед полицейскими была поставлена четкая задача по выявлению группы, готовившей этот теракт.[3] Взрыв, послуживший причиной расследования, произошел в ночь на 31 марта 1904 года - его жертвой стал член Боевой Организации Покотилов, погибший в момент подготовки снарядов для покушения на министра внутренних дел Плеве.[4] Расследование в этом направлении было существенно затруднено тем обстоятельством, что Азеф в это время находился за пределами Франции, и поэтому, «к глубокому сожалению» Ратаева, «центральный сотрудник в ПСР», не был привлечен к работе.[5] Новый агент, подосланный к эсерам, был очень тепло принят Брешковской и Юделевским, которые в полицейском документе обозначены как представители «левого крыла». Среди других агентурных сообщений содержатся очень любопытные донесения этого провокатора.[6] Одно из наиболее интересных сообщений рассказывает о встрече агента с Брешковской, произошедшей 21 апреля, накануне ее отъезда из Парижа; сразу по возвращении домой им был

---

[1] ГАРФ. Ф. № 102. Оп. 1.Ч.1. Л. 80.

[2] Спиридович А.И. При царском режиме\Архив русской революции. Т. 15-16. 1993. С. 141.

[3] ГАРФ. Ф. №102. Оп. 316. Ч.1. Л. 81.

[4] Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М. 1990. С. 51.

[5] ГАРФ. Ф. №102. Оп. 316. Ч.1. Л. 90.

[6] Там же.

написан подробный отчет об этой последней беседе, которая продолжалась около двух часов.[1]

По словам агента, Брешковская постоянно жаловалась на инертность молодежи, которая труслива, «ничего не делает, а только... сваливает всю работу на стариков», на что тот возразил ей, приведя в пример недавний петербургский взрыв, подготовленный молодым революционером. С подачи агента разговор быстро перешел на обсуждение данной темы, подхватив которую, Брешковская заметно разволновалась и даже призналась в том, что, узнав о неудаче, «целый день плакала навзрыд». Она рассказала, что бомбы готовились специально ко дню открытия памятника Александра III, Северная гостиница была выбрана как ближайший пункт наблюдения, а совершить теракт революционеры планировали во время прохождения торжественной процессии. Когда агент как бы невзначай заметил, что, хорошо хотя бы то, что один из организаторов взрыва на свободе, Брешковская ответила: «подожди, может и они попадутся», позже еще несколько раз повторив слово «они», из чего полицейский сотрудник справедливо заключил, что террористов было несколько. Таким образом, Брешковская легко дала агенту необходимую ему информацию о том, что в подготовке теракта участвовала группа террористов, но так и не назвала имен ее участников. Действительно, в той или иной степени в подготовке покушения принимали участие четыре человека: Покотилов, Боришанский, Сазонов и Мацеевский.[2] В результате общения агента с Брешковской, Юделевским и Кочаровским было достаточно быстро установлено, что взрыв в Северной гостинице – дело рук Боевой Организации; до этого времени, наряду с эсеровской версией, полицией рассматривался и анархистский след.

На этом разговор с агентом не закончился, - продолжив прежнюю тему, Брешковская охотно делилась с ним партийными проблемами, главными из

---

[1] ГАРФ. Ф. №102. Оп. 316. Ч.1. Л. 90-93.

[2] Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М. 1990. С. 51.

которых были нехватка материальных средств и пассивность молодых эсеров. Она рассказала, что некоторое время назад заграничной ячейке ПСР удалось отправить в Россию пропагандистскую литературу общим тиражом более 300 000 экземпляров, что стоило партии огромных средств, но около 50 пудов брошюр было арестовано на границе и столько же задержано в России. Но основные претензии Брешковской относились к эсеровской молодежи, которая, по ее словам, только сочувствует, а нисколько не помогает; через некоторое время, в конце 1904 года Брешковская напишет, что по-настоящему активных революционеров в массовой партии насчитывается лишь «несколько сот молодых людей».[1] Она упомянула и о письмах, недавно полученных ею от Чернова, в которых последний жалуется на крайнее переутомление вследствие партийной работы, приведшее к тому, что он «слег окончательно в постель...» Брешковская гневно критиковала молодых революционеров, спокойно живущих в эмиграции и не торопящихся возвращаться на родину; в связи со всем вышесказанным, она начала агитировать агента ехать на работу в Россию, где он должен был научиться печатать на машине, заняться распространением агитационной литературы, и главное, сбором денег в фонд партии. Брешковская посоветовала собирать пожертвования исключительно под видом сбора средств для помощи бедным студентам, никому не говоря об истинном предназначении денег (ей вообще было свойственно направлять финансовые средства, собранные в качестве пожертвований на определенные цели, для осуществления совершенно иных проектов). На прощание Брешковская вручила провокатору брошюры для пропаганды в Поволжье, откуда тот был родом и, высказав надежду на то, что он станет ее молодым помощником, поцеловала агента.

Уже в эмиграции Брешковская напишет о проблеме провокаторства среди членов ПСР: «Я могу сказать по чистой совести, что я и как работница и как организаторша, не ввела в круг революционной

[1] Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М. 1997. С. 46.

деятельности ни одного шпиона, ни тем более провокатора. Несчастные случаи, ...имели место без моего ведома и даже против моей воли».[1] Далее в этих воспоминаниях следуют рассуждения о вреде, приносимом всей партии неумением ее членов разбираться в людях, которому особенно подвержены «товарищи мужчины». Вполне возможно, что подобные высказывания с ее стороны были в определенной степени искренни, так как во многих случаях революционеры так никогда и не узнавали о том, что имели дело с провокаторами, - определить агента, действительно, было крайне сложно, и ошибки, подобные описанной выше, были неизбежны. Но честность Брешковской подвергалась сомнению и в полиции; заведующий заграничной агентурой в своем донесении начальству рекомендовал отнестись к сведениям, почерпнутым из бесед провокатора с Брешковской, довольно пристрастно, аргументируя это тем, что и сам «привык относиться к рассказам Бабушки с величайшей осторожностью и скептицизмом; она завзятая лгунья и хвастунья, раз дело касается террора, то для вящей славы ПСР она готова приписать ей участие во всех политических преступлениях настоящих и будущих времен».[2] В связи с этим замечанием требуется указать, что вопросы подготовки и совершения терактов были крайне запутанны даже для членов руководства ПСР, которые, формально являясь наставниками террористов, имели достаточно смутные представления об их каждодневной работе и конкретных планах осуществления терактов.[3]

Как уже было сказано выше, 22 апреля Брешковская выехала из Парижа, оповестив всех, что отправляется в Амстердам для участия в переговорах, посвященных предстоящему Международному Социалистическому Конгрессу; там она должна была заменить тяжело заболевшего Гершуни. Уезжая, Брешковская сообщила агенту что, скорее

---

[1] РГАСПИ. Ф.274. Оп. 4. Д. 47. Л. 43.

[2] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Ч.1. Л. 97.

[3] Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901-1911 гг. М. 1998. С. 56.

всего, вернется в Женеву в июне, а точное место ее нахождения будет знать Софья Эфрусси. На самом деле, перед отъездом в Голландию, она успела побывать в Лозанне, а 1 мая присутствовала в Женеве на праздновании Дня солидарности трудящихся.[1] В «Психологическом очерке» Брешковская вспоминает, что «держалась я правила не сообщать, куда еду...», - и эта предосторожность была одним из основных правил конспирации, которое она всегда старалась соблюдать.[2] В дополнении к полицейскому докладу за период от 28 мая по 10 июня 1904 года сообщается, что со времени отъезда из Парижа от Брешковской не поступало никаких известий, а Юделевский и Эфрусси в частном разговоре с агентом высказали однозначное мнение, что в Голландии ей «делать нечего», делегатом от ПСР все равно должен поехать Рубанович, и поэтому Брешковская, скорее всего, находится уже в России. [3]

М.И. Леонов, отнесший Брешковскую в категорию массовиков, в работе «Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг.» пишет о том, что «массовики» были напуганы «страшно усилившимся влиянием сторонников исключительного значения террора... и преобладающего значения БО с ее специфическими чертами заговорщичества», из чего можно сделать не совсем точный вывод о том, что со временем Брешковская стала выступать за ограничение террористической борьбы. [4] Одним из примеров, на которых базируются подобные утверждения, может служить факт, приводимый другим видным исследователем истории ПСР К.Н. Морозовым: после убийства Плеве, видимо, почувствовавший себя более уверенно Азеф предложил наиболее влиятельным эсерам подписать воззвание «К цивилизованному миру», сообщавшее о казни министра внутренних дел В.К. Плеве именем Боевой Организации. Заявление Азефа о том, что террористическая работа является первичной для партии,

---

[1] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Ч.1. Л. 56.

[2] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 12. Л. 41.

[3] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Ч.1. Л. 57.

[4] Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М. 1997. С. 35.

вызвало горячий отпор Брешковской, Чернова и Рубановича, и он вынужден был отступить. Но этот пример, как и некоторые другие, говорит лишь о неприятии Брешковской абсолютизации террористической борьбы и попыток представить этот аспект партийной деятельности в качестве превалирующего, и не содержит никакой информации о ее выступлениях за ограничение террора как такового.[1]

В 1904 году среди большинства руководителей партии наметился курс в сторону чисто политической борьбы, что было обусловлено оживлением либерально-конституционного движения в связи с «политикой доверия» нового министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского, занявшего этот пост после убийства членами Боевой организации его предшественника В.К. Плеве.[2] Но Брешковская, несмотря на преобладающие на тот момент в ЦК либеральные настроения, упорно продолжает выступать за расширение террора: активизацию деятельности Боевой организации и передачу террора в руки крестьянских масс. Для осуществления этих целей в 1904 году в Женеве под покровительством Брешковской и князя Д. Хилкова формируется группа аграрных террористов, по-другому названных «крестьяновцами».

Князь Хилков, с которым в то время близко сотрудничала Брешковская, был потомственным дворянином, выпускником Пажеского корпуса, который, выйдя в отставку, неожиданно увлекся толстовством и в 1903 году стал членом Заграничного комитета партии эсеров. Его работа в партии была непродолжительной – вернувшись в Россию в 1906 году, Хилков принял решение отойти от революционной деятельности. Группа аграрных террористов, которую опекали Брешковская и Хилков, состояла из молодых эсеров во главе с Е. Устиновым (Лозинским) и М.Соколовым, позднее, в 1906 году возглавившим Союз с.-р.-максималистов и казненным

---

[1] Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907-1914 гг. 1998. С. 173.

[2] Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М. 1997. С. 35.

за организацию покушения на Столыпина на Аптекарском острове. План работы «крестьяновцев» был таков: отдельные группы, относительно автономные от ЦК, выезжают в Россию, где начинают пропагандистскую работу в среде крестьян, готовя их к немедленной и всенародной террористической борьбе. Учитывая, что поджоги, потравы и даже случаи убийства помещиков традиционно имели место в российской деревне, аграрные террористы надеялись, что агитируемые ими радикальные методы борьбы будут с энтузиазмом подхвачены в народе.[1] В ноябре 1904 года группа «крестьяновцев» принимает резолюцию о формировании аграрного и политического террора, выдержка из которой приведена ниже.

«В число конкретных боевых задач таких групп, – должны входить инициатива и руководство в самых различных формах борьбы русского крестьянства с административно-политическим и экономическим гнетом, начиная с более пассивных... и кончая вооруженными массовыми столкновениями с частновладельческими стражниками и ставленниками, с полицией и войсками... Кроме того, на обязанностях боевых дружин в деревне должна лежать еще организация и осуществление на местах аграрного и политического террора в целях устрашения и дезорганизации всех непосредственных представителей и агентов современных господствующих классов».[2]

Данный документ был назван составителями резолюцией «большинства» женевской группы, что не совсем соответствовало действительности. Вскоре он был разослан по партийным ячейкам в России, о чем члены ЦК даже не были поставлены опасавшимися противодействия «крестьяновцами» в известность. Брешковскую и Соколова поддержали в их смелых начинаниях лишь наиболее молодые и радикальные эсеры, старшее же поколение

---

[1] Леванов Б.В. Из истории борьбы большевистской партии против эсеров в годы первой русской революции. Л. 1974. С. 107.

[2] Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. М. 1918. С. 46.

революционеров, находившихся в эмиграции, выступило категорически против воплощения этих планов в жизнь. ЦК не соглашался передать такое ответственное дело в руки слишком импровизированных и не имеющих большого опыта «крестьяновских» групп, и на народный террор был наложен категорический запрет.[1] По сути, предлагаемый абсолютно непродуманный и опасный план действий, в случае его осуществления, вел к полной анархии - акции устрашения и террора неминуемо вышли бы из под контроля и не привели бы к желаемой цели, а только усугубили ситуацию.

Как выяснилось позже, планам Брешковской и Хилкова не суждено было осуществиться, во многом, из-за противодействия Азефа. С.Н. Слётов, вступивший в группу «крестьяновцев», в показаниях Судебно-следственной комиссии по делу Азефа рассказал, что именно он должен был стать связующим звеном между группой и партией и иметь дело, в основном, с Боевой организацией. «Я сказал об этом Азефу, потом получил формальное письмо от имени ЦК, подписанное Азефом и У.Селюк – ультиматум: или ехать в Россию без всяких условий или ждать дальнейших распоряжений ЦК и выяснять дело здесь».[2]

В итоге, результатом стараний Азефа и разделившего его позицию в этом вопросе О.С. Минора стала ответная резолюция «меньшинства» женевской группы, под которой подписались наиболее влиятельные представители эсеровской верхушки.[3] О противодействии планам Брешковской и Хилкова со стороны Азефа, сообщавшего полиции «о плане поездки князя Хилкова с товарищами для работы в крестьянстве», говорится также в «Воспоминаниях» Савинкова.[4]

---

[1] Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М. 1997. С. 35.

[2] Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. М. 1996. С. 46.

[3] Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М. 1997. С. 35.

[4] Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М. 1990. С. 383.

Брешковская и ее единомышленники не готовы были идти на открытый конфликт с большинством руководства партии, и план аграрного террора постепенно сошел на нет. Но она долгое время не могла смириться с отступлением, и в публичных выступлениях продолжала призывать к развитию личной инициативы в терроре – «Иди и дерзай! Не жди никаких указов, пожертвуй собой и уничтожь врага!», все статьи этого периода она заканчивает словами: «В народ! К оружию!».

Брешковская никогда не забывала и о значении Боевой Организации, большинство видных членов которой были завербованы именно ею. В 1904 году, на парижском совещании комитета БО Брешковская рекомендует принять в состав организации дочь якутского вице-губернатора, аристократку Татьяну Леонтьеву, знакомство с которой произошло в Женеве. У членов БО ранее не было связей в таких кругах, и Леонтьева была принята в петербургский отдел с большими надеждами, которые новоиспеченная террористка так и не оправдала. Позже, в Швейцарии, Леонтьева все-таки совершила попытку покушения на министра внутренних дел П.Н. Дурново, но, приняв за него одного из французов, ошиблась, в результате чего закончила жизнь в психиатрической больнице.[1] Случай с Т. Леонтьевой является достаточно показательным и типичным примером судьбы террориста - при вербовке сторонников, Брешковская, часто использовала людей со слабой психикой, подавляя, возможно, неосознанно, их волю и навязывая свои убеждения.

Что касается отношения Брешковской к Азефу, то она, безусловно, доверяла ему как руководителю Боевой Организации, хотя и пыталась позже это отрицать. Видимо, она ценила его достоинства партийного работника, при этом не одобряя неприятные ей лично человеческие качества. По словам И.И. Ракитниковой, Брешковская недолюбливала Азефа, «но надо вам сказать, что Бабушка вообще нежные чувства питала в особенности к тем, которые занимались крестьянским делом, а о нем

[1] Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М. 1990. С. 401.

говорила так: «а ему что? Ему и крестьянское дело и социализм – это ему все равно. Да и социализм-то ему не нужен». Вообще она относилась к нему так, несколько отрицательно, что ли...» При этом та же Ракитникова утверждает, что иногда Брешковская отзывалась об Азефе с большим уважением: «Иван Николаевич (партийное прозвище Азефа) практик, Иван Николаевич голова».[1] Сам Азеф чувствовал уважительное отношение Брешковской, например, в одном из женевских писем начальнику полиции Ратаеву, датированным 1 сентября 1904 года, он делится с ним своими соображениями на этот счет: «Должен Вам сказать, что тут есть группа лиц, которые меня как будто избегают, а некоторые ко мне хорошо относятся, в том числе, Чернов, Брешковская и Гоц». Азефа и Брешковскую никогда не связывали особенно близкие отношения и личная переписка, но в одном из писем Савинкову Азеф пишет: «Поцелуй от меня Бабушку».[2]

Пример противоречивого отношения Брешковской к Азефу приводится и в цитате из мемуаров Спиридовича: «бабушка русской революции ругала Азефа за глаза «жидовской мордой», что, вполне вероятно, хотя истинность этого свидетельства ничем не подтверждена. Но тот же Спиридович неоднократно упоминает случай, произошедший после совершенного Боевой Организацией убийства Плеве, когда Брешковская объявила, что посылает Азефу «свой земной поклон», чем значительно подняла его авторитет среди всех членов ПСР.[3]

Судя по всему, она была посвящена в подробности анонимных сообщений об Азефе, периодически поступавших в ЦК. В августе 1905 года Центральным Комитетом было получено анонимное письмо, рассказывающее о провокаторской роли Азефа. Автор анонимки сообщал, что «...этот шпион выдал (наряду с другими)... бабушку (укрывается у Ракитниковых в Самаре)», и настоятельно просил раскрыть содержание

---

[1] Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907-1914 году. 1998. С.168.

[2] Письма Азефа. 1893-1907. М. 1994. С. 44.

[3] Спиридович А.И. Записки жандарма. М. 1928. С. 35.

письма лишь избранному кругу лиц, при этом не объявляя им источник информации. Первой среди потенциальных посвященных была названа Брешковская, далее шли «или Потапов (доктор в Москве), или Майнов (там же), или Прибылев, если он уедет из Питера, где около него трутся тоже какие-то шпионы». Секретные сведения об Азефе рекомендовалось передавать только устно и в личной беседе, после которой кто-то из перечисленных членов партии, по планам автора письма, должен был начать самостоятельное расследование в этом направлении. Брешковская, в силу своего положения в партии, не могла не знать о неоднократно поступавших в ЦК анонимках, но, очевидно, не считала нужным обращать серьезное внимание на эти предостережения.[1]

Доверие Брешковской по отношению к Азефу очевидно, хотя, следует признать, что в его личности не сомневалась не только достаточно мало общавшаяся с ним лично Брешковская, но и изо дня в день работавшие с ним члены Боевой Организации, включая и Б.В. Савинкова.

В 1925 году парижский журнал «Дни» опубликовал статью Брешковской: «Три провокатора. Паули. Азеф. Татаров», содержание которой призвано показать ее проницательность в отношении Азефа и других провокаторов. Брешковская рассказывает, что, узнав от Гершуни о перепоручении всех дел Боевой организации Азефу, забросала Гершуни вопросами. «Кто он такой и что вы ему передали? Да откуда вы знаете этого человека? Кто он? Чем он был? Какое право вы имели самолично распоряжаться судьбой всей партии?» Таким образом, при помощи фальсификации прошлого, она пыталась переложить на одного Гершуни ответственность за общие ошибки.[2]

Брешковская пользовалась практически всеобщей любовью однопартийцев, и, вероятно, дорожила ею, поскольку в период активной работы в руководстве ПСР была крайне осторожна в критических

---

[1] Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М. 1990. С. 340.

[2] Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907-1914 году. 1998. С. 168.

высказываниях, касающихся товарищей по партии; по ее собственным словам, она всегда испытывала страх огульного осуждения. «Нетерпимость может иметь худшие последствия, чем невольная поблажка. ...При том знаю, что мой голос решающий и заклеймить человека – страшно. ...Уже немало примеров тому, что слабые натуры или вовсе падали или кончали жизнь самоубийством, когда товарищи отворачивались от них, как от грешников. ...Я журю, браню, стыжу, уговариваю, но редко прогоняю».[1]

Несмотря на недовольство линией ЦК в сторону чисто политической борьбы, Брешковская продолжает участвовать во всех важнейших политических мероприятиях. 11 августа 1904 года она вместе с Черновым, Гоцем, Житловским и другими представляет партию в составе эсеровской делегации на открытом Амстердамском конгрессе II Интернационала. Брешковская даже вошла в бюро президиума Конгресса, а вся делегация сумела привлечь к себе огромный интерес на конгрессе и вошла в состав III Интернационала. Главным вопросом, стоящим на повестке дня этого Конгресса, была тактика социалистических партий в современный момент. Большинство участников, среди которых были и эсеры, высказались против участия социалистов в буржуазных правительствах и любых соглашений с ними.

В августе 1904 года Брешковская отправилась в Америку для сбора средств в фонд партии. Она давно стремилась в Россию, но члены ЦК предпринимали все усилия, чтобы как можно дольше задержать столь влиятельную поборницу народной террористической борьбы за границей, так как боялись, что по прибытии в Россию Брешковская незамедлительно начнет пропаганду крестьянского террора.[2] Таким образом, идея поездки в Америку была принята ею под влиянием других представителей эсеровской верхушки, которые надеялись хотя бы временно отвлечь ее от реализации планов, связанных с аграрным террором.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 21. Л. 66.

[2] Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М. 1997. С. 35.

Широкое содействие организации приезда Брешковской в США было оказано нью-йоркским «Обществом помощи революционной России», члены которого активно спонсировали партию эсеров и Боевую Организацию в частности. С начала 1904 года американцы передали в Женеву для текущих нужд партии триста долларов, в этом же году в Америке намечалось празднование юбилея «Революционной России», посвященного выходу пятидесятого номера эсеровской газеты.[1] Члены Общества посоветовали Брешковской вместе с Волховским и Минором отправляться в Америку не ранее конца августа, так как летом общественная жизнь в США замирает, и приезд русских революционеров раньше этого срока может не иметь ожидаемого эффекта. В конце августа в Нью-Йорке должна была начаться «широкая рекламная кампания в прессе на американский лад, с помещением в газетах портретов, автобиографий и тому подобного». В одном из писем в европейское отделение ПСР члены «Общества помощи Революционной России» просили Брешковскую и других приезжающих в США революционеров присылать краткие автобиографии «американскому менеджеру», который на них «один сделает две-три тысячи долларов».[2]

По Америке Брешковская путешествовала в сопровождении Х.О. Житловского, который в России был одним из организаторов и руководителей еврейской социалистической рабочей партии (СЕРП), а в США играл большую роль в еврейском социалистическом движении и культурной жизни. Процент евреев среди революционеров в целом, и среди членов ПСР в частности, был очень высок, поскольку еврейское население Российской империи тяжело страдало от проявлений политики государственного антисемитизма, проводимого царским правительством. Учитывая эти причины, Брешковская не ошиблась, рассчитывая на помощь многочисленной еврейской диаспоры в Америке. Она имела в Штатах

---

[1] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1. Ч. 1. Л. 81.

[2] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1. Ч. 1. (3) Л. 77.

громадный успех, выступая на десятках митингов и съездов. Здесь особенно ярко проявился незаурядный ораторский талант Брешковской: не все желающие могли даже попасть на ее выступления, многие женщины плакали во время них. Не раз после выступления ее выносили из зала на руках под бурные овации и пение революционных песен. Оставаясь, прежде всего, проповедником и духовным лидером партии, на многие вопросы, связанные с политикой, Брешковская отвечала: «Прошу вас меня обо всех программных тонкостях не спрашивать и о научных теориях не спрашивать: не моя специальность. Но если здесь найдется достаточно лиц, чувствующих потребность хорошо разобраться в том, что называется политической философией или миросозерцанием партии, то серьезно с ними заняться дал обещание мой спутник, которого я так и называю: мой философ». Под «философом» Брешковская имела в виду переводчика Житловского. В.М. Чернов в воспоминаниях «Перед бурей» затрагивает тему этой поездки: «Ехала туда со специальной пропагандистской, скажу точнее, апостольской миссией. В Америке ей предстояло обратиться, между прочим, и к многочисленной, известной своей отзывчивостью влиятельной еврейской общественности. Как же ей еще искать лучше, чем Житловский, переводчика и посредника в начале с этой для нее непривычной аудитории».[1]

Маршрут Брешковской проходил по традиционно промышленно более развитым и прогрессивно настроенным городам Северной Америки: Нью-Йорку, Чикаго, Бостону, Филадельфии, и другим. В Чикаго, куда Брешковская приехала в поисках денег для партии в 1904 году, произошла ее вторая встреча с Милюковым, который в то время читал лекции в местном университете. Брешковская должна была зачитать доклад о положении дел в России в одном из чикагских дамских салонов, и так как к тому времени она еще не овладела в достаточной степени английским языком, в качестве переводчика ее выступления выступил Милюков.

[1] Чернов В.М. Перед бурей. М. 1991. С. 45.

Брешковская рассказывала американкам о преследованиях, которым она подверглась со стороны русского правительства. В ее изложении все оказывалось слишком просто и не совсем соответствовало действительности: все дело было якобы в том, что царское правительство не хочет, чтобы русский народ умел читать, а поскольку она как раз и занималась распространением грамотности среди простого народа, то и стала преследуемой. Милюков позднее в одной из своих статей признался, что, «войдя в цели Катерины Константиновны», изложил американкам суть ее революционной деятельности «в еще более упрощенном виде», благодаря чему цель лекции была достигнута и необходимые деньги собраны.[1]

Таким образом, для сбора денег в фонд партии Брешковская неоднократно прибегала к замалчиванию и искажению своих истинных целей, вследствие чего практически все ее общественные выступления за границей имели достаточно популистский характер.

При этом одним из главных достижений поездки стало приобретение серьезных связей, которыми ей пришлось неоднократно воспользоваться в будущем. За короткий период времени Брешковской удалось приобрести друзей не только среди представителей еврейской и русской диаспоры в Америке, но и в среде коренных американцев. Через супругов Барроус она вошла в общество прогрессивной американской интеллигенции; известная американская анархистка Эмма Гольдман оказывала Брешковской искренне содействие во время ее путешествий по Америке, но особенно близко Брешковская сошлась с племянницей Барроусов, одной из первых феминисток США и редактором «The Womahs Jourhal», звездой американского женского движения Алисой Стон-Блэквелл, с которой ее впоследствии связывала многолетняя переписка.[2] На митингах Блеквелл переводила тексты выступлений Брешковской с

[1] ГАРФ. Ф. 5824. Оп. 1. Д. 676. Л. 3.

[2] ГАРФ. Ф. 5824. Оп. 2. Д. 41. Л. 21.

французского на английский;[1] с ее подачи, будучи в Америке, она написала объемные воспоминания, позже использованные Блеквелл для создания англоязычной биографии Брешковской, опубликованной в США в 1917 году.[2]

В Америке Брешковской удалось собрать немалые суммы денег для партии (более пятидесяти тысяч долларов), которые пошли на издание революционной литературы и поддержание партийной газеты «Революционная Россия», о чем определенная часть западных меценатов и не подозревала.

В 1905 году Брешковская возвращается в Европу, где вновь пытается найти возможность для реализации идеи народного террористического движения в рамках партийной программы. В это время за границей находится бежавший из России после сделавших его знаменитым январских событий Гапон. П. Рутенберг, будущий убийца Гапона, планировал познакомить последнего с Брешковской еще во время ее пребывания в Америке. «Присматриваясь к нему, следя за развивающимся у него самолюбованием», Рутенберг, обеспокоенный постепенным отходом Гапона из-под влияния ПСР, надеялся, что «старики», и Брешковская, в частности, смогут оказать на него положительное влияние, приобщив к общепартийным делам.

Как вспоминает Б.В. Савинков, в то же время находившийся за границей, «крестьяновцы» были не одиноки в своих планах: очень популярный в то время Гапон развивал идею террористического движения в крестьянстве и в своих планах встречал сочувствие со стороны многих товарищей, особенно со стороны Брешковской и князя Хилкова Д.А».[3]

Первоначально Гапону удалось вызвать симпатию Брешковской, выдвинув столь близкую ей идею о создании

---

[1] Там же. Л. 23.

[2] A.S. Blackwell. The Little Grahdmother of Russian Revolution: Reminiscences and Letteps of Catherine Breshkovcky. Boston. 1918. C. 1.

[3] Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М. 1990. С. 142.

специального «боевого комитета» - особой организации, ведающей центральным и массовым террором. Его проекты, связанные с террористическим движением в крестьянстве, были горячо поддержаны Брешковской и Хилковым. Надежды на народный террор в той или иной степени разделяли многие члены ПСР;[1] в одном из отчетов, представленных Азефом в полицию в 1905 году, рассказывается об уверенности большинства эсеров в скором крестьянском восстании.[2]

В целом попытка привести Гапона в лоно партии не увенчалась успехом, хотя одну совместную акцию – Конференцию революционных партий - Брешковская и Гапон все-таки успели провести.[3] Утопичная идея об объединении всех революционных сил России была выдвинута Гапоном, но эта странная инициатива не нашла понимания всех революционеров. Многие социал-демократы сразу отказались от участия в организуемой Гапоном Конференции революционных партий, которая, тем не менее, состоялась в апреле 1905 года в Женеве. Брешковская вместе с Черновым приняла участие в работе конференции, на которой были представлены почти все российские революционные партии левого толка: эсеры (самая влиятельная делегация), несколько представителей социал-демократов, Бунда, Финской партии активного сопротивления, белорусских громад и многих других партий. Но в итоге конференция не принесла никаких значимых результатов; о планах совместной работы между разными революционными партиями не могло быть и речи, и соглашение об объединении так и не было достигнуто.

Брешковская уже давно рвалась в Россию, особенно после событий 9 января, но вынуждена была медлить, опасаясь ареста. То, что ее опасения были основаны на реальных фактах, доказывает письмо Азефа Ратаеву от 8 марта 1905 года. В нем Азеф указывает на то, что некто Шапиро, агент

---

[1] Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М. 1990. С. 142.

[2] Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М. 1997. С. 157.

[3] Рутенберг П. Дело Гапона. Ч.1. Гапон.\Былое1909. № 9-12. Париж. С. 28.

охранки, предложил Рубановичу сотрудничество, пообещав, что, оставаясь на службе в полиции, будет одновременно служить и революции, и сообщил Рубановичу некоторые сведения, которые Азеф и приводит в своем письме. «Известно, что Брешковская должна скоро приехать из Америки и поехать в Россию, и что для ее ареста назначен некто Бинт, один из главных Ваших помощников. Брешковская приехала в Париж из Америки в пятницу, а в субботу вечером, то есть позавчера, уехала в Женеву, она будет на конференции. Она сама пока в Россию не собирается, – я думаю, что это благодаря сообщению Шапиро, а посылает Кочурихина».

Кочурихин, который в России должен был организовывать боевые дружины в крестьянстве, вскоре был арестован на русской границе с чужим паспортом, так как Азеф в этом же письме в полицию сообщил все подробности его отъезда.[1]

§ 2. Организаторская и пропагандистская деятельность Е.К. Брешко-Брешковской после возвращения в Россию и новый арест

Несмотря на все опасения, в мае 1905 года Брешковская все же решается ехать в Россию. Нелегальным путем она пересекает границу в районе Каменец-Подольского[2] - ей удалось проделать это ночью, пешком, в сопровождении двух контрабандистов, переправивших на себе газету «Революционная Россия».[3]

Занимая особое положение в ПСР и будучи человеком преклонного возраста, Брешковская продолжает активно заниматься каждодневной

[1] Азеф Е.Ф. Письма Азефа. 1893-1907. М. 1994. С. 71.

[2] ГАРФ. Ф. 5878. Оп. 2. Д. 14. Л. 2.

[3] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 46. Л. 20.

партийной работой. По-прежнему находясь на нелегальном положении и постоянно рискуя быть арестованной, она разъезжает по стране, организовывая кружки молодежи и интеллигенции, рабочих и крестьян. Как и в семидесятые годы, стараясь отдавать преимущество работе с крестьянством, Брешковская активно участвует в организации легального издания «Крестьянской газеты» в Казани, где начинает налаживать и отдельные контакты с татарской молодежью.[1]

В ходе революции 1905 года русская пресса временно оказалась практически свободна, в чем большую роль сыграла растерянность самой власти, которая отступала перед всеобщим натиском, часто не зная, «что можно допустить и что нельзя вытерпеть». С первых же дней свобод все революционные партии активно принялись за печатание массовой литературы для народа.[2] В Петербурге и Москве ПСР создали специальные так называемые «провинциальные бюро», которые занимались рассылкой литературы по провинции; несмотря на штрафы, запреты и другие меры, революционные издания продолжали выходить огромными тиражами - в это время многие политические эмигранты - Ленин, Чернов, Мартов, Троцкий и другие публикуют свои воззвания из-за границы.

В апреле 1905 года, еще будучи за границей, Брешковская начинает печатать в центральном печатном органе партии социалистов-революционеров - газете «Революционная Россия», статьи-обращения к молодым революционерам – «Письма старого друга», в которых открыто призывает к восстанию.[3] Всего в 1905 году публикуется семь «Писем», значение которых было особенно важно в связи с начавшейся в России революцией. Деятельность Боевой организации кажется ей недостаточно активной, Брешковская считает, что террор должен стать менее избирательным, что его нужно спустить в низы. В «Письмах» она призывает к массовому террору, причем опять в «аграрной» и «фабричной»

---

[1] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 46. Л. 21.

[2] Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк. 1953. С. 203.

[3] Брешко-Брешковская Е.К. Письма старого друга\Революционная Россия. 1905.

его разновидности, не включенной в программу партии. В одном из «писем» Брешковская замечает, что подготовка народа к немедленной и всенародной террористической борьбе на первых порах «едва ли не единственная возможность для крестьян проявить дух протеста, пробуждение человеческого достоинства».[1] По ее словам, при организации террора среди крестьян будут задействованы «лучшие стороны народной психологии», а по свидетельству Чернова, «бабушка» «в это время готова была каждому человеку дать револьвер и послать стрелять кого-угодно, начиная от рядового помещика и кончая царем...»[2] Безусловно, предложенные Брешковской варварские методы народной борьбы в случае их реализации могли привести лишь к полной анархии, в результате чего подобные выступления были с недоумением встречены даже в революционных рядах.

Довольно критично относясь к собственным литературным способностям, начиная с 10-х годов XX века, Брешковская много писала, поскольку считала своим долгом публично высказывать свою позицию по отношению к происходящему в стране и делиться воспоминаниями о революционном прошлом. Всегда продолжая печататься в партийной прессе – газетах «Революционная Россия», «Вестник русской революции» и других изданиях, Брешковская публикует и работы по истории революционного движения. Ее воспоминания о соратниках по революционной борьбе, большинство из которых погибло на каторге, выходили отдельными брошюрами. В 1904 году типографией партии социалистов-революционеров была издана ее работа «Ипполит Мышкин и архангельский кружок», а в 1906 году легально выпущены брошюры: «Из моих воспоминаний», «Ишутин и каракозовцы», «Отец Митрофан (Муравский М.Д.)», статью о известном революционере она напечатала в сборнике воспоминаний «Н. Кибальчич».

---

[1] Брешко-Брешковская Е.К. Письма старого друга\Революционная Россия. 1905.

[2] Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении. М. 2000. С. 168-169.

Еще в 1904 году увидела свет статья «О национальном вопросе», опубликованная в сорок третьем номере газеты «Революционная Россия» - в ней Брешковская поднимает вопрос о независимости национальных окраин в будущей свободной России. Она отмечает сложность и остроту национального вопроса в Российской империи и призывает к особому такту и осторожности при его решении. Приводя в качестве отрицательного примера интернационализм социал-демократов, она пишет: «Мы видим, что в среде тех покоренных народностей, где под влиянием идей ортодоксального марксизма господствующая партия относится к вопросу о национальных правительствах и их интересах недостаточно вдумчиво, тактично и справедливо – происходит только обострение национальных чувств... посеяны семена взаимной недоверчивости, подозрительности и недоброжелательства, семена, которые еще дадут свой отравленный плод».[1]

Брешковская считала, что уже сейчас, до свержения монархии, партия социалистов-революционеров обязана дать народам, вступившим в революционную борьбу, гарантии будущего свободного выбора. Считая, что разделение областей по федеральному признаку является лучшей формой государственного устройства, Брешковская искренне полагала, что большинство народов, силой присоединенных к Российской империи, пожелают добровольно вступить в состав новой России, когда «откроется путь на началах полного равноправия договаривающихся сторон» и им будет гарантирована внутренняя самостоятельность и неприкосновенность.

Несмотря на частичную либерализацию общей политической обстановки после 1905 года, над Брешковской продолжала висеть угроза ареста. «В Саратове, в помещение, где находилась Бабушка, одетая монашкой, явились жандармы, и только находчивость, спокойствие и

[1] Брешко-Брешковская Е.К. О национальном вопросе Революционная Россия. № 43. 1904.

удивительная выдержка спасли Екатерину Константиновну. В Киеве пришлось ей целые недели просидеть в погребе».[1]

Летом 1905 года, когда количество арестов среди эсеров было особенно велико, произошел показательный случай. В Саратове Брешковская чуть не была задержана - ее спасло предупреждение о предполагаемом аресте, поступившее от одного из служащих местной охранки. Тут же собралось совещание друзей Брешковской, на котором присутствовал и Азеф, где было принято решение о срочной организации ее побега. Едва она отъехала, как тот же служащий охранки предупредил, что план и маршрут ее побега уже известен полиции. Брешковскую удалось догнать, маршрут был изменен, и она смогла избежать ареста. Оказание полицейскими добровольной и безвозмездной помощи революционерам была распространено в то время довольно широко, что свидетельствует об общем состоянии общества.[2] Роль Азефа в этом случае очевидна, возможно, что и многие другие попытки ареста Брешковской происходили по факту его доносов.

В 1909 году, через два года после разоблачения Азефа, когда эсеры еще находились под впечатлением этого шокирующего события, в журнале «Былое» отдельно разбирался этот саратовский случай. Один из очевидцев истории с арестом, заметил, что «в то время ни у кого из саратовцев и тени подозрения на Азефа не было». Используя личные связи в среде саратовских полицейских, революционеры произвели небольшое собственное расследование, в результате которого пришли к выводу, что информация о местонахождении Брешковской содержалась в телеграмме, полученной из-за границы, откуда недавно и приехала Брешковская. Удовлетворившись указанием за границу, эсеры не стали проводить внутреннего расследования, а Брешковская предпочитала считать, что за границей была случайно допущена утечка информации о ней и «слухи

---

[1] Попов И.И. Бабушка Брешковская. М. 1917. С. 24.

[2] Лучинская. Великий провокатор. Пг.-М. 1923. С. 22.

дошли до ушей тех, кому об этом знать не следует. ...И никому это тогда не казалось странным и невероятным после нескольких случаев...»[1]

После роспуска I Государственной Думы 9 июня 1906 года ЦК объявил об официальном возобновлении централизованного террора. Ближайшей мишенью террористов стал председатель Совета министров П.А. Столыпин, организацией покушения вновь занялся Азеф. Ложность сведений, сообщаемых им отряду наблюдения за Столыпиным, скоро была замечена внутри БО. Безрезультатность работы на этот раз была столь очевидна, что и Брешковская, довольно далекая от повседневных дел БО, заявила, что Азеф «очень утомился» и нуждается во временном отпуске.[2]

После революции 1905 года, многие политические эмигранты, надеясь на дарование конституции и начало эры российского парламентаризма, вернулись на Родину. Партия социалистов-революционеров получила возможность действовать открыто, ее ряды стали быстро расти. Стало расти и количество разногласий. В партии появились различные ответвления: эсеры-максималисты, синдикалисты, народные социалисты. Особенно остро стали вставать многие вопросы: приемлемы ли, и в каких формах террор, экспроприации, легальная деятельность в Государственной Думе.

Эти проблемы, горячо волновавшие всех членов партии, обсуждались на I и II съездах Партии социалистов-революционеров. На первый съезд партии, проходивший в Финляндии с 29 декабря 1905 года по 4 января 1906 года, Брешковская не смогла приехать из-за особой сложности своего положения в тот период. На этом съезде на рассмотрение специальной комиссии был вынесен столь волновавший Брешковскую вопрос об отношении к аграрному и фабричному террору. Большинство депутатов выступило категорически против официального введения этих форм

---

[1] «По поводу статьи С.Р. «Мои отношения к Азефу» Письма в редакцию «Былого»\Былое. 1909. № 9-12. Париж. С. 184.

[2] Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг. 1918. С.283.

террористической борьбы в программу партии - наиболее четко свою позицию выразил М.И.Ракитников. Учитывая все имеющиеся мнения - съезд все-таки пошел на определенный компромисс со сторонниками аграрного и фабричного террора, разрешив им нападения на казаков и сторожей в помещичьих усадьбах, и организованные формы борьбы на тех фабриках и заводах, где царят наиболее жестокие условия. В итоге съездом была принята компромиссная резолюция, в которой говорилось, «что комиссия не считает возможным ввести аграрный и фабричный террор в программу, но, и не предлагает вести агитацию против такого террора». Центральный Комитет разрешил сторонникам экономического террора, как партийному меньшинству, по-прежнему оставаться в партии и пропагандировать свои взгляды при условии, что они не будут заниматься агитацией среди крестьян.[1]

II (экстренный) съезд партии социалистов-революционеров состоялся в Финляндии, в одном из самых больших отелей города Таммерфорса, и проходил лишь три дня, с 12 по 15 февраля 1907 года, когда вынужден был неожиданно свернуть работу после полученного от местного полицмейстера предупреждения о намечаюшихся арестах. Присутствовавшая на этом съезде Брешковская в приветственной речи обратила особое внимание на важность работы провинциальных организаций, самостоятельного и ответственного отношения местных организаций к таким делам, как пропагандистская работа, денежные сборы и распространение нелегальной партийной литературы.

На четвертом заседании она выступила с речью, привлекшей большое внимание всех участников съезда. Брешковская являлась противницей реформизма, поскольку конечной целью революционной деятельности видела только полное изменение всего государственного строя, и уступки со стороны правительства ее не интересовали. Она как

[1] Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. М. 1996. С. 124.

всегда выступила в качестве лидера радикального направления, сторонники которого выступали против слишком активного участия депутатов от ПСР в думской деятельности, призывали остерегаться ее, «как бы она через меру не поглотила наши силы», послужив причиной лишь ненужному распылению сил. Рассматривая вопрос о представительстве депутатов от ПСР во II Государственной Думе, Брешковская заявила, что, понимая всю ограниченность политических преобразований, которых можно добиться в Думе, все-таки необходимо послать туда своих представителей. Она объясняла это тем, что партии нужна официальная политическая трибуна. «Смело смотря в глаза народу, мы говорим: мы тебя не обманывали, утверждая, что казенная Дума не даст тебе ничего, и если мы теперь вступили в нее, то лишь для того, чтобы громче раздался голос о нуждах твоих и о злодействах твоих врагов».[1]

Проблема отношения к Государственной Думе разделила членов партии на два лагеря. Делегаты многих областных организаций солидаризировались с Брешковской, поддержав ее призывы к осмотрительности по отношению к Государственной Думе и прочей легальной деятельности. Но многие влиятельные деятели ПСР, например, Гершуни, придерживались другого мнения, и, в конце концов, их точка зрения перевесила.[2]

На этом же съезде Н.А. Русанов вновь предложил усилить террористическую борьбу, используя для осуществления этой цели возможности многочисленных провинциальных комитетов партии, то есть фактически повторил старые требования Брешковской. Многие руководители ПСР расценили эту встреченную аплодисментами инициативу как провокацию; особенную обеспокоенность происходящим высказывал Азеф - большинство же настаивало на сохранении террора и «боевой тактики» в том же виде, что и раньше.

---

[1] Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. М. 1996. С. 124.

[2] Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М. 1997. С. 350.

Наиболее видным партийным деятелям, в числе которых была и Брешковская, удалось уговорить Русанова взять свои слова обратно, так как воплощение его плана в жизнь могло бы привести к самым страшным и непредсказуемым последствиям. При этом около года назад и сама Брешковская призывала к передаче террора в руки крестьянских комитетов, что показывает то, что после 1905 года подобные идеи витали в воздухе, но ЦК сдерживал эти порывы из страха перед полной анархизацией террора.[1]

Кризис наступил после эмоционального выступления Брешковской на вечернем заседании 13 февраля. Признавая, что члены партии не раз показывали примеры личного героизма, Брешковская справедливо утверждает, что «мы не научились вести массы в бой. Не научились быть народными вождями». На II съезде партии она призывает:

«Товарищи! 40 миллионов крестьян мрут голодной смертью, в сотнях волостей их тиранят, засекают до костей, дети их, наши будущие граждане остаются неграмотными... А эти ужасы остаются почти всегда безнаказанны. И горе народу, не отвечающему на них... Мы должны, мы будет звать до тех пор, пока не сдвинется победоносная сила, пока народ не водрузит знамя Учредительного собрания!.. Пусть не говорят, что мы уже звали, но нас не услышали!»

Брешковская говорит о народном восстании, которое, по ее ожиданиям, должно произойти в ближайшее время и выдвигает свой план подготовки к нему, включающий в себя восемь пунктов. Наиболее интересные из них содержат план действий крестьян на первоначальном этапе восстания. Например, изгнание из всех местных учреждений служащих и замена их выборными людьми, «закрытие и уничтожение ненужных учреждений и институтов (жандармерии, охраны, сыска, стражников, урядников и высшей полиции), захват оружия», обязательное образование боевых дружин (ячеек). Остальные пункты плана говорят об

[1] Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М. 1997. С. 351.

устной пропаганде, собраниях и митингах, усилении издательской деятельности. Брешковская отдельно отмечает необходимость того, чтобы боевые дружины «воспитывались в правиле согласованности каждого поступка... и при выступлении руководились бы общими интересами той округи, где они работают». Считая, что сигналом к народному восстанию послужит разгон Думы, Брешковская предложила заранее разработать директивы по подготовке и руководству восстанием. По словам председателя съезда Парфенова, Брешковская произнесла блестящую речь – ее выступление вызвало самый бурный отклик в зале.

На этом же заседании, по предложению Парфенова, она избирается почетным председателем съезда. На седьмом заседании Брешковская выступила с речью, направленной против всех видов такого нового явления в партии социалистов-революционеров, как экспроприации – то есть ограбления государственных учреждений и частных лиц с целью получения денег на партийные нужды. Брешковская вместе с другими видными членами ЦК горячо восставала против того систематического грабежа, которым занималась партия в последний год; было доказано, что экспроприируемые якобы на революционные цели громадные суммы денег, в действительности, на революцию не шли; что экспроприации только оттолкнули от партии общество, сократив поток частных пожертвований.[1] Но многие из участников съезда стояли за сохранение «эксов», считая их актами гражданской войны, которая велась в России.

Осуждая партийные экспроприации, Брешковская привела примеры гибели многих членов партии при попытках их проведения, говорила о ненужном распылении и отвлечении сил, и, прежде всего, о дискредитации морального облика партии. В результате ее выступления на восьмом заседании общим голосованием было принято решение об абсолютной недопустимости экспроприации частного имущества и капиталов и

---

[1] Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. М. 1996. С. 124; Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг. 1918. С. 340-341.

допущении экспроприации казенных сумм лишь под строгим контролем ЦК и при отсутствии в плане возможных человеческих жертв. Это решение не соответствовало полностью требованиям Брешковской, но в определенной мере ограничивало применение экспроприаций.

На этом же съезде у нее возникли разногласия с членом Главного комитета Всероссийского Крестьянского Союза Волгиным по поводу чрезмерной, по его мнению, партийности крестьянских организаций.[1] Он выступал против насаждения эсеровской программы в крестьянских организациях - Брешковская же видела их будущее связанным только с ПСР.[2] Низкий процент крестьян среди эсеров, да и то присутствующих лишь в ячейках местного уровня, она считала одним из главных организационных недостатков для партии, провозгласившей себя выразительницей интересов именно этого класса.[3] Она регулярно поднимала данный вопрос на партийных съездах и заседаниях, обвиняя в сложившейся ситуации, прежде всего, самих эсеров.

Брешковская неоднократно призывала к передаче террора в руки крестьянских и рабочих масс (фабричный террор), надеясь на то, что, агитируемые эсерами радикальные методы борьбы будут с энтузиазмом подхвачены народом. Говоря о важности работы провинциальных организаций, Брешковская предлагала дать им большие полномочия, преувеличивая как инициативность, так и организованность крестьянства.

Все эти планы не были осуществлены, поскольку крестьянство оказалось совершенно не готовым к массовой открытой борьбе. Следует отметить, что, несмотря на неоднократно повторяемое эсерами и ставшее общим местом свидетельство о знании Брешковской народа - в реальности ее контакты с крестьянами были хотя и многочисленны, но достаточно быстротечны и поверхностны – особенно учитывая, что большую часть жизни она провела вдали от европейской части России, где ей удалось

---

[1] Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М. 1997. С. 339.

[2] Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М. 1997. С. 65.

[3] Там же.

прожить всего несколько лет, постоянно скрываясь и переезжая. Брешковская не раз с сожалением признавала, что, несмотря на все старания, члены партии так и не научились вести народ за собой.

На закрытии съезда, происходившем вечером 15 февраля, Брешковской, «как самому молодому по душе товарищу» было предоставлено заключительное слово. Закрывая съезд, Брешковская обратилась к его участникам: «Дорогие дети, уважаемые товарищи! Я боюсь, чтобы из мыслей наших не ускользнуло, что только неумолимый к себе и строгий к другим человек может быть достойным социалистом-революционером... Будем умными, добрыми, непобедимыми!.. До скорого свободного свидания!»[1]

В 1907 году, 5 (22 – указано у Авксентьева)[2] сентября она была арестована в Симбирске, куда приехала на предполагавшийся там нелегальный крестьянский съезд. Обстоятельства ареста Брешковской разъясняются в воспоминаниях жандармского офицера под псевдонимом «Ника», за которым скрывался офицер отдельного корпуса жандармов Николай Антонович Кравцов, после ареста Брешковской в 1907 году получивший чин штаб-ротмистра, а позже награжденный орденами Святого Станислава и Святой Анны III степеней. [3] Кравцов вспоминает, что в начале 1907 года деятельность революционеров вновь активизировалась, в связи с чем во многих губернских городах была произведена смена руководящего состава отделов политического розыска. На смену старым кадрам были поставлены более молодые и образованные офицеры, окончившие юридические курсы и специально изучавшие политический розыск. Н.А. Кравцов в качестве представителя молодого офицерства был направлен в Симбирское жандармское управление, где как

---

[1] Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. М. 1996. С. 124.

[2] Попов И.И. Брешко-Брешковская Е.К. Бабушка русской революции. М. 1918. С. 29; Авксентьев Н.Д. Брешковская Е.К. (к 85-летнему юбилею)\Современные записки. Париж. 1929.

[3] Ника\Жандармы России. Политический розыск в России. XV–XX вв. Спб.-М. 2002.

раз в это время широко развернул свою деятельность эсеровский Крестьянский Союз. Произошедшее незадолго до этого публичное убийство симбирского губернатора Старкевича, совершенное террористической группой социалистов-революционеров, многочисленные разгромы и поджоги усадеб, покушения на мелких чинов полиции - все эти события поставили полицейских перед необходимостью масштабной вербовки агентов. Вскоре после назначения Кравцова почти треть местного комитета партии эсеров состояла в рядах полицейской агентуры. Большую часть членов симбирского комитета в то время составляли молодые и малограмотные фабричные рабочие и учащиеся, многие из которых охотно шли на сотрудничество с полицией за минимальную плату – от десяти до пятидесяти рублей в месяц.

Летом 1907 года к Кравцову стала поступать информация о том, что Поволжский комитет партии, находившийся в то время в Самаре, собирается организовать в Симбирске съезд работников «Крестьянского союза» с целью активизации работы партии в регионе, и что на съезд ожидается приезд члена поволжского областного комитета. От одного из информаторов Кравцову удалось узнать, что гостя съезда решили разместить в доме одного уездного учителя, не состоявшего в партии, но сочувствовавшего ей и неоднократно помогавшего революционерам. Он уже состоял под негласным надзором полиции, но в партии об этом не подозревали и были уверены, что член поволжского комитета найдет в учительском доме надежное убежище. Все сведения, поступавшие от одного агента, проверялись через других, чтобы избежать дезинформации. Где-то через неделю после первого сообщения об учителе, один из агентов срочно вызвал Кравцова на конспиративную квартиру, где взволнованно сообщил, что на следующий день из Саратова вместе с членом областного комитета приезжает знаменитая «бабушка русской революции» Екатерина Брешко-Брешковская.

Агентом, сообщившим эту ценную информацию, был малообразованный служащий уездной управы двадцати двух лет; практически на все встречи с полицейскими он приходил в состоянии сильного алкогольного опьянения. Кравцов достаточно подозрительно отнесся к этой сенсационной информации, поскольку по розыскным циркулярам Департамента полиции Брешковская должна была в это время находиться за границей. Решив, что отпускать сотрудника, давшего столь ценную информацию опасно, так как были известны случаи, когда внезапно раскаявшийся агент предупреждал о будущих арестах товарищей по партии, Кравцов приказал хозяину конспиративной квартиры напоить информатора до бессознательного состояния и не выпускать на улицу до специального распоряжения.

Тогда же Кравцовым вместе с полковником Шабельским на вокзал и пристань были отправлены филеры, снабженные фотокарточками Брешковской, все проживающие в Симбирске члены ПСР взяты под контроль, а за квартирой учителя установлено особое наблюдение. Вечером от вернувшихся филеров стало известно, что на одном из пароходов действительно прибыла старушка, похожая на изображенную на фотографии (в целях конспирации, филерам не сообщались имена и другая подробная информация о выслеживаемых лицах). С пристани старушка отправилась именно на квартиру к уездному учителю, проживавшему недалеко от Почтовой улицы. Предварительно отправив по известному адресу отряд филеров, около одиннадцати часов вечера Кравцов вместе с полицейским приставом и тремя жандармами отправился к месту пребывания подозреваемой старушки. Он так вспоминает об обстоятельствах ареста Брешковской: «...это была небольшая квартирка... Хозяин – невзрачный человек и его болезненная на вид жена, встретили нас очень взволнованно. Произведя личный и на квартире обыск, я сделал сначала вид, что совершенно не обращаю внимания на сидевшую в углу второй комнаты старушку, которая все время крестилась и что-то шептала

себе под нос. Наконец я обратился к ней: - А вы кто? «Бабушка», не смутившись, тоном старушки-богомолки ответила: «Да вот, батюшка, не знаю, как вас величать, приехала в Симбирск из Ардатова на богомолье – чай завтра Престол Владычицы». - А есть ли у Вас паспорт, и кто Вы? – снова спросил я. - Есть, сударь! Я ардатовская мещанка Екатерина Кочеткова, - ответила она и, достав паспортную книжку из-за пазухи, подала мне».

Кравцов приказал приставу сначала доставить задержанную в полицейскую часть, а затем, глубокой ночью, под конвоем, перевезти в женскую тюрьму. В воспоминаниях, написанных в эмиграции, Брешковская утверждает, что этот арест не стал «неожиданностью для меня, и я заранее устроила так», чтобы его последствия не отразились на других членах партии.[1] На самом деле арест Брешковской имел серьезные последствия для всей партии, так как во время обыска у нее были обнаружены расписки Саратовской почтовой конторы, по которым позже были арестованы многие влиятельные члены ПСР. Результатом ее неосмотрительности стала ликвидация всей эсеровской организации Симбирска, арест практически всех приехавших на съезд работников «Крестьянского Союза», причем в руках полицейских оказалось большое количество нелегальной литературы и личная переписка революционеров. После такого удара работа эсеров в Симбирской губернии была прервана на долгое время.

На следующий после ареста день были начаты допросы Брешковской, на которых она категорически отказалась как давать какие-либо показания, так и подписывать протокол. В городе Ардатове Симбирской губернии тем временем был произведен обыск у мещанки Кочетковой, именем которой Брешковская представилась во время ареста. Кочеткова, действительно проживавшая по данному адресу, сообщила, что паспорт она потеряла год назад, о чем заявляла в полицию. Несмотря на то,

[1] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 47. Л. 101.

что в жандармском управлении даже не возникало сомнений по поводу личности задержанной, они не могли подтвердить этот факт официально, и Брешковской грозило лишь обвинение в жизни по чужим документам. Полицейские поняли, что поспешили с задержанием, поскольку арест, произведенный в разгаре работы съезда мог бы дать значительно большие результаты. Телеграфным сообщением от департамента полиции Кравцову было приказано доставить Брешковскую в Петербург. Для опознания писем, найденных во время обысков в Саратове, ему требовалось добыть образец ее почерка, но это оказалось проблематично. Брешковская решительно отказывалась что-либо подписывать и вообще писать, в результате чего Кравцов был вынужден воспользоваться хитростью.

Всем арестованным полагалось двадцать пять копеек «кормовых» денег в день, и когда поезд подъезжал к Петербургу, Кравцов отправил к Брешковской вахмистра с деньгами, для получения которых она должна была расписаться в расходной книге. Но когда вахмистр вернулся, он смущенно сказал Кравцову, что Брешковская отказалась ставить свою подпись в книге, велев передать офицеру, «что он молод еще ловить меня на этом». Поставленный в неловкое положение Кравцов, тем не менее, заинтересовался Брешковской, и, отправившись к ней в купе, беседовал с революционеркой до самого приезда в Петербург. Она разговаривала с «насмешливой улыбкой, но вежливо», и на его слова о том, что ее личность, несмотря на предосторожности, все равно будет установлена, возразила: «Ну, а вы-то чего стараетесь, вот приедем в Питер – все выяснится», - и добавила, - «...стыдно Вам, молодому человеку, было идти в жандармы?».

В ответ Кравцов заявил, что полиция существует во всех государствах, и он лично выбрал свою профессию по убеждению, а вот убийство во имя революции мелких чинов администрации он не может принять ни при каких условиях. На это Брешковская невозмутимо

ответила: «Мы ведем с правительством войну, а на войне все средства хороши».

Агент, выдавший Брешковскую, на следующий день после ее задержания был выпущен из-под домашнего ареста и получил вознаграждение в сумме ста рублей; вскоре он окончательно спился и прекратил сотрудничество с полицией.[1] Сама Брешковская на этот раз и в эмиграции продолжала считать «...что арестована по указке Азефа, так как его сыщики следили за мной».[2] По информации, приведенной в журнале «Былое», девять десятых всех произведенных у революционеров обысков и арестов, происходили по данным секретной агентуры.[3] Арест Брешковской был серьезным ударом для ПСР - важнейшая отрасль партийной деятельности - работа в крестьянстве потеряла основного идеолога и организатора-практика. Годы ее нового заключения и ссылки по времени совпали с периодом упадка ПСР, связанным как с ужесточением реакционной политики правительства, так и с разоблачением Азефа.

Брешковская вновь находилась в Трубецком бастионе Петропавловской крепости: на этот раз ей пришлось провести здесь два года и семь месяцев - с шестого октября 1907 по двадцать второе мая 1910 года. Долгое время, около полутора лет, соратники Брешковской по партии ничего не знали об ее судьбе после ареста. Французские и американские друзья прилагали большие усилия, пытаясь облегчить ее участь; они неоднократно обращались к русскому правительству, предлагая внести в залог за ее освобождение большие деньги, просили учесть пожилой возраст заключенной – Брешковской было на тот момент шестьдесят пять лет. Но позиция царского правительства была непоколебима, поскольку она «поднимала крестьян против помещиков», о помиловании не может быть и речи.[4]

---

[1] Ника. Жандармы России. Политический розыск в России. XV–XX вв. Спб.-М. 2002. С. 125.

[2] РГАСПИ. Ф. 274. Д. 46. Л.21.

[3] Из воспоминаний М.Е. Бакая «Провокаторы и провокация»\Былое. №8. 1908 г. С. 99.

[4] Чернов В.М. Перед бурей. М. 1991. С. 156.

Многие друзья Брешковской по партии боялись за то, как она воспримет известие о провокаторстве Азефа, и о последовавших за этим деморализации и упаднических настроениях в рядах ПСР. Но Брешковская, узнав о том, что Азеф был двойным агентом, заявила: «Ну, что же? Из-за одного негодяя не бросать же работы!», добавив, что, несмотря ни на что, эсерам необходимо продолжать «идти своим путем, не падая духом». На допросах Брешковская отказалась давать показания, обосновывая эту позицию тем, что никакие объяснения не имеют смысла, так как она все равно не изменит своим убеждениям. «Пока была на свободе, делала свое дело, теперь вы делайте свое дело, но уже без меня. Я в него путаться не хочу. Оно меня не касается».[1]

Находясь в Трубецком бастионе, Брешковская поддерживала отношения с родственниками: она несколько раз имела свидания с жившим в Петербурге сыном Н.Н. Брешко-Брешковским, переписывалась с ним и его приемными родителями - братом В. К. Вериго и его женой, жившими в городе Новозыбкове Черниговской губернии, и сестрой Марией Мишиной, проживавшей в городе Новоалександровске Ковенской губернии. Николай вспоминал, что 15-минутные свидания с матерью через решетку происходили раз в неделю.[2]

Заключение Брешковской в Трубецком бастионе, по-видимому, стало временем наиболее интенсивного общения с сыном за всю ее жизнь; до этого они встречались лишь дважды - в имении у родных в 1896 году, и вскоре после этого, в гостях у него в Петербурге. К этому времени Николай стал журналистом и художественном критиком и работал сотрудником газеты «Биржевые Ведомости». Известный художник Давид Бурлюк в «Воспоминаниях отца русского футуризма» вспоминает о нем как о яром

---

[1] Авксентьев Н.Д. Брешко-Брешковская Е.К. (к 80-летнему юбилею)\Современные записки. Париж. 1929. С. 454.

[2] Брешко-Брешковский Н.Н. Воспоминания сына\Иллюстрированный журнал. С.8.

противнике всех новых начинаний в искусстве.[1] Свою рецензию на проходившую в марте 1909 года выставку футуристов «Венок», опубликованную в вечернем выпуске газете «Биржевые ведомости» от 27 марта, № 11028, Брешковский направил, в основном, против творчества В. Бурлюка, закончив обличительную заметку словами: Группа «Венок» побила рекорд, придя первой к столбу претенциозной безграмотности и полного нравственного одичания». После письма Брешки (сатирическое прозвище Брешко-Брешковского) на выставку явились жандармы, которые хотели арестовать художников, а выставку закрыть.

В письмах Брешковской к сыну и другим родственникам видна все возрастающая с годами склонность к назидательности и нравоучениям. В письме к сыну от 29 декабря 1908 года она просит его написать «о наших добрых маме и папе», очевидно, имея в виду своего брата с женой. Она пишет, что, несмотря на долгие годы пребывания в тюрьмах, у нее «много работала голова и самостоятельно, много передумала, представляла, воображала, жила, одним словам, иногда приятно и хорошо, иногда с великой болью в сердце. Дух мой всегда работал. Благодарю родителей моих, благодарю среду свою, благодарю человечество за все данное мне». Она обращается к сыну «дорогой мой Коля!», просит его писать обо всем, что в голову придет, и выражает надежду на возможность свидания с ним. Письмо подписано «Твоя мать Катерина Брешковская».[2]

За весь период заключения сын не написал ей ни одного письма, но, как указывает Брешковская в письме к приемным родителям Николая от 5 января 1909 года, она получила от сына и других родственников денежные переводы к Рождеству. В этом же письме Брешковская рассказывает, что в старости обрела себе бодрую и спокойную жизнь, и единственное, что ее всегда страшило - быть виноватой перед другими. «Если и случилось это со мною, то никогда преднамеренно, и, кроме того, настолько всегда

---

[1] Бурлюк Д. Воспоминания отца русского футуризма/Минувшее. № 5. 1988. С. 40.

[2] Записки полковника Иванишина\Минувшее. №17. М-Спб. 1994. С. 534.

заставляло страдать меня самое, ...что не могли эти страдания не искупить этих вин моей личной жизни».[1] 31 марта 1909 года, на одном из свиданий Брешковской с сыном она посоветовала ему уехать из Петербурга, где он жил и работал, и поселиться жить в провинции, откуда и посылать в столицу свои статьи, так как (по ее мнению) Петербург – скучный, чиновничий город с ужасным климатом.

У Брешковской сложились теплые отношения с заведующим арестантскими помещениями полковником Иванишиным, который, отмечая терпение, непритязательность и философский склад ума Брешковской, в своих записках называет ее «Диогеном в юбке». Она, в свою очередь, тоже неоднократно выражала тюремному начальнику благодарность за достойные условия содержания и гуманное отношение к заключенным. Защитником Брешковской на суде стал А.С. Зарудный - известный адвокат, специализирующийся на политических процессах (он участвовал в нашумевших процессах Совета рабочих депутатов, П.П.Шмидта и других), в будущем ставший министром юстиции Временного правительства. 9 декабря 1909 года по просьбе Брешковской он встретился с полковником Иванишиным на его служебной квартире, и после обсуждения различных вопросов, от лица Брешковской передал ее признательность заведующему за доброе обращение. Незадолго до суда Брешковская лично поблагодарила Иванишина во время очередного обхода камер: «Я навсегда сохраню об Вас память, как о самом лучшем заведующем, которого я когда-либо в своей жизни встречала».[2]

Процесс над Брешковской и старым народником Николаем Чайковским начался 24 февраля 1910 года;[3] в то время ей было уже шестьдесят шесть лет, а Чайковскому – пятьдесят шесть. Зарудный вместе со вторым адвокатом Брешковской, Г. Д. Сидамоновым-Эристовым, предлагали ей хотя бы ознакомиться со своим делом, на что она

---

[1] Записки полковника Иванишина\Минувшее. №17. М-Спб. 1994. С. 534.

[2] Записки полковника Иванишина\Минувшее. №17. М-Спб. 1994. С. 534.

[3] Записки полковника Иванишина\Минувшее. №17. М-Спб. 1994. С. 566.

однозначно отвечала, что защищаться не будет, посоветовав молчать и защитникам. «Я помолчу, и вы помолчите. Мне приятно, что вы посидите рядом со мной. В чем я буду защищаться? Ведь не буду же я на старости лет отрекаться от своих сочинений, подписанных мной. Что же из того, что в обвинительном акте есть ошибки ...мне не к чему готовиться и не в чем защищаться. Пусть лучше готовится прокурор... Что суд? Я такая же, как была в 1878 году, да и суд с той поры не изменился». На суде на вопрос председателя: «Чем занимаетесь?», Брешковская ответила: "Как чем? Пропагандой революционного социализма».[1] Чайковский же, который согласно воспоминаниям Иванишина, выглядел «совершенным стариком», заявил, что не принадлежит к партии социалистов-революционеров.

Однопартиец и друг Брешковской Егор Лазарев тайно присутствовал на суде и встречался с ней, когда ее привели в зал для выслушивания окончательного приговора. Все, кто видел Брешковскую в этот момент, были поражены ее выдержкой и твердостью духа. Чайковский был оправдан, а Брешковская, несмотря на то, что ее защищали лучшие петербургские адвокаты, была осуждена за революционную пропаганду, принадлежность к партии социалистов-революционеров и нелегальное проживание.[2] Она была приговорена к бессрочной ссылке на поселение сначала в Нижний Илимск, а затем в Киренск в Восточной Сибири. Брешковская была удивлена приговором, так как, по ее словам, ожидала, что, судя по обвинительному акту, ее сошлют на каторгу в третий раз, но суд принял во внимание пожилой возраст обвиняемой. Корреспондент одной из английских газет, увидев Брешковскую на процессе, написал о ней: «Эта седая престарелая женщина, одетая в черное монашеское платье – Бабушка, как любовно зовет ее партия, – шла с достоинством и сияющим

---

[1] Авксентьев Н.Д. Брешко-Брешковская Е.К. (к 80-летнему юбилею)\Современные записки. Париж. 1929. С. 457; Лазарев Е.Е. Бабушка Брешковская. (к 80-летию со дня рождения)\Воля России. 1 февраля 1924 г. № 3. Прага. С. 80.

[2] ГАРФ. Ф. 5824. Оп. 1. Д. 119. Л. 7.

лицом, как мученица, вдохновленная величием дела, которому она предана, и которое страдание превращает в высшую радость».[1]

24 февраля 1910 года состоялось последнее свидание Брешковской с сыном, а 22 мая она была переведена в Санкт-Петербургскую пересыльную тюрьму - Егору Лазареву удалось передать ей необходимые в дороге вещи.[2] Из Петербурга до Вологды Брешковская добиралась по этапу сначала вместе с бродягами и нищими, а затем с уголовными.[3] Далее она была отправлена в городок Нижний Илимск, находящийся при впадении реки Илим в Лену, «захудалое местечко с суровым климатом».[4] Попов пишет, что полицейскими из Иркутска был «сочинен «заговор» для освобождения Брешковской», после чего ее, несмотря на возраст и плохое здоровье (болезнь почек, отек ног), уже через две недели перевели в бессрочную ссылку на крайний север Иркутской области, в уездный город Киренск, лежащий в девятистах верстах от Иркутска и железной дороги.

В Киренске Брешковскую окружают шпики, вся переписка проходит строжайшую перлюстрацию, а в доме постоянно проходят обыски; практически все знакомые, поддерживающие какие-либо отношения с Брешковской, подвергнуты преследованиям. К тому же преклонный возраст революционерки уже давал о себе знать: в этой ссылке Брешковская часто и подолгу болеет.[5] Благодаря помощи Алисы Стоун-Блеквелл и ее друзей, Егор Лазарев ежемесячно высылал Брешковской по сто рублей и более, но большую часть этих денег она раздавала менее обеспеченным ссыльным товарищам.[6] В этой ссылке она продолжает начатую в тюрьме переписку с сыном;[7] а в письмах друзьям редко жалуется на жизнь: «Я не взыскательна. Любя хорошее, умею жить и в скверном.

---

[1] Чернов В.М. Перед бурей. М. 1991. С. 161.

[2] Лазарев Е.Е.. Из переписки с друзьями. Ужгород. 1935. С. 65.

[3] РГАСПИ. Ф.274. Оп. 4. Д. 12. Л. 3.

[4] Попов И.И. Брешко-Брешковская Е.К. Бабушка русской революции. М. 1918. С. 29.

[5] Лазарев Е.Е. Бабушка Брешковская/ Воля России. 1 февраля 1924. С. 83.

[6] ГАРФ. Ф.5824. Оп. 2. Д. 41. Л. 15.

[7] Брешко-Брешковский Н.Н. Воспоминания сына\Иллюстрированный журнал. С.8.

Везде чувствуется дыхание Господне, а когда ты его чувствуешь, оно тебя находит». О возможной ссылке в еще более дальние места, она пишет: «Ну, что же? Если даже в Булун или в другое якутское место потащат, то я отменно проедусь на пароходе, увижу новые места».[1]

Будучи в ссылке, Брешковская не оставляет революционной деятельности; в донесении начальника Томского охранного отделения Д.И. Знаменского отправленном под грифом «Совершенно секретно» 4 октября 1911 года директору Департамента полиции Н.П. Зуеву, говорится о создании автономной Сибирской группы партии социалистов-революционеров. По полученным Знаменским агентурным сведениям, покушение на начальника Горно-Зерентуйской тюрьмы Высоцкого, состоявшееся 18 августа 1911 года, было организовано находящееся на поселении ссыльной революционеркой Брешковской. На выполнение этого теракта ею был вдохновлен ссыльнопоселенец Берг Лагунов. В это же время под ее руководством из ссыльных членов партии была создана автономная группа партии социалистов-революционеров численностью тридцать человек. Базой для революционной деятельности группы стали каменноугольные копи в окрестностях станции Черемхово в ста двадцати верстах от Иркутска. Заговорщики предполагали организовать там и нелегальную типографию, но денежных средств для ее создания не имели, поскольку значительная сумма, которой они располагали изначально, была потрачена на подготовку покушения. Большинство членов этой группы, разделившись по два-три человека, разъехались для ознакомления с положением местных организаций ПСР и их возможностей в плане материальной помощи подпольной типографии в Черемхове; при этом некоторые из активистов группы постоянно находились под постоянным наблюдением полиции.[2]

---

[1] Лазарев Е.Е. Бабушка Брешковская\Воля России. 1 февраля 1924. С. 84.

[2] Политическая полиция и политический терроризм в России. Сб. док. М. 2001. С.419.

Практически тут же после прибытия в Киренск Брешковская и ее товарищи за границей решают устроить ей побег. Со временем внимание полиции к ней ослабло; незадолго до побега в письме друзьям она так описывала пренебрежительное отношение к своим обязанностям четырех шпиков, приставленных для ее охраны. Как бы намекая на возможность побега, Брешковская делится собственными предположениями о настроении охранников: «Куда она, старая, денется, да еще зимою? Квартиру годовую сняла, дров на всю зиму заготовила, ванну заказала... Сама из дому уже третий месяц носу не кажет, еле ноги таскает..., - и вдруг вспорхнет и улетит. Вот почему более опытные шпики понимают, что усердие имеет смысл для начальства, но не для них».[1]

А.Ф. Керенский, на основании личных впечатлений от встречи с Брешковской и бесед с ее друзьями позже утверждал, что больная старуха согласилась на побег только из-за невыносимых условий заключения. После долгих приготовлений налаживается связь с товарищами по партии: для переговоров с Брешковской из-за границы дважды приезжают две женщины, которые совместно с ней обговаривают все подробности будущего побега. Вскоре после этой встречи тогдашний руководитель Боевой организации Борис Моисеенко по заданию партии и при помощи Зензинова бежит из своей ссылки и отправляется в Сибирь для того, чтобы вывезти оттуда Брешковскую. Но в Иркутске Моисеенко был арестован и сослан в Якутск, откуда ему тоже вскоре удалось бежать.

После этой неудачи побег пришлось устраивать при помощи других, менее опытных лиц. Товарищи Брешковской по ссылке – Владимиров, Макушин, Гордеев и Андреев решили воспользоваться тем обстоятельством, что она часто болела, подолгу не выходя из дома. Брешковская, вновь, как и при первом побеге, переодевшись в мужчину, на этот раз в старого сибирского купца, оставила вместо себя в квартире переодетого Андреева и на почтовых лошадях поехала по Лене в

[1] ГАРФ. Ф. 5824. Оп.1. Д. 250. Л. 6.

направлении Иркутска. Телеграфные провода по всему пути следования Брешковской были предусмотрительно перерезаны ее товарищами. Но, несмотря на все предосторожности, через несколько дней, когда телеграф был восстановлен и началась проверка всех проезжающих, Брешковская была остановлена отрядом полиции во главе с исправником в пятнадцати верстах от Иркутска. В случае удачного прибытия к месту назначения побега в Иркутске, ее должны были спрятать в таком надежном месте, что шансы полиции на успех были бы минимальны.

За попытку побега, совершенную зимой 1913 года, Брешковская была приговорена к одному году и четырем месяцам строгого одиночного заключения в Иркутской тюрьме. К ней были приставлены отдельные часовые, дверь камеры каждую ночь опечатывал сургучной печатью сам начальник тюрьмы - свидания были запрещены, передачи в большинстве случаев тоже.[1]

Одиночное заключение справедливо считалось в среде революционеров одним из самых тяжелых испытаний; Брешковская вспоминает об этом периоде своей жизни как о требующем наибольшей выдержки и самообладания: «Служение там еще напряженнее; требует непрестанного действа, ибо на нем сосредоточено внимание узника, оторванного от мира, ничего, кроме темных стен для общения не имеющего. Как изобразить такое напряжение, требующее для своего присутствия все новых и новых усилий воли, для того, чтобы оно не ослабело, не изменило, не ускользнуло бы незаметно, не позволило бы мысли направиться в ложную сторону соблазна; уйти от жизни мертвой, вечно жестокой в мир бессознательного покоя».[2]

После отбытия этого срока Брешковская была сослана в Булун, городок, находившийся у Ледовитого океана; настолько суровые природные условия вполне могли стать косвенной причиной смерти

---

[1] ГАРФ. Ф. 5824. Оп.1. Д. 250. Л.9.

[2] Брешко-Брешковская Е.К. Из воспоминаний. Лешерн, Армфельдт, Лебедева, Крылова, Гельфман. М. 1919. С. 4.

революционерки, учитывая ее преклонный возраст и состояние здоровья. Но, по пути следования к месту будущей ссылки Брешковская была вынуждена сделать остановку, так как летом дальнейшее продвижение по топкой тундре было невозможно. Для продолжения пути верхом или на собаках необходимо было ждать прихода зимы. В это время в Государственной Думе, и, что особенно важно в США, проходили многочисленные акции протеста против отправки престарелой революционерки к Ледовитому океану. Тысячами американцев были подписаны адресованные русскому правительству петиции с просьбой о возвращении Брешковской в более теплые места или же о высылке ее в Соединенные Штаты Америки. Узнав о подготовке этих обращений и желая предупредить возможный скандал, вызванный официальным отказом от выполнения просьбы, и в то же время, не желая идти на поводу у американской общественности, русское правительство принимает решение отправить Брешковскую обратно еще до получения петиций. После получения якутским губернатором телеграммы с приказом о ее срочном возвращении, Брешковскую спешно сажают на последний, отходящий из Якутска пароход и везут обратно в Иркутск. Но недалеко от Витима река Лена замерзает, и после длительной стоянки Брешковская добирается в Иркутск уже на лошадях, прибыв к пункту назначения лишь к началу декабря 1915 года, после чего тяжело заболевает.[1] Принимая во внимание болезни ссыльной, ей было дано разрешение поселиться в Иркутске, но жизнь Брешковской в этом городе продлилась недолго, так как для ограничения огромного потока посетителей у квартиры революционерки полиция была вынуждена установить постоянное дежурство. Все это доставило немало забот иркутскому департаменту полиции, который в итоге вынес решение отправить Брешковскую подальше от линии железной дороги, в город Минусинск Енисейской

[1] Лазарев Е.Е. Бабушка Брешковская\Воля России. 1 февраля 1924. С. 83.

губернии.[1] В мае 1916 года Брешковская была практически внезапно и под усиленным конвоем переправлена в Минусинск. Условия жизни в этом городке оказались значительно лучше, чем в Киренске - более теплый, мягкий климат, горный воздух, более слабый полицейский надзор и обширный круг единомышленников. Здоровье Брешковской стало улучшаться; ее семидесятилетний юбилей, прошедший в 1914 году, был широко отмечен всей российской прессой, не говоря уже об эсеровской. Имя революционерки вновь стало широко известным среди российской общественности; новый виток интереса к ее личности среди самих эсеров был связан и с тем, что в те годы партия социалистов-революционеров переживала далеко не лучшие времена.

«Она была нужна более всего в это время – время распада морально-психологических связей, ранее объединявших всех этих людей в партию, расползающуюся на глазах на кучки и группы недовольных и враждующих друг с другом».[2]

В ссылке Брешковская не падала духом, писала своим друзьям, что «живет припеваючи, может быть, и выпустят когда-нибудь», и строила далеко идущие планы на будущее: «что бы возможно отдалить конец свой, я выдумала трюк: кончился мне первый год на восьмой десяток, я и затеяла отбросить в сторону семь десятков и оставит при себе всего один год: от него и вести свое летоисчисление...», с помощью такой уловки Брешковская надеялась прожить «еще много десятков лет».[3]

Она с глубоким интересом следила за событиями, происходящими на свободе, и твердо верила, что решительный момент русской истории приближается. Брешковской были не чужды идеи о мессианском предназначении русского народа: «...за будущее его не страшусь. Лучшего народа не знаю и потому непременно хочу, чтобы он достиг высшего

---

[1] Попов И.И. Автобиография\Деятели СССР и революционного движения России. М. 1989. С. 111.

[2] Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М. 1997.

[3] ГАРФ. Ф. 5824. Оп. 1. Д. 250. Л. 3.

расцвета своих способностей и всегда служил бы светочем для темных и защитником для слабых. ...надо верить, что такой народ будет взыскан судьбою и займет подобающее ему место».

Период с 1903 по 1905 годы стал временем особой активности партии социалистов-революционеров. Серия террористических актов, проведенная активистами «Боевой организации», съезды, многочисленные ячейки партии в стране и за границей, которые под руководством Брешковской и других лидеров партии, удалось создать к этому времени, послужили укреплению и расширению ПСР.

Произошедшая в 1905 году революция принесла возможности легальной деятельности, но Брешковская осталась верна себе, по-прежнему выступая за самые радикальные методы борьбы, включая организацию народного восстания. К 1907 году стало ясно, что ни террористическая борьба, ни работа в крестьянстве не приносят ожидаемых результатов, и многие лидеры партии требовали изменения партийной тактики, в связи с чем именно в этот период особенно ярко проявились серьезные разногласия внутри руководства ПСР. Характерно, что арест Брешковской, произведенный незадолго до начала периода кризиса ПСР, произошел по доносу члена партии как раз накануне разоблачения оказавшегося полицейским агентом руководителя Боевой Организации Азефа.

ГЛАВА IV

Участие Е.К. Брешко-Брешковской в общественно- политической борьбе в 1917 году

§ 1. Общественная деятельность Е.К. Брешко-Брешковской от Февраля к лету 1917 года

В марте 1917 года, после Февральской революции, которая стала исполнением дела всей ее долгой жизни, Брешковская возвращается в Петроград из десятилетней ссылки. О произошедшей революции она узнала не сразу, но еще 1 марта стала догадываться о случившемся по слухам, ходившим в Минусинске. Вот как сама Брешковская описывает эти дни: «Живу и живу себе, ничего не знаю, только чувствую, что надвигается. И вот, с первого марта, слышу в городе, шу-шу да шу-шу. Говорят, прислали из Петрограда важные телеграммы, да не велено о них рассказывать. Иркутский губернатор Пильц так распорядился, а телеграфисты проговорились, лишь четвертого (марта) разрешили печатать – так как нет оснований дальше скрывать правду».[1]

Телеграмма с приказом о немедленном освобождении «Бабушки русской революции» из-под стражи стала вторым по счету распоряжением, изданным новым министром юстиции А.Ф. Керенским. Первый приказ содержал в себе предписание освободить всех политических заключенных и передать им поздравления с победой революции.[2] Четвертого апреля 1917 года представители минусинской Городской Думы явились поздравить Брешковскую с торжеством ее идей, после чего предложили оказать помощь в организации срочного переезда в Петроград, так как в пришедшей в этот же день еще одной

[1] Кирьяков. Дедушка и бабушка русской революции. Пг. 1917. С. 4.

[2] Брешко-Брешковская Е.К. 1917 год \ Новый журнал. Кн. 38. 1954. С. 193.

правительственной телеграмме содержался приказ оказать содействие в выезде политзаключенных.[1] В тот же день Брешковская покинула место своей ссылки, и уже через 300 верст пути - в Ачинске, ей была организована торжественная встреча с участием войск: солдаты выпрягли лошадей, на которых ехала Брешковская, и сами впряглись на их место.[2]

Она была поселена в лучшей гостинице Ачинска, все время пребывания в которой, продолжались визиты к Брешковской местного начальства, относившегося к ней «как к особе высокого положения».[3] Скорее всего, о «ее выезде было дано знать по всей линии», поскольку на протяжении всего пути до ачинского вокзала по обеим сторонам дороги, которой она ехала, выстроились войска в парадной форме, «с оружием и знаменами, впереди коляски» двигались «толпы народа с хоругвями». По словам Брешковской, сама она чувствовала себя скованно, и лишь ожидала того момента, когда ей удастся вырваться из этого «нелепого маскарада», что ей удалось нескоро, так как подобные встречи ожидали революционерку повсюду.[4]

В Иркутске Брешковскую встретила делегация, во главе с находившимся там в то время членом Государственной Думы эсером Архангельским,[5] там же произошло ее знакомство с В.В.Бакрыловым, ссыльным из вологодских крестьян, о просветительской деятельности которого в Сибири (организация школы, библиотеки и кооператива для местных крестьян), она была наслышана задолго до личной встречи. С первой встречи проникшись к Бакрылову глубоким доверием, Брешковская назначила его своим личным секретарем.

Для возвращения в Россию ей был предоставлен специальный вагон, и по всему пути следования поезда Брешковскую встречали гарнизоны

---

[1] Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте/Вопросы истории. 1990. № 9. С. 32.

[2] Брешко-Брешковская Е.К. 1917 год \ Новый журнал. Кн. 38. 1954. С. 193.

[3] Брешко-Брешковская Е.К. 1917 год \ Новый журнал. Кн. 38. 1954. С. 194.

[4] Там же.

[5] «Дело народа». 23 марта 1917. № 8.

войск с оркестрами, рабочие, крестьяне, интеллигенция. Она находилась в самом радужном состоянии духа: «Вот так и вышло, как я думала. Теперь надо нам Россию надо заново отстраивать».[1]

По дороге Брешковская остановилась в Уфе у родителей террориста Е. Сазонова, которым безуспешно пыталась объяснить, за что погиб их сын. Позже она обратится к А.Ф. Керенскому с просьбой о торжественном переносе тела террориста, погибшего и похороненного в Сибири, на родину. 20 апреля в вагоне Брешковская пишет краткую автобиографию, изданную в этом же году.[2] Но, несмотря на всю радость победы, Брешковскую мучали опасения по поводу будущего страны. «Да, я была в высшей степени счастлива, и все-таки мое сердце дрогнуло. Как мы встретим и, главное, как мы проведем эту революцию, как достигнем того, что она может нам дать?»[3]

18 марта Брешковскую уже ждали в Москве, но она внезапно изменив маршрут, отправилась в Петербург - 29 марта на вокзале северной столицы ее приветствовали А.Ф. Керенский от Временного правительства и Н.С. Чхеидзе от Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов.[4] В Москву Брешковская прибыла лишь в конце апреля и была встречена с тем же триумфом; торжественные мероприятия, посвященные ее возвращению из Сибири, были организованы во многих учреждениях столицы, среди которых: Городская Дума, Советы рабочих и солдатских депутатов[5] и Комитет общественных организаций, на заседании которого она выступила с призывом к общему единению и просвещению крестьянства. Выдвинутое Астровым предложение об открытии

---

[1] A.S. Blackwell. The Little Grahdmother of Russian Revolution: Reminiscences and Letteps of Catherine Breshkovcky. Boston. 1918. C. 313.

[2] Кирьяков. Дедушка и бабушка русской революции. Пг. 1917. С. 4.

[3] A.S. Blackwell. The Little Grahdmother of Russian Revolution: Reminiscences and Letteps of Catherine Breshkovcky. Boston. 1918. C. 313.

[4] «Дело народа». 19 марта 1917. №5

[5] Там же. 23 марта 1917. №8.

издательства народной литературы в честь Брешковской было единодушно принято Комитетом. На заседании Совета солдатских депутатов она выступает с одной из первых речей, призывающих к миру и спокойствию.

«Дорогие граждане! Я пятьдесят лет была в рядах Русской Революции и без хвастовства могу сказать, что не было никого более справедливого по отношению к долгу и дисциплине или того, кто ценил более значение обязанностей. Никогда не было споров или разногласий в моей партии, которые числилось бы на моей совести. Я всегда уважала мнение моих товарищей и руководства моей партии до такой степени, что постоянно стояла за дружественное соглашение в большинстве дискуссионных вопросов».[1]

Вечером того же дня, выступая на собрании Экономического общества в театре музыкальной драмы, где Брешковская присутствовала вместе с другими ветеранами революции Верой Фигнер и Германом Лопатиным, она вновь говорит о единстве народа, и силе, достигаемой через единство. Указывая на Фигнер и Лопатина, она рассказала, как борцы за свободу народа замещали друг друга на революционном фронте, подчеркивая, что они были сильны только потому, что не было разногласий среди них.[2]

На возвращение Брешковской откликнулись все крупнейшие российские газеты, в том числе и буржуазные; например, в газете под красноречивым названием «Русская Воля» в мартовские дни вышла заметка «Бабушка русской революции и мы», ироническая рецензия на которую вскоре появилась на страницах эсеровского «Дела народа». В ней высмеивалась фальшь и коньюктура, пронизывающие эту и многие другие

---

[1] Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. М. 1996. Т.I. 1900-1907. М. 1996. С. 121.

[2] A.S. Blackwell. The Little Grahdmother of Russian Revolution: Reminiscences and Letteps of Catherine Breshkovcky. Boston. 1918. C. 314.

восторженные публикации, посвященные Брешковской в изданиях, ранее не замеченных в симпатиях к революционерам.[1]

Уже в первые дни после приезда Брешковская была утомлена бесконечными чествованиями. На II Петроградской конференции ПСР в ответ на приветствие и очередное избрание почетным председателем, она заявила: «Вот уже пятьдесят лет я говорю одно и то же и ничего нового я этой конференции сказать не могу».[2] Но, несмотря на усталость, Брешковская практически никогда не позволяла себе отказаться от приглашения выступить, в отличие от другой старой революционерки, тоже оказавшейся крайне востребованной в эти дни Веры Фигнер, которая, чувствуя себя больной, могла вообще отказаться произнести что-либо. Писатель Марк Алданов замечал о Брешковской, пользовавшейся любовью многих представителей радикальной интеллигенции, что «сравнение В.Н. Фигнер с Е.К. Брешковской было вообще не в пользу первой. Брешковская (женщина исключительная во всех отношениях) была сама простота в лучшем смысле слова. Никак не скажу этого о первой».[3]

В то время в Москве состоялся целый ряд «исторических» собраний, выступать на которые в качестве «свадебных генералов» приезжали сначала Керенский, потом Милюков с Шингаревым, затем вернувшиеся из ссылки Минор, Брешковская и другие борцы за свободу. Все эти знаменитости вызывали большой интерес и собирали огромное количество зрителей.[4]

Тогда же на фоне всеобщей эйфории возникла идея создания «Дома-музея борцов за свободу», в претворении которой в жизнь Брешковская собиралась принять самое активное участие. Оказать поддержку этому начинанию вызвались многие выдающиеся личности - представители

---

[1] «Дело народа». 16 марта 1917. №2

[2] «Дело народа». 31 марта 1917. № 14.

[3] Алданов М. Картины октябрьской революции. Исторические портреты. Спб. 1999. С. 65.

[4] Вишняк М. Дань прошлому. Нью-Йорк. 1954. С. 252.

самых разных политических и общественных течений: Керенский, Кизеветтер, Короленко, Львов, Пешехонов, Церетели, Засулич, Фигнер, Плеханов, Бунин, Горький; исключение составили лишь большевики, не пожелавшие принять участие в создании мемориала революции.[1] В апреле 1917 года в продажу поступила серия «Галерея портретов деятелей русской революции» - «открытых писем» с изображениями творцов революции: Брешковской, Керенского, Фигнер, Михайловского, Гершуни, Каляева, Сазонова, Балмашева.[2]

Сама Брешковская спокойно относилась к собственной популярности и всегда с сожалением утверждала, что тридцать два года в тюрьме и ссылке сделали ее практически бесполезной для революции, и лишь одиннадцать лет «подпольной жизни» она смогла посвятить активной работе. Свою известность и долголетие Брешковская объясняла, прежде всего, тем, что была более удачлива, чем ее соратники, и «имела более крепкое устройство, благодаря чему выжила, когда остальные погибли...» По ее мнению, в данный период истории нет каждодневной необходимости в героических делах, а наиболее важной является кропотливая повседневная работа, которой она и посвящала все свое время в 1917 году.[3] Марк Вишняк изложил впечатления от выступлений Брешковской начала 1917 года в изданных значительно позже воспоминаниях «Дань прошлому».

«В 1917 году «бабушка» была уже далеко не той, какой была в 70-х и даже 90-х годах. Полуанархические идеи и настроения примитивного народничества уже окончательно выветрились. Ее органическое народничество приняло государственное оформление. Страстная патриотка, она резко восставала против пораженчества и пораженцев в других партиях и особенно в своей собственной. В то же время

[1] «Дело народа». 14 апреля 1917. №24.

[2] «Дело народа». 18 апреля 1917. №27.

[3] A.S. Blackwell. The Little Grahdmother of Russian Revolution: Reminiscences and Letteps of Catherine Breshkovcky. Boston. 1918. C. 319-320.

сохранилась некоторая элементарность суждений, которая облегчала сближение Брешковской с простым народом и молодежью. Те и другие чувствовали Бабушку себе сродни».[1]

В 1917 году Брешковская продолжает переписку с американскими подругами, с которыми поддерживала отношения со времени поездки в Америку в 1904 году. В письмах она делится проектами на ближайшее будущее: это основание «большого издательского дома», выпускающего «...книги, написанные простейшим языком, таким, что любой может понять», и создание «корпорации молодых людей», занятых распространением этой литературы. Брешковская хотела обратиться к правительству с просьбой о выделении ей вагона для агитационных путешествий по всей России, что и было осуществлено впоследствии.[2] Она пишет и издает серию брошюр, в которых доступно излагает основные положения эсеровской программы и вместе с тем отвечает на злободневные вопросы, волновавшие людей. В Москве ею было основано находившееся на Кузнецком мосту издательство фонда имени «бабушки русской революции Е.К. Брешко-Брешковской» для распространения книг среди народа, так более всего ее беспокоит темнота народа и отсутствие просвещения. В дальнейшем Брешковская предполагала наладить выпуск пропагандистской литературы на языках всех российских народов.[3] Названия выпущенных этим издательством брошюр говорят сами за себя: «Не только права, но и обязанности (Об обязанностях свободных граждан)», «Что делать в Учредительном собрании», «Письма крестьянам», «Черная сотня» и многие другие. Определенный интерес представляет выпущенный под редакцией Брешковской уже после октябрьского переворота календарь на 1918 год; он составлен по старому и новому стилю и начинается с 27 февраля. (12 марта, годовщина

---

[1] Вишняк М. Дань прошлому. Нью-Йорк. 1954. С. 252.

[2] A.S. Blackwell. The Little Grahdmother of Russian Revolution: Reminiscences and Letteps of Catherine Breshkovcky. Boston. 1918. C. 320.

[3] «Дело народа». 8 апреля 1917. №19.

Февральской революции, отмечен красным цветом как день Великой Русской Революции).[1]

Для сборов добровольных пожертвований в фонд издательства Брешковской организовывались митинги-концерты, проходившие на цирковых и театральных площадках. В первой половине 1917 года для агитационных выступлений на эти мероприятия приглашались такие ораторы, как Горький, Спиридонова,[2] Плеханов, Дейч.[3] В фонд поступали и отдельные частные пожертвования, например, В. Морозова ежемесячно снабжала издательство Брешковской суммой в 10 000 рублей, до тех пор пока помощь не прекратилась в связи со скоропостижной смертью меценатки.[4]

В мае в эсеровскую прессу поступила просьба Брешковской о публикации на первых страницах всех партийных изданий ее обращения «Ко всем», посвященного необходимости срочной организации центральной типографии, для создания которой требуется собрать около миллиона рублей. «Эти деньги должны быть собраны, во что бы то ни стало и как можно скорее. Быть может, сейчас нет дела более неотложного». Брешковская просила перепечатывать обращение, где только возможно и организовывать «дни социально-революционной печати», денежные сборы, от которых рекомендовала присылать в Петербургский комитет ПСР. Но ее предположения о том, что собирать деньги «...из трудовых грошей, из мелких взносов надежней, чем из единоличных крупных пожертвований», оказались ошибочными. 16 мая обращение было опубликовано вторично, но надежды на «трудовые гроши» так и не оправдались. Брешковской пришлось прибегнуть к другим источникам финансирования, о которых будет сказано ниже.[5]

---

[1] Народовластие. Сб. статей чл. Учр. Собр. фракции с.р. М.1918.

[2] «Дело народа». 18 апреля 1917. №27.

[3] «Дело народа». 23 июня 1917. №82.

[4] Брешко-Брешковская Е.К. 1917 год \ Новый журнал. Кн. 38. 1954. С. 197.

[5] «Дело народа». 12 мая 1917. №47.

Многие призывы Брешковской начала 1917 года крайне наивны и продиктованы исключительно свойственной ею тягой к утопии; например, в одной из своих многочисленных брошюр, названной «Обязанности свободных граждан», она потребовала от россиян полного отказа от алкоголя. Брешковская предложила уничтожить «все заведения и приспособления для выработки зловредных одуряющих напитков, отнимающих у людей и разум, и совесть». По ее выражению, молодые солдаты вместо того, чтобы защищать Отечество, бегут с фронта и «выискивают винные погреба». Брешковская не останавливалась на требовании официального запрещения торговли алкоголем, выступая и за полное уничтожение отравляющих душу напитков.[1]

В апреле центральный эсеровский орган «Дело народа» опубликовал очередное обращение Брешковской, на этот раз посвященное проблеме проституции и адресованное в союз женских демократических организаций. Она призвала людей к сочувствию по отношению к продажным женщинам, завуалировано названным «белыми рабынями». «...я имею в виду тех, кто по злой воле общественного неустройства был оторван от обычных течений и форм жизни и брошен в пучину «белого рабства», они «...есть плоть от плоти нашей и кость от кости нашей... и она была прелестным ребенком, способной работницей.... Громадная часть из них вступила на путь гибельный .... не по своему желанию». Брешковская предлагала организовать в провинции, в присмотренных ею для этой цели пустующих усадьбах кооперативы, в которых бывшие проститутки занимались бы сельским хозяйством и животноводством, а в зимнее время – ремеслами. Пытаясь найти решение проблемы, существующей во все времена в разных странах, она брала в расчет исключительно социальные причины этого явления, не учитывая всех остальных.[2]

---

[1] ГАРФ. Ф. 5975. Оп. 1. Д. 802. Л. 12.

[2] Дело народа. 11 апреля 1917. №21.

Брешковская всегда симпатизировала феминизму, и после революции неоднократно призывала женщин к особой активности, необходимой, по ее мнению для компенсации многих лет вынужденного бездействия в недалеком прошлом, когда женщины были лишены гражданских прав. Она считала, что каждая девушка, окончившая среднее учебное заведение, в обязательном порядке должна отработать три года на благо народа в качестве учительницы. Брешковская ощущала сочувственное отношение многих образованных женщин к своим идеям, и это придавало ей уверенности. Она получала огромное количество писем, в которых самые разные люди обращались к ней с просьбами о помощи и за советом. Например, 23 мая 1917 года, солдаты 120-й артиллерийской бригады просили ее помочь им собрать «хороших и полезных книг» для организуемой ими армейской библиотеки, а 20 августа члены комитета ПСР Ховринского района письменно спрашивали Брешковскую, куда можно обратиться за ссудой в полторы тысячи рублей, необходимой им для открытия клуба-чайной и социалистической библиотеки.[1] 29 августа 1917 года члены Пустотинского общества потребителей Ряжского уезда Рязанской губернии послали Брешковской 31 рубль 45 копеек «на нужды борцам за свободу»; решение отчислить эти деньги из прибыли годового отчета за 1916 год было принято на собрании общества потребителей при рассмотрении годового отчета. Эти же жертвователи просили Брешковскую, свою «дорогую защитницу», «почтить их общество» высылкой фотокарточки.[2]

Несмотря на преклонный возраст, Брешковская постоянно путешествовала;[3] сразу после приезда поселившись у Керенских, дней

---

[1] ГАРФ. Ф. 5975. Оп. 1. Д. 774. Л. 5-6.

[2] Там же. Л. 6.

[3] Брешко-Брешковская Е.К. 1917 год \ Новый журнал. Кн. 38. 1954. С. 198.

через десять она вновь собралась в отъезд. «Куда – все равно, лишь бы в среду того народа, что манил меня к себе от раннего детства».[1]

Брешковская посещает Тверь, Новгород, Вологду, Ревель, Кронштадт, Харьков, Екатеринослав, Одессу, Бессарабию, где тогда стояли войска,[2] и целый ряд других областей.[3] Во время пребывания Брешковской в Ярославле ее именем был назван городской парк отдыха и пароход. Позднее она собиралась добраться до Каспийского моря, но, по ее словам, ей помешал осуществить это намерение срочный вызов Керенского в Петроград.[4]

В конце мая - начале июня Брешковская вынуждена была пройти курс лечения от малярии в Крыму, по причине чего не смогла присутствовать на третьем съезде партии, проходившем в Москве с 25 мая по 4 июня. Но делегаты заочно избрали ее почетным председателем - в письме съезду Брешковская обратилась к эсерам с призывом к общей ответственности перед народом: «Нам необходимо единение внутреннее, – единство мысли и чувства... мы «народники» не по названию только. Мы – народники в силу нашей любви и бесконечной преданности высшим интересам, настоящим и будущим нашего великого народа, и на наши головы ляжет ответ за малейшее допущение измены или нарушения данной народу клятвы – служить ему верой и правдой».[5]

Будучи в Крыму, Брешковская поддерживает давнюю переписку с теоретиком анархизма П.А. Кропоткиным; в симферопольском письме от 8 июня, она пишет, жалуясь на возраст и недомогания: «Но самочувствие было бы хорошо, если бы не досада на то, что стала совсем мало работать. На днях совсем оправлюсь от гнусной малярии и снова отправлюсь в путь...пока что тьмы кромешной непочатый угол и спасает только

---

[1] Политические деятели России: биографический словарь. М. 1995. С. 96.

[2] Брешко-Брешковская Е.К. 1917 год \ Новый журнал. Кн. 38. 1954. С. 201.

[3] Там же. С. 199.

[4] Там же.

[5] Политические партии России. Конец XIX-пер. треть XX вв. М. 1996. С. 210.

надежда на желание самой темноты выйти на свет Божий. Глухих углов видимо-невидимо, посетить их нет возможности, а народ жаждет правдивого слова и живых, определенных понятий».[1]

13 июля, после возвращения с отдыха в Крыму, Брешковская вместе с Миролюбовым, Сталинским и Аргуновым в качестве соредактора вошла в редколлегию газеты «Воля народа».[2] Центральным органом ПСР в то время являлась газета «Дело Народа», но статьи Брешковской все реже появляются на страницах этого издания, и в основном это обращения, обязательные для перепечатки во всех эсеровских изданиях. Брешковская объясняла игнорирование «Дела Народа» резким неприятием «германофильского» характера всех материалов, касающихся вопроса войны.[3]

§ 2. Е.К. Брешко-Брешковская – одна из лидеров «правых» эсеров

В 1917 году произошло разделение партии на «правых» и «левых» эсеров, и Брешковская сразу и безоговорочно примкнула к правым. Главными проблемами, вызывавшими бурные разногласия между представителями этих течений, стали вопросы продолжения войны и коалиции с другими либеральными партиями. Правые эсеры отвергали идею о сепаратном мире с Германией, выступая за войну без захватнических целей, но до победного конца в союзе с Антантой. Левые же считали, что бессмысленная война выгодна лишь враждебной буржуазии стран Антанты, так как грядущая в скором времени мировая революция ускорит гибель всего буржуазного общества, и таким образом,

---

[1] ГАРФ. Ф. 1129. Оп. 5. Д. 318. Л. 2.

[2] Сорокин П. Дальняя дорога. Автобиография. М. 1992. С. 86.

[3] «Дело народа». 1 июня 1917. № 63.

с войной будет покончено само собой. Брешковская, будучи ярой сторонницей «революционного оборончества», победу в войне все-таки также, как и левые, связывала с быстрейшим развитием всемирной революции. В ее сознании борьба с монархическим германским блоком была обязательным условием последующего вхождения России в лагерь западных буржуазно-демократических государств, о чем Брешковская мечтала больше всего.

1 июня еще в газете «Дело народа» опубликовано ее обращение к Ш съезду «Письмо Бабушки о войне» - «...война отнимает все силы и средства страны. Взрослый, просвещенный человек не может не понимать, что, откладывая наступление, мы, русские, откладываем окончание войны, ...что, ставя Россию в конфликт со всеми союзниками – а это весь мир, кроме двух центральных империй, мы парализуем не только ее предстоящую возможность к возрождению, но и ...изолируем ее на всю будущую историю, ставя в положение племянницы делу интернационального пролетариата, призывающего русских на помощь ради скорейшей возможности приступить к разрешению национальных вопросов мирным путем. Лежа в окопах без конца, мы рискуем превратить наше молодое крестьянство в неприспособленных ни для какой полезной деятельности граждан...»[1]

По данным, приводимым Е.А. Приваловой, в конце июня 1917 года Брешковская, при посредничестве американского Красного креста, получила из США более двух миллионов рублей, предназначенных, в первую очередь, для пропаганды продолжения войны. Наличными Брешковская было передано пятьдесят тысяч рублей, а еще 2.1 миллион рублей было перечислено американцами на ее текущий банковский счет. При помощи американцев Брешковской был основан и возглавлен так

[1] «Дело народа». 1 июня 1917. № 63.

называемый Комитет гражданского воспитания,[1] у Г.К.Селезнева - «Комитет социально-политического просвещения».[2] В этот период об интервенции речи еще не шло, и главной целью иностранного вмешательства было воссоздание союзнического фронта - комитет проводил оборонческую пропаганду на фронтах, организовывал соответствующие лекции и доклады в тылу; из тех же денег спонсировалось издание огромного количества агитационной литературы и «правых» газет «Земля и Воля» и «Воля народа». Основными сторонниками продолжения войны были правые эсеры, и американские спонсоры называли Комитет единственной надежной организацией, с которой можно уверенно сотрудничать. В их докладе руководству отмечалось, что дело поставлено таким образом, что вполне возможное «падение правительства не прекратит воспитательной деятельности комитета Брешковской».[3] Иностранные деньги Брешковская расходовала, прежде всего, в интересах собственной группы «воленародцев», но часть денег, вероятно, попадала и в ЦК.[4]

В конце июля в общеэсеровской газете «Дело народа» Брешковская публикует своеобразный отчет о деятельности своего издательства «Земля и Воля» за три месяца, истекшие со времени его основания. В отчете указано, что начальный капитал издательского дома состоял из трех тысяч рублей, при этом народные пожертвования составили лишь около пятидесяти тысяч рублей, то есть ничтожно мало по сравнению с требуемой суммой. О том, откуда в таком случае взялись деньги на издание огромных тиражей агитационной литературы, в статье ничего не

---

[1] Привалова Е.А. В союзе с белогвардейской прессой. Американское бюро печати в Советской России. (1917-1920-е гг.) М. 1986. С. 17.

[2] Селезнев Г.К. Крах заговора. Агрессия США против Советского государства в 1917-1920гг. М. 1963. С. 20.

[3] Привалова Е.А. В союзе с белогвардейской прессой. Американское бюро печати в Советской России. (1917-1920-е гг.) 1986. С. 17.

[4] Знаменский О.Н. Учредительное собрание: история созыва и политического крушения. М. 1976. С. 74.

говорится. В реальности практически все издательское дело Брешковской держалось на сотрудничестве с американцами. Как она докладывает в отчете, в течение трех месяцев было выпущено более четырех миллионов брошюр, новые филиалы и типографии издательства «Земля и Воля» были открыты в Симферополе и Севастополе, Брешковская лично раздала из вагона бесплатных брошюр на сумму приблизительно в тысячу рублей. В числе ближайших планов издательского дома она назвала организацию партийной типографии где-нибудь в западных областях страны, недалеко от линии фронта, например, в Минске. Перечислив достижения издательства и планы на будущее, Брешковская отметила, что недостаток материальной базы по-прежнему имеет место, и пожертвования, направляемые в Московский народный банк, в фонд Катерины Брешковской, желательно увеличить.[1]

Весь август и половину сентября 1917 года Брешковская живет и работает на третьем этаже Зимнего дворца, принимая посетителей в качестве неофициального консультанта Керенского, и при этом сама имеет нескольких секретарей, самым доверенным из которых был ее личный секретарь Владимир Бакрылов. Обладая огромными суммами, Брешковская не позволяла себе распоряжаться ими по собственному усмотрению. О ее серьезном отношении к общественным деньгам свидетельствует и сын Николай, в воспоминаниях приводящий виденный им случай подобного отношения скорее в качестве отрицательного примера, подтверждающего бесчеловечность всех революционеров. Узнав о триумфальном возвращении матери из ссылки, Николай выехал в Петербург из Киева, где он снимал фильм по пьесе собственного сочинения. Приблизительно через три месяца после этого Брешковская дала сыну знать о себе, через секретаря сообщив о времени своего приезда. Брешковский вспоминал, как мать подъехала к его подъезду на великолепной машине, в прошлом принадлежавшей императрице Марии

[1] «Дело народа». 26 июля 1917. №110.

Федоровне, и тут же была подхвачена на руки толпой, которая и внесла ее в квартиру. Брешковская обошла все комнаты, заметив, что сын с невесткой живут «слишком по-буржуйски». По ее желанию на квартиру к Николаю был вызван «придворный фотограф» Оцуп, до 1917 года снимавший царей, а после февраля переквалифицировавшийся на героев революции.

Оставшись наедине с матерью, когда вызвавший у Николая глубокую антипатию секретарь Бакрылов на минуту отошел, сын обратился к Брешковской с просьбой оказать материальную помощь брату и золовке – его приемным родителям, которые, будучи уже пожилыми людьми, вынуждены были жить на мизерную пенсию. Николай напомнил матери о том, как эти родственники помогали ей в течение всего тюремного срока, но Брешковская отказалась выделить средства для помощи родным из общественных денег, а других у нее не было. «Я не могу, я ничего не могу... Откуда же? Ты знаешь, у меня ничего нет! Нельзя, нельзя... это не мои деньги... Это все на углубление революции...»[1]

Николай оказался прав в своем негативном отношении к Владимиру Бакрылову, которому безоговорочно доверяла Брешковская; после Октябрьской революции он фактически предал ее, потратив значительные суммы из вверенных ему денег и перейдя на сторону большевиков, которым рассказывал о «буржуазном настрое» Брешковской». В работе Д.А. Голинкова «Крах вражеского подполья» содержится информация о том, как Бакрылов сообщал большевикам, что на издание таких газет, как «Воля народа», «Земля и Воля», «Народная правда», ей было передано две тысячи сто рублей от американцев и сто тысяч рублей от русской буржуазии.[2] В воспоминаниях проинформированного из неизвестных источников Николая Брешковского приводятся сомнительные данные,

---

[1] Брешко-Брешковский Н.Н. Воспоминания сына \ Иллюстрированный журнал. №8. Париж. 1934. С. 32.

[2] Голинков Д.А. Крах вражеского подполья. М. 1971. С. 46.

якобы Бакрылов присвоил два миллиона долларов, отпущенных Брешковской американцами.[1]

Брешковская путешествует по фронтам, агитируя солдат, развозя эсеровскую литературу и организуя типографии. Выступая на митинге перед солдатами и матросами в Петрограде, она заявила: «Великие воины и граждане, освободите нас скорее от врага. Я, старуха, идти на войну не могу, хотя если бы вы этого потребовали от меня, отправлюсь...»[2] Во время одного из таких выступлений перед солдатами, пытаясь вдохновить их на боевые победы, Брешковская даже высказала спорную мысль о том, что сражаться вместе с просвещенным народом Англии и Франции – большая честь. 28 июня, находясь в Одессе, Брешковская побывала в запасном полку, солдаты которого отказались выступить на фронт, предъявив властям ультиматум в форме ряда требований. После долгих разговоров Брешковской удалось поколебать убежденность солдат в своей правоте, и по свидетельству представителей полка, приведенному в газете «Дело народа», они изменили свое решение и на днях собираются выступить на фронт.[3] Но это был лишь отдельный случай; среди большинства солдат, как пишет Брешковская, «...с еще большей ясностью проявилось невежество нашего народа. В присутствии начальства солдаты обыкновенно слушали меня молча; с глазу же на глаз говорили: «до нашей губернии не дойдет».[4] 1 июля Брешковская прислала приветствие 1-му женскому военному съезду и даже призвала его участниц вступать в женский «батальон смерти». В статье «Женский батальон» она писала: «Да будет благословенно начинание ваше.... С вами правда, с вами честь...»[5]

---

[1] Брешко-Брешковский Н.Н. Воспоминания сына \ Иллюстрированный журнал. №8. Париж. 1934. С. 33.

[2] Политические партии России. Конец XIX-перв. треть XX вв. М. 1996. С. 210.

[3] «Дело народа». 1 июля 1917. №89.

[4] Брешко-Брешковская Е.К. 1917 год \ Новый журнал. Кн. 38. 1954. С. 200.

[5] Политические партии России. Конец XIX-перв. треть XX вв. М. 1996. С. 210.

После Февральской революции была практически прекращена помощь военнопленным, которые фактически оказались брошенными на произвол судьбы, и лишь в сентябре 1917 года инициативная группа, состоящая из представителей Советов и видных общественных деятелей, обратилась к Временному правительству с предложением о разработке посвященного этому вопросу законопроекта. В ближайшие после этого обращения недели планировалось учреждение Временного совета с комиссаром от Временного правительства во главе. На эту должность прочили Брешковскую, сразу давшую свое предварительное согласие.[1] На следующий после публикации данной заметки день, в газете «Дело народа» было напечатано объявление о начале обязательной переписи всех военнопленных. За уклонение от дачи информации о находящихся в плену, их родственникам грозило «немедленное снятие с работы».[2] В связи с изменившимся через месяц государственным положением, деятельность Временного Совета по организации помощи военнопленным так и не была развернута.

Издательство «Земля и Воля» и газета «Воля народа», с которыми после неофициального раскола в партии по большей части сотрудничала Брешковская, были детищем «Петербургской группы социалистов-революционеров-оборонцев». Данная группа образовалась как противовес сформировавшемуся за границей еще до Февральской революции и более широко представленному в ПСР течению «циммервальдистов». Количество сторонников Петербургской группы оставляло желать лучшего, но ее сильной стороной были блестящие имена лидеров. В редакции ежедневной петроградской газеты «Воля народа», состояли такие видные члены партии, как А. Аргунов, П. Сорокин, Н. Тютчев, Сталинский, А. Гуковский и В. Лебедев.[3] Известный социолог Питирим

---

[1] «Дело народа». 29 сентября 1917.

[2] Там же. 28 сентября 1917. №166.

[3] Майнов И.И. Автобиография\Деятели СССР и революционного движения России. М. 1989. С. 139.

Сорокин произнес по поводу вновь созданной газеты слова, впоследствии практически дословно повторенные Брешковской: «Надеяться на успех в такое время невозможно, но мы все же делаем то, что считаем правильным».[1]

Группой выпускались брошюры правоэсеровских авторов Брешковской, Панкратова, Буланова, Сигова и других, позже группа стала издавать и вечернюю газету «Народ», (ред. А. Сигов, Э.А. Серебряков и др.) в то же время оборонцы надеялись на возможность перехода в их распоряжение и ежемесячного журнала «Северные записки», издатель которого, Саккер, был одним из членов «Петербургской группы с.р. - оборонцев». Для объединения своих единомышленников группой был образован «Организационный Комитет» в составе пятнадцати человек, почетной председательницей которого, как всегда, стала Брешковская.[2]

Одним из первых откликов общепартийной прессы на откол «правых», стала публикация В.М. Зензинова «Раскольники»; в ней анализировалось происходящее с партией в решающий исторический момент. Зензинов пишет, что первые попытки отойти от ПСР исходили от представителей левого крыла, а теперь последовал предательский удар и со стороны «правых». Председательством в раскольном комитете столь авторитетного члена ПСР, как Брешковская, автор был просто возмущен: «...хочется верить – здесь кроется недоразумение», и старый лидер партии «...не подаст другим примера дезорганизации». Зензинов констатировал тот факт, что под эгидой «Петербургской группы с.-р.-оборонцев» произошло объединение старых членов партии с молодыми новоиспеченными эсерами, что частично повторяет ситуацию, наблюдавшуюся в первые годы организации ПСР. Политическая линия, проводимая Брешковской в течение 1917 года, обозначена в статье как

---

[1] Сорокин П. Дальняя дорога. Автобиография. М. 1992. С. 86.

[2] «Дело народа». 16 сентября, № 156.

«корниловский мятеж» внутри собственной партии.[1] 8 сентября в правой «Воле народа» в защиту собственной группы оборонцев выступил А. Аргунов, выразивший диаметрально противоположную точку зрения на произошедший раскол. В своих теоретических построениях он опирался на старый партийный тезис о свободном сосуществовании внутри ПСР разных течений, и поскольку партия социалистов-революционеров является свободной организацией - «...пусть идет группировка членов партии по этим течениям».[2]

Дальнейшая судьба «Петербургской группы с.р. - оборонцев» такова; обнаружив в предвыборном списке ЦК партии имена неприемлемых для себя деятелей, члены группы опубликовали собственный альтернативный список кандидатов от города Петрограда. После такого демарша очередной съезд партии потребовал от оппозиционного Комитета самоликвидироваться, в противном случае предложив считать всех его членов исключенными из партийных рядов. Съезд утвердил данное предложение, но роспуска группы так и не последовало, что, впрочем, не вызвало никаких санкций со стороны ЦК. Группа продолжала свое существование приблизительно до лета 1918 года, когда под влиянием событий в стране вынуждена была самораспуститься.[3]

Брешковская стала одной из первых среди лидеров ПСР, увидевшей в деятельности большевиков в 1917 году серьезный идеологический вызов для всей российской демократии. В телеграммах, отправленных в Америку в апреле-мае 1917 года Алисе Стоун-Блеквелл, мисс Волд и мисс Дудлей, уже содержатся оценки деятельности враждебных Брешковской большевиков. Поначалу она описывает ситуацию в стране в радужных красках: «Я смею говорить с уверенностью, что наш народ ответственен и

[1] «Дело народа». 16 сентября, № 156.

[2] «Воля народа». 8 сентября 1917.

[3] Майнов И.И. Автобиография/Деятели СССР и революционного движения России. М. 1989. С. 139.

обладает чувством справедливости. Война будет продолжаться до тех пор, пока наши друзья не прекратят ее без аннексий.[1] ...Мы, женщины, имеем все права, которые мы хотели, так же, как мужчины. Вкратце, программа широка настолько, что сделает людей счастливыми на поколения в веках, но мало людей с опытом.[2]

Но постепенно письма Брешковской становятся все менее оптимистичными. «Я ожидала этого времени долгие годы. Это давало мне силу и мужество, и я была внутренне готова к вещам, которые делаю сейчас. Но большинство было весьма изумлено, ...и они понимают свою задачу только сейчас, когда события не ждут и требуют непоколебимого и прочного убеждения». В следующей телеграмме Брешковская уже сообщает о том, что «некоторые надежды отдельных людей дурно влияют на массы». По ее тогдашнему мнению, есть лишь «несколько людей, которые пропитаны иностранными идеями (из Германии), но их мало, и через несколько дней вся буря, разбуженная в столице, исчезнет».[3]

Во время открытия I крестьянского съезда произошел один из первых открытых конфликтов между большевиками и эсерами, свидетельницей которого стала Брешковская. Когда в начале съезда, ее, как всегда, избранную почетным председателем, внесли в зал на руках, большевистский депутат Д.И. Гразкин неожиданно крайне резко выступил против эсеровской политики продолжения войны и соглашательства с буржуазией. Еще преобладавшие в то время на съезде эсеры пытались удалить Гразкина, после чего тот начал грозить присутствующим револьвером, угрожая применить оружие в случае дальнейшего применения силы по отношению к нему; как он добавляет, «уже в

[1] A.S. Blackwell. The Little Grahdmother of Russian Revolution: Reminiscences and Letteps of Catherine Breshkovcky. Boston. 1918. C. 318-321.

[2] Там же. С.322.

[3] Там же. С. 319.

кулуарах чуть не пристрелил одного эсера-украинца».[1] Этот случай получил постоянное продолжение – со временем большевистский саботаж во время выступлений эсеровских лидеров стал привычным явлением. К середине 1917 года восторженные встречи, сопровождавшие все публичные появления Брешковской в начале года, сменились разочарованием. Агитационную работу в предоктябрьские месяцы она вспоминает так: «...позднее со стороны стали то и дело появляться неизвестно откуда застрельщики, чрезвычайно бойко, нахально выкрикивавшие свои большевистские лозунги и строившие на них целые замки демагогических блаженств».[2]

В мемуарах П. Сорокина приводится случай, произошедший на одном из митингов с участием таких именитых революционеров, как Плеханов, Брешковская, Савинков и Чайковский. Сорокин впервые наблюдал «знаменательное событие» - толпа, состоявшая преимущественно из солдат и матросов, стала оскорблять ораторов, называя их «предателями» и «контрреволюционерами». Осадить накал публики смог только Савинков, закричавший: «Да кто вы такие, чтобы обращаться к нам подобным образом? Что вы, бездельники, сделали для революции? Ничего, ...а эти люди сидели в тюрьмах, голодали, мерзли в Сибири...»[3]

В это время Брешковская уже начинает выступать с требованиями запрета деятельности РСДРП и ареста Ленина и Троцкого с целью прекратить их «возмутительную пропаганду», мешающую становлению молодой российской республики. Показав незаурядную проницательность, Брешковская угадала стратегию большевиков и фактически предсказала их поведение в будущем, подвергнув жестокой критике призывы и выступления большевиков и левых эсеров, красивыми

---

[1] Лавров В.М. «Крестьянский парламент» России. (Всероссийские съезды советов крестьянских депутатов в 1917-1918 гг.) М. 1996. С. 36.

[2] Брешко-Брешковская Е.К. 1917 год \ Новый журнал. Кн. 38. 1954. С. 199.

[3] Сорокин П. Дальняя дорога. Автобиография. М. 1992. С. 91.

словами и предложением самых легких путей решения государственных проблем вводящих в заблуждение народные массы. «Разве, любя свой народ станешь ему лгать? Разве, любя своих детей, не скажешь им правды? А между тем, такие слова, как «передовой авангард», «революционные надежды», «исключительные силы» и тому подобные слова заморочили всем головы. Это есть не любовь, это – худший яд».[1]

Брешковская, как и другие лидеры ПСР, всю жизнь боролась за социальные преобразования, но, оказавшись у власти, эсеры воздерживались от проведения важнейших из них до созыва Учредительного Собрания, и Брешковская, несмотря на независимую позицию по многим вопросам, вынуждена была считаться с проводимой Временным правительством политикой. Например, в первом полугодии 1917 года одним из главных камней преткновения в ее отношениях с однопартийцами стала позиция Брешковской по проблеме сроков передачи земли крестьянам. Крестьянство находилось в ожидании скорейшего передела собственности, которое и должно было послужить главным доказательством реальных изменений жизни народа. Понимая всю важность земельного вопроса для России, Брешковская долгое время выступала за его безотлагательное решение, соглашаясь в этом со своими политическими оппонентами – левыми эсерами. (в отличие от позиции большинства правого руководства партии социалистов-революционеров, полагавших, что решение этого вопроса следует отложить до начала работы Учредительного собрания) Тот факт, что Брешковская выступала за передачу земли крестьянам, отметил даже В.И. Ленин, правда, несколько исказивший реальное положение дел, так как она стала сторонницей радикальных преобразований аграрной сферы не после крестьянских восстаний 1917 года, а являлась ею изначально. Ленин написал по этому поводу: «...по всей стране разгораются крестьянские восстания. ...Громадную силу крестьянского восстания доказывает то, что

[1] Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. III. М. 1996. С. 800.

и соглашатели, и эсеры в «Деле Народа», и даже Брешковская заговорили о передаче земли крестьянам, чтобы притушить движение, пока оно окончательно не переросло им через голову».[1]

Еще на Всероссийском съезде учителей, прошедшем в апреле 1917 года, Брешковская произнесла слова, оказавшиеся пророческими: «Если мы упустим период до созыва Учредительного собрания, упустим случай законно добыть народу все, в чем он нуждается – то на нашей душе останется большой грех».[2] 29 апреля 1917 года – на съезде крестьянских депутатов Московской губернии – Брешковская призвала их к организации местных Советов «для немедленной передачи земли народу».[3] На I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов, проходившем с 4 по 28 мая, Брешковская, как старейший в партии специалист по работе с крестьянством, была выбрана в Исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов, получив 809 голосов «за» (810 удалось набрать только лидеру партии В.М. Чернову).[4]

Во время пребывания Брешковской в Вологде с ней произошел показательный случай: уполномоченные из крестьян обратились к ней за советом по поводу того, можно ли начать использование необрабатываемых и простаивающих не первый год помещичьих земель. Брешковская от собственного имени разрешила крестьянам пользоваться этой землей, все-таки оговорив, что «полное решение примет Учредительное Собрание, а пока надо осмотрительно...»[5] 27 июля в статье «Контрреволюции нет места» Брешковская писала: «...наш народ твердо решил оставить за собой право... на переход всей земли от частной собственности в общественную. Он не расстанется с этим правом ни при каких условиях, и если возникнут попытки контрреволюции, то это

---

[1] Ленин В.И. Письмо к товарищам большевикам\ПСС. 1962. Т. 34. С. 387.

[2] «Дело народа». 9 апреля 1917. №20.

[3] Там же. 30 апреля 1917. №37.

[4] Политические деятели России: биографический словарь. М. 1995. С. 210.

[5] Брешко-Брешковская Е.К. 1917 год \ Новый журнал. Кн. 38. 1954. С. 198.

приведет только к кровопролитию, нисколько не обеспечивая торжества врагам народа».

Уже в октябре Брешковская была избрана во Временный Совет Российской Республики,[1] в котором присутствовали делегаты от всех политических партий и объединений, кроме большевиков и кооператоров. Как всегда в качестве старейшего члена она открыла заседание Совета, в который раз посвятив свое выступление необходимости скорейшей передачи земли крестьянству: «...всякое правительство, не обращающее внимание на нужды страны, ведет страну к гибели». Брешковская обратила внимание на то, что спокойные в начале 1917 года крестьяне уже усомнились в «возможности перехода земли в общенародное достояние. ...Теперешние страшные беспорядки и анархические явления вызываются.... требованием и правом крестьян на землю».[2]

Но передача земли крестьянству была отложена до Учредительного Собрания, а во второй половине ноября в левоэсеровской прессе стали появляться материалы, разоблачающие сотрудничество Брешковской с американцами. Авторы компрометирующих статей утверждали, что 2 миллиона 10 000 рублей, полученные Брешковской от американцев и представителей российской буржуазии, почти сразу после ее прибытия из ссылки, были выданы ей при условии лоббирования правыми эсерами отсрочки решения земельного вопроса до созыва Учредительного Собрания. В опубликованном в газете «Известия» от 25 ноября ответе на выдвинутые в ее адрес обвинения, Брешковская оправдывала себя тем, что полученные деньги тратила только на издание просветительской литературы для русского народа, чем фактически публично подтвердила факт принятия денег.[3] Неизвестно, насколько соответствует

---

[1] Дело народа. № 175. 8 октября

[2] Политические деятели России: биографический словарь. М. 1995. С. 98.

[3] Комин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1965. С.569; Голинков Д.А. Крах вражеского подполья. М. 1971. С. 46.

действительности время получения денег, но несомненное наличие подобной сделки показывает двуличие и коньюктурность Брешковской в самых принципиальных вопросах. Соображения о моральной стороне подобной материальной ангажированности никогда не волновали Брешковскую, на протяжении всей деятельности руководствовавшуюся принципом «деньги не пахнут». Цена же уступок Временного правительства и самой Брешковской буржуазии оказалась чересчур велика - отсрочка решения земельного вопроса стала одной из главных причин падения популярности правительства и ПСР и приготовила почву для захвата власти большевиками. Решительность, сплоченность и последовательность большевиков постепенно вызывала все большее доверие у народа, уставшего от аморфности и бездействия Временного правительства.

Понимая всю опасность деятельности РСДРП для государственной власти, Брешковская неоднократно излагала Керенскому собственные взгляды на решение проблемы нарастающей популярности политических соперников. «Грешным делом, и я требовала от него решительных мер, ...сколько раз говорила: «Возьми Ленина»! А он не хотел. Все хотел по закону. Разве это было возможно тогда? И разве можно так управлять людьми? ...Посадить бы их на баржи с пробками, вывезти в море и пробки и открыть. Иначе ничего не сделаешь. Это как звери дикие, как змеи – их можно и должно уничтожить. Страшное это дело, но необходимое и неизбежное».[1] Об уговорах Брешковской утопить Ленина и всю большевистскую верхушку на барже, ссылаясь на рассказы Керенского, пишет в своих воспоминаниях и князь Щербатов.[2]

Брешковская безуспешно пыталась повлиять в вопросе запрета РСДРП на Керенского, так как считала, что «...не было у него совсем близкого человека, который всегда сказал бы откровенно то, что считал

[1] Брешко-Брешковская Е.К. 1917 год \ Новый журнал. Кн. 38. 1954. С. 204.

[2] Щербатов А.П. (кн.) Молитва за Россию / Аргументы и факты. 26 октября 2004. № 44. С.22.

бы нужным, необходимым».[1] Знакомство Брешковской с Керенским произошло еще в 1912 году, когда тот путешествовал по Сибири во главе думской оппозиции, расследовавшей обстоятельства Ленского расстрела. Оба сразу прониклись друг к другу глубокой симпатией, и по приезде в Петербург Керенский опубликовал ряд статей, в которых описывались тяжелые условия содержания старой и больной революционерки.[2]

Весь 1917 год вплоть до Октябрьского переворота Брешковская активно поддерживала Временное правительство, и особенно защищала Керенского – «гражданина, своим решительным и мужественным словом и образом действий спасшего Россию в революционные дни февральского переворота».[3] Считая своей прямой обязанностью оградить Керенского от негативного влияния извне, Брешковская пыталась давать ему советы, касающиеся большинства государственных вопросов, и прилагала особенные усилия, чтобы открыть Керенскому глаза на истинные цели других его советчиков: «...Я была старый человек, на моих глазах формировалась партия, я знала всех ее центральных членов наизусть, я знала их характеры, способности и цели. А он, А.Ф. Керенский, не искушенный партийной жизнью, мог ли он худо думать о них?»[4]

При очередных выборах в ЦК группа центра предложила избрать Брешковскую вне списков «как человека, стоящего для нас всех на «совершенно исключительной высоте...» почетным членом ЦК, что было принято без голосования.[5] Но 21 июня в газете «Воля народа» было напечатано письмо Брешковской, в котором она публично отказалась от членства в центральном комитете партии, в работе которого до этого момента принимала участие в течение многих лет. Брешковская объяснила свой отказ тем, что III Всероссийский съезд партии не удостоил

---

[1] Брешко-Брешковская Е.К. 1917 год \ Новый журнал. Кн. 38. 1954. С. 201.

[2] Керенский А.Ф.Россия на историческом повороте / Вопросы истории. 1990. № 10. С.45.

[3] Политические партии России. Конец XIX-пер. треть XX вв. М. 1996. С. 211.

[4] Брешко-Брешковская Е.К. 1917 год \ Новый журнал. Кн. 38. 1954. С. 204.

[5] Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. III. М.1996. С. 669.

доверием «достойнейшего из достойных граждан земли Русской – Александра Федоровича Керенского – гражданина, много лет открыто защищавшего интересы всего трудового крестьянства». Она особо отмечает решительность и мужественность Керенского, в революционные дни взявшего на себя пост военного и морского министра «в момент полного разложения армии». В конце письма Брешковская просит все партийные газеты перепечатать ее заявление. 22 июня уже в газете «Дело народа» опубликовано заявление ЦК, отвечающее на письмо Е.К. Брешковской; в письме указывались заблуждения товарища Брешковской, и отмечалось, что «членство в ЦК никогда не расценивалось членами партии в качестве почетного отличия, так как избрание в руководство является, прежде всего, тяжелой работой».

Для участников же съезда, как они написали, было очевидно, что «товарищ А.Ф. Керенский всецело поглощен ответственной работой во Временном правительстве, и не может уделять сил и для Центрального Комитета партии». В заключении было сказано, «что, при всем глубоком уважении к товарищу Е.К. Брешко-Брешковской, Центральный Комитет крайне сожалеет, что Бабушка своим выступлением в печати пытается подорвать авторитет III съезда партии и ЦК». Узнав об окончательном отказе съезда избрать Керенского в ЦК, она решительно заявила о своем выходе из состава Комитета.[1]

Несмотря на любые обстоятельства, Брешковская испытывала по отношению к Керенскому неизменное уважение и любовь; в посвященной ему статье «Свободный гражданин земли русской» она обвиняет общество в том, что Керенский «не был понят».[2] По убеждению Брешковской, он был глубоко порядочным человеком, далеко опередившим свое время. «Виселицы ...были у всех на устах, но Керенский уничтожил смертную

---

[1] «Дело народа». 22 июня 1917; Брешко-Брешковская Е.К. 1917 год \ Новый журнал. Кн. 38. 1954. С. 202.

[2] РГАСПИ. Ф.274. Д. 25. Л.2.

казнь, по глубокому убеждению ее вредности, ее развращающего действия... Ему говорили – «ваш главный недостаток – это отсутствие в вас властолюбия!! Они были правы – властолюбия не было, ибо выше его Керенский ставил долг чести и совести. И он так был силен сознанием исполненного долга, что никогда не отвечал на клевету...[1] Его свободная душа не терпела насилия над кем бы оно не совершалось».[2] Подводя итог роли, сыгранной Керенским в событиях 1917 года, Брешковская пишет: «Редкий человек выстрадал столько неправды и от своих, и от чужих, но это не мешает ему оставаться бескорыстным и великодушным».[3]

§3. Углубление идеологических разногласий в партии социалистов-революционеров и Октябрьская революция.

26 июля состоялось заседание Исполнительного Комитета, на котором специально созванная Комиссия представила к утверждению список кандидатур, рекомендованных ею в Учредительное Собрание. Брешковская присутствовала в числе рекомендованных кандидатур и прошла через голосование закрытой баллотировкой.[4] Как и многие эсеровские лидеры, Брешковская предпочла баллотироваться от аграрных избирательных округов, имеющих давние традиции крестьянского движения; в Учредительное Собрание она выдвигалась как кандидат от Черниговского избирательного округа.

Во время предвыборной кампании в Учредительное Собрание, партия социалистов-революционеров имела достаточно выигрышные позиции по сравнению с соперничающими партиями, так как обладала мощной партийной прессой, обширной сетью местных комитетов и

---

[1] РГАСПИ. Ф.274. Д. 31. Л.6.

[2] Там же. Л.2.

[3] РГАСПИ. Ф.274. Д. 31. Л.5.

[4] «Дело народа». 28 июля 1917. № 112.

организаций, наконец, при помощи Брешковской, партия получила солидную финансовую помощь на проведение своей избирательной кампании от Американского Красного Креста. В предвыборной программе ЦК партии, которая была опубликована 26 октября, содержались обещания борьбы за скорейшее прекращение войны путем демократического мира, без аннексий и контрибуций; создание «Свободного союза свободных народов России», управляемого всенародными выборными представителями, то есть фактически за федеративную демократическую республику, проведение социализации земли (запрет скупки и продажи земли), развитие местного самоуправления, рабочий контроль над правительством и ограничение рабочего дня, развитие местного самоуправления.[1]

В биографиях депутатов-эсеров упор делался на их мученичестве за народ: аресты, ссылки, каторгу; Брешковская, которая была одним из знамен агитации в Учредительное Собрание, во время предвыборной кампании объездила полстраны. Она призывала народ отнестись к выбору депутатов со всей серьезностью и отдавать предпочтение людям, выдержавшим проверку временем, советовала избирателям давать своим депутатам наказы.[2] Основными требованиями предвыборной программы, по мнению Брешковской, должны были стать установление демократической республики, социализация земли, равноправие всех национальностей, принятие закона об обязательном всеобщем образовании и восьмичасовом рабочем дне, то есть в основных вопросах практически совпадали с программой ЦК партии.

С деятельностью Брешковской во время избирательной кампании связан очень интересный и показательный эпизод. В конце лета она выступала в курской деревне, агитируя крестьян на выборах в Учредительное Собрание голосовать за эсеров, и собравшиеся крестьяне

---

[1] Протасов Л.Г. Всероссийское учредительное собрание: история рождения и гибели. М. 1996. С. 170.

[2] «Дело народа». 8 апреля 1917. №19.

благосклонно слушали ее. Но вдруг выступил большевик: «Что такое Учредительное Собрание? Слова или вот этот лист, который разорву и брошу. Только и видели. А ты вот возьми своими руками (и он загреб руками в воздухе), тогда твое будет, тогда – не выпустишь. Так-то надежнее». Крестьяне живо откликнулись на выступление большевика: «А и вправду, своими руками возьмешь – вернее будет».[1]

Разочарование во Временном правительстве и партиях, связанных с властью, было общим настроением этих месяцев; аристократка Т.А. Аксакова в воспоминаниях «Дочь генеалога» пишет: «С весны стало ясно, что князь Львов не справляется с ролью главы Временного правительства, демагогия Керенского противна, «выступления» «бабушки русской революции» - Брешко-Брешковской – смешны».[2] Интересную, хотя во многом предвзятую и злую оценку деятельности Брешковской в 1917 году и отношения к ней в народе дал в своих дневниках великий русский писатель Иван Бунин, вообще резко отрицательно встретивший революцию. В одном из эпизодов он описывает услышанный им на завалинке разговор мужиков, рассуждающих о политике, и в частности, о «бабушке русской революции» Брешковской. Хозяин избы, по словам Бунина, так отзывался о ней: «Я про эту бабку давно слышу. Прозорливица, это правильно. За пять десятков лет, говорят, все эти дела предсказала. Ну, только избавь Бог, до чего страшна: толстая, сердитая, глазки маленькие, пронзительные, я ее портрет в фельетоне видел. Сорок два года на цепи держали, а уморить не могли, ни днем, ни ночью не отходили, а не устерегли: в восторге и ухитрилась миллион нажить! Теперь народ под свою власть скупает, землю сулит, на войну обещает не брать. А мне какая корысть под нее идти?» [3]

---

[1] Спирин Л.М. Россия. 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М. 1987. С. 122.

[2] Аксакова Г.А. Дочь генеалога\Минувшее. № 4. 1996. С. 7.

[3] Бунин И. Окаянные дни. М. 1992. С. 45.

Также негативная оценка деятельности Брешковской содержится в дневниках журналиста В.А. Амфитеатрова-Кадашева, который с возмущением вспоминает о том, как во время погромов крестьянами помещичьих усадеб: «старая дура бабушка Брешко-Брешковская наивно говорила: «Не понимаю, почему все так возмущаются разгромами. Ведь помещиков же предупреждали, чтоб они уезжали из усадеб».[1]

Все эти любопытные и крайне эмоциональные оценки не совсем соответствуют действительности - Брешковская призывала к непримиримости лишь по отношению к большевикам, первыми начавшими проповедовать подобные методы.[2] К бывшим представителям власти она была настроена достаточно либерально, что подтверждает и отрывок из воспоминаний эсера В.С. Панкратова, бывшего в 1917 году комиссаром Временного правительства при царской семье. Он приводит фрагмент из разговора, состоявшегося между ним и Брешковской вскоре после его назначения на эту должность. Панкратов внутренне противился новой работе, но перед отъездом получил от уговорившей его принять назначение Брешковской такое напутствие: «Помни, что он человек, и ты – человек тоже».[3]

Выступая перед матросами Кронштадта, Брешковская «говорила укоризненно о насилиях, совершенных матросами», приводя им в пример поведение революционеров-каторжан, которые, освобождаясь из тюрем в 1917 году, не только не собирались мстить тюремщикам, но и прощались с «более человечными надзирателями». Брешковская обратилась к аудитории с вопросом: «как, по-вашему, было бы разумно задерживаться в Сибири, чтобы расправиться с теми, кто нас мучил, вместо того, чтобы спешить домой делить с народом трудности новых условий?», и после

---

[1] Амфитеатров-Кадашев В.А. Страницы из дневника\Минувшее. № 20. М.-Спб. 1996. С. 488.

[2] Брешко-Брешковская Е.К. 1917 год \ Новый журнал. Кн. 38. 1954. С. 199.

[3] Панкратов В.С. Воспоминания \ Архив новейшей истории России. Публикации. Т. Ш. 2001. С. 222.

долгого молчания получила лишь от некоторых матросов ответ: «Неразумно».[1]

Общество устало от речей, не сопровождаемых сдвигами в реальной жизни; но для Брешковской, не обладавшей никакой реальной властью, выступления были единственным легальным способом воздействия на ситуацию. На Государственном Совещании, прошедшем 12–15 августа в Большом театре в Москве, она была делегатом от Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов. Совещание проходило на фоне растущей напряженности; Театральная площадь была заполнена трамваями - в это время в Москве шла забастовка вагоновожатых. В зале Совещания присутствовали представители всех социальных слоев российского общества и разных политических течений. Князь Петр Долгоруков, с грустью отмечая, что заранее «чувствовалось вся безнадежность этой последней попытки найти национальное единение перед грядущей опасностью», - так вспоминал выступление Брешковской. Уже перед концом заседания Керенский представил следующих ораторов словами: «Теперь будет говорить история», и на трибуну поднялись князь Кропоткин, Плеханов и Брешковская.

«Все они произвели внушительное и трогательное впечатление своей искренностью и страстными призывами к единению, к уступчивости, к мирному сотрудничеству». Плеханов привел пример из ирландской сказки о двух кошках, дравшихся до тех пор, пока от них не остались одни хвосты. Брешковская, вышедшая, как всегда, в полумонашеской одежде, призывала отбросить на время все партийные споры и объединиться вокруг главной цели – сохранения единой свободной России. Она говорила, что народ выдержал испытание революцией, и теперь остается осуществить всеобщее единение, ибо «все в единении признают, что Родина у нас есть и что Родина эта достойна того, чтобы ее защищали». К единению были призваны и интеллигенция,

[1] Брешко-Брешковская Е.К. 1917 год \ Новый журнал. Кн. 38. 1954. С. 199.

и капиталисты, причем последние, по мнению Брешковской, должны быть поставлены под самый строгий контроль со стороны правительства, ибо «на их душе громадный грех».

Выступление Брешковской на Государственном Совещании вызвало оглушительные аплодисменты практически всего зала, но никаких конкретных шагов к реальному воссоединению общества так и не было предпринято.[1]

Назревший со временем вопрос о коалиции стал очередной причиной расхождений Брешковской с партийным большинством. 23 сентября на Демократическом Совещании во время обсуждения вопроса о коалиционном правительстве Брешковская выступила после Церетели, и также как он, произнесла речь в поддержку коалиции, в которой правые эсеры видели необходимое условие мирного доведения страны до Учредительного Собрания. В качестве одного из главных аргументов в защиту коалиции Брешковская привела тот факт, что на основе коалиции по всей России давно и успешно действуют многочисленные земства, комитеты и крестьянские сходки.[2]

Программные установки правого крыла ПСР и Трудовой Народно-социалистической партии во-многом перекликались, поэтому представители партии «трудовиков» горячо приветствовали приезд выдающейся революционерки в Россию,[3] а лидер народных социалистов А.В. Пешехонов неоднократно помогал Брешковской в ее издательской деятельности.[4] Энесы планировали скооперироваться с лидерами правых эсеров и не раз высказывали сожаление по поводу того, что

---

[1] Долгоруков П. (кн.) Три встречи / Современные записки. № 56. Париж. 1934. С. 399.

[2] Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. III. М. 1996. С. 800.

[3] Трудовая народно-социалистическая партия. Документы и материалы. М. 2003. С. 213.

[4] Протасова. О. Л. Пешехонов А.В. Человек и эпоха. С. 106; Брешко-Брешковская Е.К. 1917 год \ Новый журнал. Кн. 38. 1954. С. 196.

«воленародцы» так и не решились окончательно отделиться от партии.[1] Брешковская даже предпочитала видеть на посту министра земледелия лидера энесов вместо В.М. Чернова, по отношению к которому она не испытывала особых симпатий. Последний не раз препятствовал реализации ее планов аграрного террора, считая главным методом борьбы в деревне революционную пропаганду. В 1917 году пути двух лидеров партии вновь разошлись - Чернов, которого Брешковская неоднократно обвиняла в нерешительности, занял центристскую позицию и категорически выступил против союза с буржуазией – Брешковская же входила в группу, неофициально названную «нечерновцами». Но Пешехонов в отличие от эсеров выступал за полную национализацию земли, и расхождения в планах реализации земельной программы не позволили более серьезно говорить о воплощении в жизнь намерений Брешковской.[2]

Она горячо отстаивала идею сотрудничества и с буржуазными партиями, так как в консолидации всех демократических сил видела практически единственное средство избежать диктатуры одной партии и с наименьшими потерями довести страну до Учредительного Собрания. Тяга к созданию коалиции, во многом предопределившая поражение социалистов-революционеров, определялась, прежде всего, морально-политическими основами мировоззрения Брешковской. Она не считала возможным отказываться от сотрудничества с тем меньшинством общества, которое считала демократическим, хотя такая линия со временем поставила под угрозу завоевания революции. Обратной стороной подобной терпимости стало доходящее до заигрывания соглашательство с буржуазией, логично приведшее правых эсеров к потере доверия большинства народных масс. Лояльное отношение к

---

[1] Гинев В.Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 году. (К истории банкротства неонародничества) М. 1977. С. 76.

[2] Протасова О.Л. А.В. Пешехонов. Человек и эпоха. М. 2004. С. 106.

представителям всех социальных слоев, включая и наиболее имущие, лишь сослужило Брешковской дурную службу и быстро были использовано против нее большевиками.

На протяжении всего 1917 года Ленин довольно часто упоминает Брешковскую в своих письменных выпадах против Временного правительства и партий, сотрудничавших в нем. «Капиталисты с помещиками, при благосклонном участии гг. Плехановых, Брешковских, Церетели, Черновых и К. сделали все, чтобы испоганить демократическую республику, испоганить ее услужением перед богатством до того, что народом овладевает апатия, равнодушие, ему все равно, ибо ...солдат, гибнущий за чужие интересы, не в состоянии полюбить республики», в то время как «...пролетарская власть не раболепствует перед богатством, а помогает бедноте, что эта власть не остановится перед революционными мерами».[1]

К многочисленным обвинениям, выдвинутым в адрес Брешковской, в июле добавились новые, - информация о поддержке ею Корнилова и Савинкова окончательно компрометировала старейшую революционерку среди представителей социалистического лагеря и простых избирателей. После июльских событий, и особенно после неудачной попытки захвата власти Корниловым, в обществе стали расти слухи о связи последнего с правыми эсерами. Для большинства обывателей имена Брешковской, Савинкова и Керенского не просто ассоциировались с ПСР, но и были визитной карточкой ПСР. Таким образом, пострадавшими от обвинений в сговоре с Корниловым оказались все представители партии, включая центристов и левых. Отношения правых с остальными членами партии были испорчены полностью - противоречия между разными крылами одной партии достигли того апогея, когда необходимость разрешения итак донельзя запутанной ситуации невозможно было откладывать. Брешковская, действительно, была одним из немногих партийных

[1] Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть?\ПСС. Т. 34. М. 1962. С. 329

деятелей, открыто поддержавших Савинкова после событий, связанных с корниловским мятежом. ЦК потребовал от него публичных объяснений по поводу связи с Корниловым, но Савинков отказался оправдываться, на что повлияла и поддержка Организационного Совета Петроградской группы с.-р. оборонцев во главе с Брешковской.

В октябре в газете «Дело народа» вышла статья В.М. Чернова «Как это происходило», обнародующая доселе неизвестные общественности факты и слухи, которые разоблачали роль Брешковской в подготовке корниловского переворота. Он рассказал о некоей попавшей ему в руки записке Савинкова, в которой места будущего кабинета министров уже были распределены между Б.В. Савинковым, Е.К. Брешковской, Г.В. Плехановым, видными деятелями кадетской партии и некоторыми другими лицами; для представителей же эсеровского центра - самого Чернова, Авксентьва и Скобелева мест в будущем правительстве не нашлось. Чернов к месту припоминает и отказ Савинкова от ранее предложенного ему министерского портфеля в случае, если министром земледелия останется «циммервальдист» Чернов.[1] На страницах «Дела народа» он еще не раз попрекнет Брешковскую за связь с Савинковым; 13 октября в другой черновской статье содержится целая череда выпадов в ее сторону; он называет ее «почтенной протестанткой...деланно наивной политической институткой из Организационного Совета... ...что смотрит на Савинкова как на своего будущего политического лидера».[2]

В мемуарах, посвященных 1917 году, Брешковская, действительно, дает Корнилову положительную оценку, при этом замалчивая собственную роль в подготовке заговора – скорее всего, тяготеющая к авторитарной власти Брешковская видела в генерале Корнилове сильную руку, способную остановить нарастающую анархию «И немудрено, что честный, любящий свою родину генерал Корнилов сделался центром

[1] «Дело народа». 8 октября 1917. №175.

[2] Там же. 13 октября. №179.

хитросплетений, куда вплетались со своими нитями и генералы, и полковники, мечтавшие о военной диктатуре и о реставрации монархии, и политические авантюристы, искавшие видных положений и популярности среди сбитых с толку масс, и просто интриганы, всегда готовые к услугам властей...»[1]

Отношения между правым и левым крылом, что естественно, все более накалялись; 10 сентября, на VI Петроградской конференции партии социалистов-революционеров левыми был поставлен вопрос об исключении из партийных рядов некоторых лидеров, придерживающихся правых взглядов. Это предложение вызвало бурную полемику, но, закрывая конференцию, В.М. Чернов, испытывавший личную неприязнь к лидерам правого крыла и прекрасно понимавший, что фактически раскол ПСР уже состоялся, все-таки возразил против их исключения из партии.

«Когда я выступал с критикой личной политики А.Ф. Керенского, то это вызвало целую бурю в печати. Неужели вы думаете, что отсечение от партии «Бабушки», А.Ф. Керенского и Н.Д. Авксентьева – безболезненная операция? Я не намерен ломом разламывать то здание, которое мы – кучка людей – строили по камням. Я заклинаю вас именем человека, много повидавшего на своем веку не идти по пути раскола».[2]

Через несколько дней, 15 сентября, по редакциям всем петроградских газет были разослано воззвание, подписанное «старыми работниками партии» социалистов-революционеров, среди которых была и Брешковская. Авторы обращения, таким образом, дали оценку позиции ЦК партии: «...приветствуют ли они вместе с Лениным раскол России на мелкие государства-осколки с призрачной независимостью от достигшей всей полноты Германии; думают ли они и без того вредное двоевластие превратить в троевластие, взгромоздив над Советами Р. и С.Д. еще и Сверхсовет, ни в коем случае не выражающий воли всей России».

---

[1] Брешко-Брешковская Е.К. 1917 год\Новый журнал. Кн. 38. 1954. С. 203.

[2] Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. III. М. 1996. С. 754.

Единомышленникам, разделяющим взгляды правых, предлагалось вступить с ними «в непосредственное сношение».[1]

В статье «О героях подлога и об ошибках большевиков», вышедшей в газете «Рабочий путь» в сентябре 1917 года, Ленин моментально отозвался на раскол в лагере противника, объяснив, что произошедшее стало возможным лишь вследствие измены «вождей интересам большинства населения. Вожди опираются на меньшинство вопреки основам демократизма». Особенно досталось от Ленина Брешковской, которую он окрестил «г-жой Плехановой» среди эсеров, или г-жой Потресовой в эсеровском «дне». Подводя итоги, Ленин определил правое крыло «так называемой «социалистической» партии, как ничем серьезным не отличающееся от кадетов. ...эсеры могут продолжать игру в соглашения с кадетами, с Брешковской и Керенским, (чем они лучше кадетов?) и так далее».[2]

За пять недель до Октябрьского переворота, 14-15 сентября, все партийные газеты перепечатали из «Воли Народа» манифест-воззвание, подписанный Организационным Советом петроградской группы с.р. во главе с ее почетным председателем Брешковской. Воззвание требовало от ЦК партии «навсегда порвать с циммервальдизмом, пораженчеством и большевизмом, которые ведут партию к расколу, армию – к развалу».[3] Буквально на следующий день, 16 сентября, ЦК со страниц центральной партийной прессы в очередной раз потребовал от Совета, прежде всего в лице Брешковской и Майнова, немедленно предоставить публичное объяснение задач, которые данная, сформированная внутри ПСР организация ставит перед собой. В требовании опять ничего не говорилось об отделении от партии. В качестве объяснения «Организационный Совет» опубликовал заявление, декларировавшее

---

[1] «Дело народа». 16 сентября. №156.

[2] Ленин В.И. Русская революция и гражданская война\ПСС. 1962. Т. 34. С. 250.

[3] Политические партии России. Конец XIX-перв. треть XX вв. М. 1996. С. 69.

неразрывную связь правых эсеров со всей партией: «Мы не можем стоять вне партии, так как связаны с ней всем своим прошлым, и знамя наших погибших товарищей, - наше знамя, с которым мы никогда не расстанемся».[1]

Известная поэтесса З.Н. Гиппиус в эти дни писала Брешковской: «Позвольте сказать вам спасибо за ваше письмо в «Волю народа». Спасибо за правду, которую вы имеете мужество сказать... В эти страшные для России дни – что стало с партией?»[2]

Тем временем Брешковская продолжала принимать участие во всевозможных мероприятиях, призванных служить объединению разрозненных политических сил страны: например, на Демократическом Совещании она была избрана в члены Демократического Совета;[3] в заседаниях Сеньорен-Конвента тоже приняла активное участие[4] - но все эти акции были уже совершенно бессмысленны. Раскол, как в партии эсеров, так и во всем обществе лишь углублялся, и когда 25 октября, воспользовавшись ситуацией, большевики захватили власть, - Брешковская вновь, как при царском режиме, стала объектом преследований и вынуждена была перейти на нелегальное положение.

Несмотря на изменившуюся политическую ситуацию, расстояние между правыми и левыми эсерами продолжало увеличиваться. Левые считали стариков, заседающих в ЦК и придерживающихся более консервативных взглядов, отжившей силой, искусственно тормозившей всю партию, и полагали, что их необходимо как можно скорее сбросить с колеса истории. На I съезде партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов), проходившем с 19 по 28 ноября в Петрограде, в первый же день его работы против диктата правых эсеров выступил будущий функционер ВЧК-ГПУ-НКВД, а в то время делегат от левых

---

[1] «Дело народа». 17 сентября 1917. №157.

[2] ГАРФ. Ф. 5975. Оп. 1. Д. 275. Л. 1.

[3] «Дело народа». 24 сентября 1917.

[4] Там же. 23 сентября 1917. № 162.

эсеров Харьковской губернии Н.Н. Алексеев. Он рассказал, каким образом произошел раскол в Харьковской организации: во время одной из предвыборных кампаний оборонческое крыло в количестве ста человек отделилось и выставило отдельный список, возглавляемый Брешковской, в то время как список, состоящий из левых эсеров, содержал подавляющее большинство членов партии – около трех тысяч человек. Алексеев отметил, что «этим самым мы избавились от той нелепицы, что произошла тут, когда в одном списке выставлены Чернов и Гоц и левые эсеры».[1] Критикуя отставших от современных реалий правых эсеров, Алексеев сказал: «ЦК своей тактикой – сиденьем на двух стульях – остался совсем без членов», и привел пример из работы губернского съезда, когда за резолюцию правого крыла было подано всего лишь 7 голосов, а за резолюцию левых – голосовали все остальные участники съезда.[2]

На четвертом съезде партии социалистов-революционеров, проходившем с 26 ноября по 5 декабря 1917 года, во время вечернего заседания 28 ноября с резкой критикой Брешковской выступил представитель крайне левых из Воронежа М.Л. Коган-Бернштейн. Он предложил исключить Брешковскую из рядов партии, обвинив ее в разжигании сепаратизма среди эсеров. Сам Коган–Бернштейн, еще на III съезде выступавший от лица левого центра, уже на IV стал ярым сторонником крайнего левого крыла. По его мнению, партия, которая уже сейчас терпит политическое крушение, окончательно прекратит свое существование, если коренным образом не изменит тактику.

«У нас все еще слишком много реликвий. Я не отказываю им в личном уважении, я с глубоким уважением отношусь к ряду ярких и красивых имен в нашей партии, но, тем не менее, должен спросить ЦК, почему до сих пор не исключена из партии Е.К. Брешковская?»

---

[1] Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т.I. М. 2000. С. 68.

[2] Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т.I. М. 2000. С. 69.

По словам Коган-Бернштейна, сепаратисты справа и слева «мерятся разной мерой в силу того, что среди первых много известных, определяющих для партии фигур. Если мы партия политического разума, а не политических сантиментов и реликвий, то мы должны, наконец, на это решиться».

Во имя сохранения Учредительного Собрания он предложил немедленно создать коалицию, включающую в себя все социалистические партии от энесов до большевиков, в рамках которой эсеровская партия, чтобы не остаться в хвосте политического процесса, должна проводить решительную левую политику. Если этого не произойдет, партия, по мнению Коган-Бернштейна, потеряет большую часть сторонников, так как «за нас часто голосуют по старой памяти, ибо мы имеем много красивых лозунгов. На крестьянских съездах мы видим теперь не только левых социалистов-революционеров, но и большевиков. Может быть, политический разум масс и невелик – я не говорю, что за ними надо идти петушком, петушком, - но я говорю: лучше проявить политическое предвидение, чем плестись в хвосте».[1]

Сам Коган-Бернштейн, активно выступавший против вооруженной борьбы с большевиками, в июне 1918 года был лишен мандата депутата Учредительного собрания и вынужден был переехать на территорию Комуча, где продолжал критиковать представителей правого крыла. Находясь в Уфе, он покинул проходившее там Государственное Совещание, члены которого выступали за свержение советской власти и аннулирование Брестского мира, и принял решение вернуться в Советскую Россию. При переходе фронта недалеко от Сызрани Коган-Бернштейн был задержан большевиками и расстрелян.[2]

29 ноября, во время доклада комиссии, Брешковская сама пришла на съезд для того, чтобы лично ответить оппонентам. Слово ей было

---

[1] Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т.I. М. 2000. С. 68.

[2] Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. II. М. 1996. С. 94.

предоставлено вне очереди, и одной из первых фраз, сказанных ею с трибуны, стало пожелание самой себе «долго еще быть с партией, потому что я присутствовала при рождении партии и ни на минуту не отходила от партии». Брешковская заявила, что глубоко сожалеет о том, что после Февральской революции партия слишком разрослась за счет чуждых людей, в то время как раньше к вступлению в ряды социалистов-революционеров относились очень осторожно. По ее мнению, моральное дискредитирование ПСР недопустимо, поскольку партия с такими старыми традициями, не должна, подобно РСДРП, гнаться за количеством своих членов в ущерб этической стороне дела.

«Пусть наша партия не будет состоять из сотен тысяч, а только из сотен, но пусть эти сотни останутся верны заветам Родины и человечества», - сказала Брешковская,[1] в заключение пояснив, что ее отсутствие во внутрипартийных делах было связано с тем специальным заданием, которое она на себя взяла – выпуском и распространением эсеровской литературы.[2] Председатель съезда Осип Минор довел до сведения собравшихся сообщение о поступившем предложении избрать Брешковскую почетным председателем съезда. Часть собрания встретила это предложение аплодисментами, после чего Минор объявил 15-минутный перерыв. Но когда заседание возобновилось, стало известно, что Брешковская решила отказаться от председательства, мотивируя свое решение нежеланием вновь послужить причиной раздора внутри ПСР. Подчеркнув то, что она никогда не искала почестей, а лишь выступала за единство родной партии, Брешковская через несколько минут уехала.[3] Закрывал съезд Чернов, по большому счету присоединившийся к мнению Коган-Бернштейна и объяснивший личную беспомощность в борьбе с партийными междоусобицами тем, что расчет, сделанный правыми при

---

[1] Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. II. М. 1996. С. 94.

[2] «Дело народа». 1 декабря 1917. № 221.

[3] Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т.I. М. 2000. С. 94.

ставке на личности оказался верным, - «...вред, в том, что выдвижение в качестве ширмы фигур заслуженных политических работников и ставили в затруднительное положение партию. У правых была ставка на Керенского, и на Бабушку», которые в 1917 году являлись самыми известными членами ПСР.[1] В столь ответственный момент, накануне Учредительного Собрания, члены ЦК партии не могли раскидываться такими именами и открыто идти на полный раскол. Чернов обвинил лидеров правого крыла в постоянном стремлении «поссорить Керенского с ЦК и партией», заметив, что эти попытки, прежде всего, повредили репутации самих «воленародцев». «Большой вопрос: отсутствие поддержки ЦК погубило Керенского или стремление правых поссорить его с партией?»[2]

Обострившиеся междоусобицы значительно ослабили партию социалистов-революционеров. Необходимо признать, что сама Брешковская немало сделала для создания данной ситуации: многократно и публично высказывая противодействие официальной линии, проводимой ЦК, она пошла на раскол партии - при этом в публичных выступлениях всячески отрицая свою ответственность за происходящее и подчеркивая, что она ищет только примирения и объединения.

Конфликт между культовыми фигурами партии и ее официальным руководством в значительной степени повлиял на процесс дискредитации ПСР в обществе. Чернов рассматривал вопрос об исключении Брешковской – основателя партии из ее рядов, но окончательный раскол был отдален из-за предстоявших выборов в Учредительное Собрание.

Брешковская не могла покинуть свое детище в столь ответственный момент русской истории, но и не пошла на компромисс в вопросах, противоречащим ее основополагающим принципам. Будучи одним из создателей и лидеров ПСР, она невольно выступила в качестве одного из

---

[1] «Дело народа». 7 ноября 1917. №226.

[2] Там же. 3 декабря 1917 . № 223.

главных разрушителей партии. Твердая позиция по вопросам, касающимся продолжения войны и коалиции, скомпрометировала Брешковскую в глазах многих революционеров - к середине 1917 года она воспринималась новым поколением эсеров как неотделимый от правительства Керенского символ консервативности, чья фигура вызывала в обществе ассоциации скорее с правыми буржуазными партиями, чем с социалистами.

Необходимо отметить, что ПСР была специально создана и предназначена для борьбы с самодержавием, и эта общая цель была основным скрепляющим материалом огромной партии. Постоянные призывы Брешковской к единству, порядку и организованности, остались неуслышанными ее соратниками по партии, во-многом, из-за присущей эсерам демократичности, так как одной из важнейших особенностей ПСР было отсутствие идеологической платформы, обязательной для всех революционеров, состоявших в ней. Определенный плюрализм мнений внутри партии считался вполне допустимым. Можно предположить, что именно отсутствие единой, четко оформленной и обязательной для выполнения программы и так называемой «партийной дисциплины», которой отличалась РСДРП, как известно, построенная на принципах «демократического централизма», стало одной из важнейших причин того идейного разброда и растерянности, которые постигли партию в 1917 году, когда она обладала огромной популярностью. С возникновением новой ситуации она стала разваливаться, насильственно спустить новую программу оказалось невозможно – ПСР являлась массовой партией отдельных личностей, привыкших все спорные вопросы решать собственной головой - характерно, что представители каждой из соперничающих сторон считали себя единственными продолжателями эсеровских традиций. Не имея единства ни в своих рядах, ни обладая практически никакими рычагами давления на соратников по партии, ее

лидеры не смогли скоординированно и своевременно реагировать на вызовы времени.

В стране уже кипит другая жизнь - после Октябрьской революции Брешковская еще два месяца нелегально живет в Петрограде, но в декабре 1917 года переезжает в Москву; в связи с наступлением германского фронта и общей тревожной обстановкой в северной столице политический центр был перенесен из Петербурга в Москву. По признанию А.Ф. Керенского, в Москве 1917 года было значительно легче заниматься политической деятельностью, чем в Петрограде. «Сейчас мне трудно даже поверить, что «бабушка русской революции», «злейший враг Кремля», безнаказанно приходила повидаться со мной. Однажды вечером, когда я провожал ее домой, мы даже прошли мимо дома барона фон Мирбаха». Когда Керенский поделился с Брешковской своими планами уехать на Волгу, та спокойно возразила: «Они не пустят вас!» Под словом «они» она имела в виду членов ЦК, мнение которых о Керенском не разделяла; Брешковская была хорошо осведомлена о состоянии дел в левых и центристских кругах партии и господствующих там настроениях.[1]

Поначалу большевистский террор был направлен лишь на представителей буржуазных партий, но очень скоро объектом преследований стали и члены ПСР - самой влиятельной среди социалистических немарксистских партий.[2] К этому времени были подведены итоги выборов в Учредительное Собрание – наибольшее количество голосов внутри ПСР набрали так называемые эсеры центра, правые заняли второе место, левые - третье.[3] Брешковская была избрана по эсеровскому списку № 1 от родного Черниговского избирательного округа, где, кроме нее, прошли четыре депутата большевика и девять

---

[1] Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте/Вопросы истории. 1991. № 1. С. 24.

[2] Зензинов В.М. Из жизни революционера. Париж. 1919. С. 80; «Дело народа». №226. 7 ноября 1917.

[3] «Дело народа». 3 января 1917. №246.

украинских социалистов-революционеров.[1] 21 ноября (4 декабря) ВЦИК принял разработанный В.И. Лениным декрет, дававший Советам право отзыва враждебных советской власти депутатов из Учредительного собрания. На основании этого декрета ряд Советов принял решение отозвать наиболее влиятельных эсеровских депутатов Авксентьева, Аргунова, Брешковскую, Гоца и других.[2] Брешковская, наряду с Аргуновым и Подвицким, оказалась по непонятным причинам отозванной Смоленским Советом, к которому не имела никакого отношения, поскольку выдвигалась от Черниговской губернии. Отозванные депутаты на постановление Смоленского Совета решили не обращать внимания, посчитав себя ответственными перед своими избирателями, но не перед Советами.[3]

В одном из декабрьских выпусков уже полузапрещенной газеты «Дело народа» прошло сообщение о том, что 16 декабря по всему Петрограду были расклеены объявления, подписанные именами Брешковской, Чернова, Булата и других. Эсеровские лидеры оповещали население о своих планах по досрочному открытию заседаний Учредительного Собрания. Они собирались начать работу Собрания, как только фракция ПСР соберет необходимое количество делегатов, подчеркнув, что «никакие насилия не заставят их отказаться от этого решения».[4]

Но на открытии Учредительного Собрания Брешковская отсутствовала, по-видимому, справедливо рассудив, что участие в данных заседаниях будет лишь бессмысленным риском с ее стороны, что и подтвердилось в дальнейшем. По свидетельству видного революционера и старого друга Брешковской Егора Лазарева, она заодно с Керенским

---

[1] Фракция партии с.р. Учредительного Собрания и ее деятельность \ Партийные известия. 20 января 1918 года. Пг. №5. С.35.

[2] История гражданской войны в СССР. Т. 3. М. 1957. С. 90.

[3] Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М. 1996.

[4] «Дело народа», 16 декабря 1917. №234.

решила не появляться на Учредительном Собрании и скрылась в Питере. Лазарев особо отмечает, что Брешковская как старейший член Учредительного Собрания и должна была открыть его заседания, хотя сам вспоминает эти события в связи с последовавшим за исчезновением Брешковской собственным отказом открыть Собрание, который он объясняет отсутствием голоса в тот день.[1] После трагического разгона Учредительного Собрания все противостоящие большевикам, но ранее разрозненные политические силы, наконец, решили временно объединиться. Сопротивление большевикам превратилось, по словам М. Вишняка, в «самоочевидный для всякого демократа гражданский долг».[2] Разгон Учредительного Собрания послужил и сплочению эсеров, большинство которых, исключая левых, начали расценивать Советскую власть как однозначно контрреволюционную силу. Опять же при помощи иностранцев, кадеты, поддерживаемые меньшевиками и эсерами, организовали «Комитет защиты Учредительного Собрания», в котором участвовала и Брешковская. По свидетельству Г.К. Селезнева, она получила для свержения Советской власти со стороны американцев большие партии оружия, в числе которого имелись и пулеметы.[3]

В правоэсеровском органе «Земля и Воля» Брешковская печатает цикл обличающих большевизм статей «Письма к крестьянам», на публикацию которых вскоре последовал отклик социал-демократической газеты «Знамя труда» - большевистские корреспонденты обвинили Брешковскую в обучении народа «социализму и анархизму». На это утверждение, в свою очередь, поспешила отреагировать эсеровская «Дело народа»; разногласия между различными крылами ПСР перед лицом общей опасности утихли, и эсеры центра, еще недавно выступавшие за исключение Брешковской из партии, с гневом написали, что считают

---

[1] Лазарев Е.Е. Из переписки с друзьями. Ужгород. 1935. С. 60.

[2] Вишняк М. «Современные записки». Воспоминания редактора. Спб. 1993. С. 19.

[3] Селезнев Г.К. Крах заговора. Агрессия США против Советского государства в 1917-1920 гг. М. 1963. С. 36-37.

кощунственным какое–либо полемизирование по отношению к «святой бабушке русской революции».[1]

Тем временем, большевистское наступление на оппозиционные партии продолжалось; в ночь на третье января к типографии «Воли народа» был прислан наряд красноармейцев, у дверей поставлена стража, а очередной номер правоэсеровской газеты рассыпан - с закрытием «Воли народа» Брешковская лишилась своей основной трибуны.[2] Вскоре по приказу Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией были запрещены все эсеровские издания.[3]

С каждым месяцем она все тяжелее переживала происходящее в стране, особенно поразило Брешковскую известие о заключении сепаратного мира с Германией, по ее словам, «...разбитое счастье народа, его моральное унижение, предстоящие беды – все это сжимало сердце... Чаша позора переполнилась в момент Брест-Литовского мира, все потемнело кругом, разверзлась пучина, полная гноя и смрада. Смерть казалась избавлением от беспримерного позора...»

Чувства Брешковской разделяло большинство старых революционеров, не принадлежавших к большевикам - «...страдала не я одна, все лучшие люди страдали. ...Кропоткин мне сказал: «всю ночь просидел с револьвером под рукой, потом стыдно стало, малодушием показалось».[4]

В марте 1918 года Брешковская, Авксентьев, Аргунов и другие вошли в состав руководства «Союза возрождения России», на частных началах объединившего представителей разных политических партий от левых кадетов до правых эсеров. Основными пунктами программы «Союза возрождения» были: непризнание Брестского мира и восстановление России в границах 1914 года, за исключением Польши и

---

[1] «Дело народа». 18 апреля 1918.

[2] «Дело народа». 3 января 1918.

[3] Зензинов В.М. Из жизни революционера. Париж. 1919. С. 107.

[4] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 47. Л.77.

Финляндии, и возрождение русской государственности путем созыва Учредительного собрания.[1] Но через несколько месяцев даже тайная деятельность оппозиционной партии становится невозможной и в Москве, - эсеры начинают считаться главными защитниками капиталистического строя. Как пишет В.М. Зензинов, «сыск и шпионство у большевиков были поставлены хорошо» - новые стражи порядка имели на службе сыщиков, еще при самодержавии работавших в Департаменте полиции.[2] Жизнь эсеров на территориях, занятых большевиками, была связана с серьезным риском, и особенно это касалось представителей верхушки ПСР – членам ЦК в случае ареста грозил немедленный расстрел.[3] Всем членам партии, тем более, лидерам масштаба Брешковской, приходилось строго соблюдать меры предосторожности: с оглядкой ходить по улицам и в целях безопасности всегда ночевать в разных местах. Последнее значительно осложнялось тем обстоятельством, что сдача комнат без разрешения специальной большевистской комиссии была запрещена. Тот же Зензинов пишет: «Коммунистическая полиция оказалась гораздо более свирепой, чем царские жандармы»[4] – в 1917-1918 годах многие эсеры уже находились в заключении, некоторые были расстреляны.[5]

Брешковская как противница любой диктатуры была глубоко возмущена теми «жестокостями, той свирепой вакханалией мести и издевательств над русским народом, что позволяли себе Троцкие и его братья...»[6]

---

[1] Голинков Д.А. Крах вражеского подполья. М. 1971. С. 65.

[2] Зензинов В.М. Из жизни революционера. Париж. 1919. С. 104.

[3] Зензинов В.М. Из жизни революционера. Париж. 1919. С. 101.

[4] Там же. С.105.

[5] Там же. С.103.

[6] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 47. Л. 120.

А.Ф. Керенский так напишет о ее отношении к Советской республике: «Для нее невозможна была софистика, подыскивающая оправдания злу то в наследии прошлого, то в грядущих достижениях». [1]

В мемуарах, названных «Психологический очерк», Брешковская гневно и эмоционально описала свое личное отношение к произошедшему в октябре и к событиям, последовавшим вслед за большевистским захватом власти: «...Октябрьская контрреволюция есть узурпация народной воли и свободы, есть следствие именно темноты, этого небрежения русской интеллигенцией своего родного меньшого брата. И если, негодуя на царское правительство, ...его слуг... их ненавидела, желая их истребления, как орудия народного мученичества, то насколько больше возмущалось мое сердце, кипело гневом и стыдом, смотря на то издевательство, что под прикрытием льстивых слов, нахалы, наглецы бросали в массы....»[2]

В это время Брешковская активно поддерживает связи с шефом Американского информационного бюро в Москве Артуром Булардом, знакомство с которым произошло еще во время ее первой поездки в США в 1904 году.[3] Известный журналист, в прошлом секретарь американского «Общества друзей свободы в России», он в течение многих лет поддерживал связь с Брешковской. Прекрасно знавший Россию Булард был знаком со многими лидерами политического движения; приглашение работать в русском отделе Комитета общественной информации он получил при поддержке консула М. Саммерса. Его кандидатура была одобрена лично президентом США В. Вильсоном, и как только США вступили в войну, Булард приступил к работе при американском консульстве.

---

[1] Керенский А.Ф. Брешко-Брешковская Е.К. Некролог\Современные записки.№ 54. Париж.

[2] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 47. Л. 120.

[3] Привалова Е.А. В союзе с белогвардейской прессой. Американские бюро печати в Советской России. (1917-1920-е гг.) М. 1990. С. 67.

Весной 1918 года Брешковская приготовит специально для него записку, рассказывающую о положении дел в России. В мае этого же года она обратится к американскому и французскому послам - Френсису и Нулансу с письменными призывами о немедленном наступлении союзников, чтобы «помочь России освободиться от большевистской власти».[1] В контактах Брешковской с иностранными дипломатами не было ничего удивительного для того времени; А.Ф. Керенский признает, что лидеры самых разных оппозиционных партий «регулярно встречались с различными представителями союзников России, и дипломатический ранг этих представителей зависел от того, насколько ценилась «союзниками» та или иная организация». Возможность проведения таких нелегальных встреч в центре Москвы Керенский объясняет тем, что деятельность только начавшей работу Чрезвычайной Комиссии была еще недостаточно налажена.[2]

Но большевики спешили избавиться от дипломатов, заподозренных в сотрудничестве с оппозиционерами, - слухи о возможной отставке Нуланса, замешанном еще и в связях с Сибирским правительством, ходили еще в апреле 1918 года.[3] Отзыв Нуланса был обусловлен намерением французского правительства «пойти навстречу желаниям Советской власти и изменить форму представительства», вследствие чего на посту посла должен был оказаться лояльный к большевистскому правительству Берстрад.[4] Посла США Френсиса тоже планировали заменить на симпатизировавшего советской власти подполковника Робинса.[5]

---

[1] Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России. (1917-1920) М. 1968. С. 155; «Дело народа». 26 апреля 1918.

[2] Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте / Вопросы истории. 1991. № 1 С. 29.

[3] «Дело народа». 27 апреля 1918.

[4] «Дело народа». 28 апреля 1918.

[5] Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте / Вопросы истории. 1991. № 1. С. 31.

Еще до Октябрьской революции В.И. Ленин высказывал серьезные опасения по поводу возможного сговора членов правительства с англичанами и французами о сдаче немецкой армии Петрограда. Его подозрения, связанные с планом Временного правительства переехать из Петрограда в Москву, были небезосновательны.[1] В «Письме Питерской городской конференции» Ленин предупреждает однопартийцев: «...Керенский, кадеты, Брешковская, Плеханов и тому подобные политики являются вольно и невольно орудиями в рСках англо-французского империализма, это доказала вполне полугодовая история русской революции»,[2] - но одним их серьезных препятствий, помешавшим западным политическим силам, желающим повлиять на происходящее в России, стало отсутствие единой антибольшевистской оппозиции.

Оказавшись у власти, эсеры не смогли воспользоваться предоставленным им историческим шансом. Распри внутри ПСР, неспособность к быстрым, скоординированным действиям и нерешительность эсеров показали слабость либеральной идеологии в условиях чрезвычайного положения. Партия постепенно теряла поддержку народа, уступая инициативу более сплоченным и решительным большевикам.

Призывы Брешковской к активным действиям, ее предупреждения о последствиях промедления и нерешительности не были услышаны соратниками. Е.К. Брешковская, как и другие лидеры партии, обладала собственными взглядами на развитие революционного процесса после Февральской революции, предполагавшими постепенное превращение России в демократическую республику, что не совпадало с быстро подхваченными большевиками социально-уравнительными настроениями

---

[1] Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте / Вопросы истории. 1991. № 1. С. 31.

[2] Ленин В.И. Письмо Питерской городской конференции для прочтения на закрытом заседании\ПСС. 1962. Т. 34. С. 120.

масс. Опасаясь выхода народной стихии из цивилизованных рамок и возможности последующей гражданской войны, захвата власти большевиками или реставрации, Брешковская, переступив через собственные убеждения, вынуждена была пойти на уступки кадетам и согласилась на отсрочку решения аграрного вопроса до созыва Учредительного Собрания. Проводившая свою политическую линию Брешковская не имела возможности в полной мере влиять на принятие решений расколотой партии и была вынуждена лавировать, идя на союз с либеральными партиями и прибегая к финансовой помощи Запада, что лишь усугубляло ситуацию. Все это вместе с участием Брешковской в организации корниловского заговора и безоговорочной поддержкой непопулярного Временного правительства привело к дискредитации ее имени и углублению противоречий внутри ПСР.

Итогом деятельности Брешковской и других «правых» эсеровских лидеров в коалиции с либеральными партиями в 1917 году стало продолжавшееся участие России в мировой войне, нерешенный земельный вопрос и народное недоверие, созревшее в результате безуспешных попыток эсеровского руководства угодить различным слоям общества и сдержать дальнейший передел собственности.

ГЛАВА V
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Е.К. БРЕШКО-БРЕШКОВСКОЙ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ЭМИГРАЦИИ

§1. Участие Е.К. Брешко-Брешковской в демократическом сопротивлении большевистской власти

В 1918 году Брешковская полностью сосредотачивается на организации вооруженной борьбы с большевистской властью на территории очагов так называемого «демократического» сопротивления – Самары, Челябинска, Уфы. Из всех демократических партий правые эсеры принимали наиболее активное участие в антибольшевистской борьбе.

Летом 1918 года в Самаре была свергнута советская власть и образовано преимущественно эсеровское правительство Комуча. (Комитета членов Учредительного Собрания) По свидетельству Е. Лазарева, вскоре после этих событий из Самары в Москву прибыли два курьера, обратившихся к самым известным представителям ПСР на тот момент находившимся в Москве, с просьбой поддержать новое независимое правительство. В июле Брешковская вместе с Е. Лазаревым выезжает из Москвы, но, не имея возможности сразу попасть в Самару, через Вологду и Вятку добирается до Омска[1], где вскоре получает от правительства Комуча телеграмму с настоятельной просьбой все-таки приехать в Самару.[2] Она предпринимает еще одну, на этот раз удачную попытку попасть в Самару; 8 августа, отвечая на вопросы челябинских и самарских журналистов о том, каким образом ей удалось преодолеть большевистские заслоны, Брешковская уклончиво отвечала, что считает

[1] Лазарев Е.Е. Моя жизнь. Прага. 1935. С. 39.

[2] Наш день. (Самара). 1 августа 1918 г

«пока несвоевременным разглашать тот путь», замечая лишь, что на нем «было много трудностей и опасностей».[1]

По случаю ее приезда на квартире одного из сторонников нового правительства была устроена импровизированная пресс-конференция, на которой присутствовали практически все члены редакции официального органа Комуча - газеты «Волжский день», в числе которых были и достаточно влиятельные люди – В.Н. Пепеляев, консул Камо, казаки Хорошхин, Дутов и Поротиков. И.С. Ильин, присутствовавший на конференции, вспоминает: «Брешковская была невысокого роста, полная, очень благообразная старушка, в просторном, широком платье, ...похожем на балахон... Она очень приветливо, с какой-то милой готовностью старого доброго человека отвечала на все вопросы». Подводя итоги конференции, все ее участники во главе с Брешковской пришли к обнадеживающему выводу о том, что большевики не смогут продержаться у власти долго, поскольку в их лагере царит полная анархия, народ прозревает, а союзники спешат на помощь.[2] В заметке местной газеты «Наш день», посвященной первым дням пребывания Брешковской в Самаре, с энтузиазмом говорилось о том, что «бабушка русской революции» выглядит «очень бодрой и энергичной». [3]

Публично Брешковская выступала как сторонница Комуча, но ее участие в деятельности этого правительства было чисто номинальным; так же как одновременно с ней присутствовавшие в Самаре Авксентьев, Аргунов и Кроль, Брешковская официально не состояла в Комитете членов Учредительного собрания.[4] Она просто не могла не поддержать единственный на тот период очаг демократического сопротивления – при этом Брешковская не скрывала, что придерживается значительно более

---

[1] «Власть народа». (Челябинск) 8 авуста 1918г.

[2] Ильин И.С. Комуч\Новый журнал. Кн. 65. 1961. Нью-Йорк. С. 231-232.

[3] Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. М. 2000. С. 44.

[4] Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное Собрание. Париж. 1932. С. 183.

правых убеждений по сравнению с Самарскими лидерами, и меры, декларируемые и принимаемые правительством Комуча, считала недостаточно решительными. В Самаре Брешковская скорее играла роль определенного символа, практически не принимая участия в принятии конкретных политических решений. По словам исследователя Комуча В.Г Медведева, часть эсеровского руководства из «Союза возрождения» считала, что самарские «демократические политики» представляют собой лишь «позеров и болтунов». [1]

Летом-осенью 1918 года Брешковской пришлось дважды посетить Челябинск: впервые она побывала там в августе на Челябинском совещании, призванном стать предтечей будущего Всероссийского правительства. Созыву совещания предшествовали долгие споры о его будущем составе и месте проведения, оно несколько раз откладывалось из-за неулаженных конфликтов между предполагаемыми участниками, среди которых были представители самых разных политических лагерей.

В воспоминаниях И.С. Ильина содержатся интересные подробности о совместной поездке самарских делегатов в Челябинск; большая их часть (Вольский, Брешковская, Веденяпин, Лебедев, Авксентьев, Зензинов, Пепеляев с казаками, генерал Галкин, консул Камо) добиралась к месту назначения в «великолепном» поезде, состоящем из пульмановских вагонов с салоном первого и второго классов. На станциях делегатов встречали сервированные столы, но и здесь эсеры и представители казачества держались отдельно друг от друга, садясь за разные концы стола. Между представителями разных лагерей постоянно разгорались споры, в которых Брешковская всегда «выступала в качестве примиряющего начала».[2]

На Совещании она вновь представляла «Союз возрождения», объединяющий кадетов, эсеров и меньшевиков; даже вагон этой

---

[1] Медведев В.Г. Белый режим под красным флагом. (Поволжье, 1918) Ульяновск. 1996.

[2] Ильин И.С. Комуч\Новый журнал. Кн. 65. 1961. Нью-Йорк. С. 232-233.

организации был без собственного флага, что должно было символизировать полный нейтралитет «Союза» по отношению ко всем политическим силам, представленным на Совещании.[1] Сразу по прибытии в Челябинск Брешковская встретилась с представителем французской миссии Л.Л. Жанно и полковником Гинэ, которым сообщала, что по окончании Совещания собирается вернуться в Самару.[2] Наконец, 23 августа совещание начало свою работу; Брешковская, наряду с Аргуновым, Зензиновым, Вольским и Михайловым, вошла в президиум. По просьбе председателя съезда Авксентьева, она как старейший участник Совещания высказала несколько добрых пожеланий в его адрес. Фактическими режиссерами происходившего в Челябинске стали почетные члены Совещания французский консул Буайяр, английский – Престон и представитель чехословацкого Национального Совета Павлу. [3]

В своих выступлениях Брешковская постоянно напирала на то, что иностранные союзники ждут установления единой и легитимной российской власти, так как в противном случае им некому будет оказывать помощь и не с кем сотрудничать. По поводу вновь полученных известий об образовании новых независимых областей, она однозначно высказалась, что препятствовать вхождению этих правительств в состав Государственного Совещания нельзя ни в коем случае. Брешковская как всегда настаивала на коалиции, говоря, что в период всеобщих разногласий и гражданской войны создание однородного правительства, каким бы оно не было, социалистическим или буржуазным, недопустимо.[4]

Для придания Совещанию большей представительности и ввиду отсутствия единой власти в стране съехались депутаты от всех возможных групп и правительств. Признавая самопровозглашенные в период государственной разрухи образования, организаторы Совещания, в числе

---

[1] Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. М. 2000. С. 44.

[2] Наш день. (Самара) 16 августа.

[3] Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. М. 2000. С. 44-45.

[4] Наш день. (Самара) 24 августа.

которых была и Брешковская, косвенно поддерживали сепаратизм национальных окраин. Кроме представителей Комуча и казаков, на заседаниях присутствовали делегаты от плехановского «Единства», временного правительства Урала, национального управления тюрко-татар и киргизского правительства Алаш-орды.[1]

Одним из главных камней преткновения среди делегатов стало определение места проведения будущего Государственного Совещания: мнения по этому вопросу оказались диаметрально противоположными – эсеры, что естественно, предлагали Самару, а сибиряки и казаки под предводительством Пепеляева настаивали на Омске. Разрешить эту тупиковую ситуацию удалось лишь Брешковской вместе с председателем совещания Авксентьевым - с огромным трудом они смогли найти и продвинуть вариант, компромиссный для всех участвующих сторон. [2] Уфа - город, находящийся посередине между Омском и Самарой и относительно нейтральный с политической точки зрения, в итоге и стал местом проведения Государственного Совещания, на которое в этот критический для российской истории период возлагались столь большие надежды.

Что касается других спорных вопросов, все представленные стороны старались избегать преждевременных споров; итоговые решения были приняты по обоюдному соглашению без использования голосования. Во многом это было связано с тем, что основной, волнующий всех вопрос о личном составе будущего правительства должен был решаться в Уфе позднее. [3]

В Челябинске Брешковская побывала и на одном из последних заседаний съезда чехословацких войск, где после восторженной встречи

---

[1] Ильин И.С. Комуч\Новый журнал. Кн. 65. 1961. Нью-Йорк. С. 236.

[2] Наш день. Самара. 24 августа.

[3] Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. (1918 –1920 гг.) Впечатления и мысли члена Омского правительства. Т. I. Ч.I. Пекин. 1921. С. 183.

была провозглашена «бабушкой чехословацких войск». [1]18 августа, она вместе с Аргуновым и Павловым выступала в Екатеринбурге на Народном собрании, посвященном обороне Урала от немцев и большевиков и государственному устройству освобожденных территорий. Тогда же состоялась ее встреча с членами Уральского правительства, французскими и английскими консулами и министром финансов Сибири Михайловым. [2]

27 августа участники предварительного Совещания экстренным поездом на несколько дней вернулись в Самару, - открытие Уфимского Совещания было назначено на 1 сентября по новому стилю, [3]но из-за боев под Уфой, его пришлось отложить на несколько дней. [4]

8 сентября Государственное Совещание начало работу; заседания проходили в здании Нового клуба, по этому случаю украшенного цветочными гирляндами и охапками трав. По Александровской улице, на которой находился Новый клуб, были развешаны «ленты-плакаты» с лозунгами: «Да здравствует единое всероссийское правительство!» и «...великая, единая, нераздельная Россия!» В репортаже местной эсеровской газеты «Народное дело» известие об открытии Совещания сопровождалось такими пожеланиями: «Веет немного чем-то торжественным, праздничным и радостным. Пусть счастье и удача, которые положены судьбой истории русскому народу, начнутся с этого момента, мы так давно томимся в борьбе». В этой же газете «Народное дело», сразу после приезда в Уфу Брешковская начинает печатать цикл публикаций, открывающихся программной статьей «Почему мы бедны и невежественны», в которой пыталась призвать население к пониманию личной ответственности за судьбу страны. Здесь она раскрывает свой взгляд на причины хаоса, происходящего в России после революции: «Кто виноват в том, что мы бедны и невежественны? Ответят непременно

---

[1] Наш день. (Самара) 22 августа 1918 г.

[2] Власть народа. (Челябинск) 23 августа 1918 г

[3] Народное дело. (Уфа) 28 августа 1918 г.

[4] Там же. 1 сентября 1918 г.

следующими словами: (мы таковы), потому что нам сверху мешали и работать, и учиться. ...Жизнь не оправдала их слов, жизнь показала совсем обратное. Русские люди не исполнили своих ...намерений, они не стали ни работать, ни учиться». [1]

Помимо участия в работе Государственного Совещания, Брешковская занялась организацией помощи беженцам, в огромном количестве устремившихся из взятых большевиками Казани и Симбирска в Уфу. В статье «Спешная помощь общему горю» Брешковская призвала местных жителей делиться с пострадавшими деньгами, продовольствием и одеждой - в результате ее благотворительной деятельности в пользу беженцев было собрано около тысячи рублей. [2]

Эсеры, участвующие в Уфимском совещании, вновь были разделены на «правое» и «левое» крыло, хотя, необходимо заметить, что левые, в основном представленные бывшими членами Комуча во главе с Вольским, были значительно менее радикальны, чем их тезки в 1917 году. Правое крыло оказалось меньшим по численности, но более весомым по составу - его членами были Брешковкая, Авксентьев, Зензинов, Роговской, Аргунов и многие другие именитые члены ЦК партии. Главной целью небольшой по количеству группы правых эсеров, по-прежнему, было достижение компромисса и создание коалиционного правительства. Эсеры, не имеющие отношения к правому крылу и правительству Комуча, практически не были представлены в Уфе; выразивший желание приехать на Совещание «центрист» Чернов был отговорен от этой затеи своими же однопартийцами, «чтобы не ухудшать шансы соглашения».[3] На повестке дня согласительной комиссии, председателем которой был назначен Авксентьев, стоял вопрос о возможности формирования коалиционного правительства, что вызывало серьезные разногласия как между

---

[1] Народное дело. 14 сентября 1918 г.

[2] Народное дело. 21 сентября 1918 г.

[3] Вырыпаев В.О. Каппелевцы\Каппель и каппелевцы. М. 2004. С. 196.

«правыми» и «левыми», так и у сторонников военной диктатуры; два первых закрытых заседания прошли в бесплодных спорах, не давших никакого результата.[1] В ходе работы Совещания его участниками были получены известия о сдаче Казани и Симбирска - после этих неутешительных новостей численность делегатов, на первых заседаниях достигавшая двухсот человек, стала стремительно уменьшаться.[2]

Выступавшие в качестве примирителей члены «Союза Возрождения» тщетно призывали депутатов к порядку. Авксентьев как председатель Совещания предпринимал все возможные меры, чтобы не допустить отъезда оставшихся делегатов и призвать к диалогу представителей разных политических лагерей. Брешковская, по выражению Гинса, действовала в основном, «за кулисами», где прилагала все усилия, чтобы на Совещании были достигнуты хоть какие-то договоренности. Добиваясь соглашения, она также как в Челябинске, шла на все возможные уступки, своим высоким авторитетом оказав Авксентьеву огромную помощь.[3] Сторонники диктатуры, почувствовав укрепление своих позиций, с новыми силами стали требовать установления единоличной власти - несмотря на американскую и чешскую поддержку, самарцы были значительно слабее сибиряков и проигрывали им по многим важным вопросам.[4] Поражение «левых» представителей «Комуча» стало логическим следствием их решительных требований созыва Учредительного Собрания и установления республики; «правые» же изначально понимали, что имеют шанс занять определенное место в новом правительстве только в союзе с другими несоциалистическими партиями. Но договориться с представителями партии кадетов и Сибирского правительства правым удалось лишь под давлением «главной опоры и надежды всех» - чехословаков. Последние,

---

[1] Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М. 1970. Стр. 196.

[2] Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное Собрание. Париж. 1932. С. 180.

[3] Власть народа. (Челябинск)21 сентября 1918 г.

[4] Вырыпаев В.О. Каппелевцы\Каппель и каппелевцы. М. 2004. С.122.

«не выдержав склок», потребовали соглашения, в противном случае пообещав удалиться с Совещания.[1] Только после этих угроз стороны все-таки согласились пойти на компромисс, и 14 сентября 1918 года Авксентьев объявил об «общем согласии» образовать Директорию - Всероссийское Временное Правительство, представляющее из себя «контролирующий орган по типу данного государственного совещания, собирающееся раз в четыре-пять месяцев, предоставив ему право запросов и указаний на незаконность действий правительства». Учредительное Собрание, за которое выступали эсеры, упоминалось в планах нового правительства по большому счету для соблюдения приличий, поскольку и сами демократы сомневались в реальной возможности его созыва.

По дороге в Омск, куда в октябре 1918 года Брешковская отправилась вместе с другими членами Всеросссийского правительства, она второй раз побывала в Челябинске, на этот раз задержавшись в городе почти на месяц. Брешковская всегда интересовалась кооперативным движением, и ее остановка на хуторе Михайловском (имение Покровское), принадлежащем Союзу кредитных кооперативов, была не случайна.[2] За месяц пребывания в Челябинске она, как и ранее в Уфе, опубликовала в газете «Власть народа» целый цикл статей в любимом ею жанре писем. Челябинский журналист и общественный деятель В.А. Бухарин отмечает, что «Власть народа» поначалу не имела определенного политического направления, но постепенно приняла проэсеровский характер. Брешковская «доверительно, а порой и назидательно» объясняла уральцам особенности сложившейся в стране политической ситуации. Об актуальности поднимаемых ею тем говорят названия статей: «Кто же населению поможет?», «Народу образование нужно», «Не слушайте льстивых слов», «Не все худо».

---

[1] Ильин И.С. Комуч\Новый журнал. Нью-Йорк. Кн. 65. 1962. С. 238.

[2] Челябинские письма «Бабушки русской революции»/Челябинск неизвестный/Краеведческий сборник. Вып. 3. Челябинск. 2002.

Обращаясь к представителям разных социальных групп, Брешковская дает им подробные советы о том, как вести себя в данный исторический период. В письме пятом: «Какая помощь нужна правительству» она призвала духовенство придавать большее значение воспитанию народа, а не соблюдению обрядов, не дающих, по ее мнению, пищи ни уму, ни сердцу. «Оставаясь в стороне от повседневной жизни ...паствы священство наше само аннулирует значение свое, как ненужного члена гражданской жизни населения».[1] Богатым людям она советует оказывать денежную помощь правительству,[2] в статье «О кооперации» содержится восхваление английского предпринимательства и критика отечественных экономических традиций. Брешковская с негодованием пишет о том, что в России приживаются только потребительские и кредитные организации, а на дальнейшее расширение и улучшение дела сил не хватает.[3]

Особенный гнев у нее вызвали забастовки железнодорожников: «...если поведением вашим двигает принцип – хоть день, да мой, - тогда станут понятны ваши забастовки в такое жгучее для России время и симпатизирование большевистским приемам действий».[4] Антибольшевистские силы терпели поражение за поражением, а об избранном на Уфимском Совещании правительстве ничего не было слышно. Вышедшая уже через полтора месяца после избрания Всероссийского Правительства статья Е. Труппа «Покажите лицо» обвинила этот орган власти в полном бездействии: «...до сих пор ничего не знаем ни о действиях, ни о намерениях, ни об общей линии поведения этого правительства. ...крестьянство во многих местах до сих пор не слышало о существовании центральной всероссийской власти – Временного правительства».[5]

---

[1] Власть народа. (Челябинск) 23 октября.

[2] Там же.

[3] Власть народа. (Челябинск) 16 октября.

Директория, избранная с такой помпой, быстро канула в лету, большинство населения находившихся в его ведении регионов не имело никакой информации о своем правительстве, и Брешковская оказалась практически единственной, пытавшейся через газету «Власть народа» рассказывать об итогах Совещания и планах правительства, причем, делать это по возможности в оптимистическом ключе. Письмо первое, которое так и называется «Общая надежда», начинается с поздравлений народа с долгожданным избранием Всероссийского Временного Правительства. Брешковская, сама с большим трудом уговорившая депутатов не разъезжаться, пишет – «...надо отдать справедливость членам Совещания, они все были проникнуты глубоким сознанием того, что невозможно для них покинуть Собрание, не закончивши благополучно своего задания... все единодушно решили поступиться своими национальными и партийными интересами» ради общей пользы. Далее она рисует достаточно идиллическую картину того, как «затем правители приступили к своим делам», чтобы к 1 января 1919 года отчитаться о проделанной работе перед членами Учредительного Собрания, которые к этому времени должны были собраться в количестве 250 человек.[1] Говоря о будущем Учредительном Собрании, Брешковская явно лукавила, поскольку не могла не знать о том, что многие депутаты не имеют возможности даже добраться до места сбора, не говоря уже о других проблемах и препятствиях, стоявших на пути большинства из них. Многие находились в заключении или погибли, другие больше не занимались политической деятельностью. [2]

5 ноября, уже на пороге поражения, Брешковская выступает на собрании, устроенном местным отделом Союза Возрождения в Народном

---

4 Там же. 2 ноября.

5 *Там же. 12 октября.*

[1] «Власть народа». (Челябинск) 12 октября.

[2] Вырыпаев В.О. Каппель и каппелевцы. М. 2004. С. 122-123.

Доме Челябинска. Как ни в чем не бывало, она продолжает рассуждать о будущем альянсе России с Украиной, которая будет поставлять метрополии сахар, хлеб, шерсть, а присоединившийся к ним Кавказ – нефть и керосин, вследствие чего другие страны не посмеют напасть на сильную демократичную Россию.[1]

До самого момента отъезда из страны, Брешковская принимала участие в политических акциях, ее постоянные выступления и публицистическая деятельность были посвящены одной цели – объединению антибольшевистских сил и победе демократии. Но, несмотря на высокую внешнюю активность, Брешковская была полностью разочарована в результатах Февральской революции и особенно тяжело воспринимала народную реакцию на события, происходящие в стране. В написанном уже в эмиграции очерке «1917 год», Брешковская призналась, что не верила в победу, «и продолжала ездить и говорить скорее по долгу, чем в сознании успеха».[2] Учитывая однообразное постоянство темы темноты и недопустимой безответственности всего народа, поднимаемой ею на протяжении всего 1917-1918 года, приведенное выше утверждение, скорее всего, является правдой.

«Не надо забывать и того, что нет великого государства на свете, которое бы держало свой народ в такой темноте, в таком абсолютном невежестве, в каком монархи России держали сотни лет свой народ. Решающую роль в успехе пропаганды большевиков сыграли постоянные внушения, что у народа могут отнять все добытое счастье и снова закабалить в нищету. ...большевики радовались при виде разложения общественных сил, а «победители-рабочие», наш наивный пролетариат, с развевающимися знаменами в автомобилях, уже видел себя на верху власти...» [3]

---

[1] «Власть народа». (Челябинск) 13 ноября.

[2] Брешко-Брешковская Е.К. 1917 г.\Новый журнал. Кн. 38. 1954. С. 206.

[3] Брешко-Брешковская Е.К. 1917 г.\Новый журнал. Кн. 38. 1954. С. 202-205.

К этому времени не только сама Брешковская, но и ее семья успели пострадать от разгула народной стихии. Племянница П.А. Кропоткина Е.Н. Половцова в письме из Читы рассказывает о том, как в начале 1918 года в Иркутске портрет Брешковской был исколот штыками;[1] имение Брешковских в Белоруссии было разгромлено еще в 1917 году, вероятно, тогда же были уничтожены тюремные письма и дневники самой революционерки. [2]

В октябре 1918 года в эсеровские газеты Урала и Сибири поступила информация о планах правительства Уфимской Директории просить Брешковскую, как лицо уже известное в США, отправиться за океан для посвящения демократической общественности этой страны в истинное положение дел в России,[3] освещения деятельности Всероссийского Временного Правительства и раскрытия «сущности большевизма и его роли в русской революции».[4] Брешковская оказалась далеко не единственной, отправленной в этот период в США с подобной миссией. Съезд членов Учредительного Собрания отправил в Америку целую делегацию в составе Минора, Русанова, Выхристова и других эсеровских деятелей, поспешивших отбыть за границу сразу же после закрытия съезда.[5] Брешковская выехала из Челябинска в Омск в ночь на 7 ноября - всем уже было известно, что она уезжает в Америку, но и с дороги она продолжает высылать письма-статьи для газеты «Власть народа».[6]

Из Омска она выехала в Японию, которая должна была стать перевалочным пунктом на пути в США.[7] 13 декабря, теряющая надежду

---

[1] Половцовы (мать и дочь) «Мне бы только умереть около нее»\Минувшее. №18. 1991. С. 342.

[2] Филд Д. Воспоминания Е.К. Брешко-Брешковской о «хождении в народ» в 1870-х гг. Опыт источниковедческого анализа\Памяти А.А. Зайончковского. М. 1994. С. 332.

[3] Народное дело. (Уфа) 29 октября.

[4] Народ. (Уфа) 4 ноября.

[5] Народ. (Уфа) 13 ноября.

[6] Власть народа. (Челябинск) 7 ноября.

[7] Там же. 13 ноября.

на победу над большевиками Брешковская из Токио обратилась к солдатам чехословацкого легиона с целым воззванием, которое она обозначила как «Завещание братьям-чехословакам их Бабки Катерины Брешковской». Письмо было передано по телеграфу генералу Стефанику с просьбой передать во Владивосток для оглашения перед чешским народом.

«Братья, Чехословаки... Человечество стоит перед величайшей когда-либо поставленной ему задачей: всех умиротворить и никого не обидеть. Если Россия в прошлом, даже при царском режиме, служила оплотом для всех рассеянных славянских братьев, то вам, чехословаки, наша (теперь больная родина, обязана началом своего возрождения к сознательной жизни...» Уже не веря в собственные, российские силы, Брешковская возложила на уставших от чужой войны чехов последние надежды на спасение России: «Вам, дети мои, выпало на долю, вовремя подать нам руку для великой помощи. ...По своей сознательности вы ушли далеко вперед от всех других славян...» Она называет чешского президента Томаша Масарика «великим вождем», вдохновляющим своих солдат «на подвиг бескровный, любвеобильный и спасительный для всех нас», то есть на продолжение борьбы с большевиками; она еще не знает, что в скором будущем обвинит Масарика в дискриминации русского населения Чехии. Послание заканчивается фразой: «С нами Бог. С нами вера в его святое учение».[1]

В конце 1918 года Е.К. Брешковская, надеясь скоро вернуться, покидает Россию навсегда. Расстрел грозил ей как члену ЦК ПСР уже давно, и практически все время, прошедшее после октябрьского переворота, она вынуждена была находиться на нелегальном положении. «В 70 лет я была такая же пылкая, как и в годы меньшей старости, и

[1] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 24. Л. 2-4.

понимала, что погибну бесплодно, на утеху предателей. Этого я не хотела».[1]

Вместе с эшелоном чехословацких легионеров она выезжает из Сибири и через Японию добирается до Америки, в которой сразу начинает вести агитацию против власти большевиков и сбор денег для организации вооруженной борьбы с ними.

§2. Общественно-политическая деятельность Е.К. Брешко-Брешковской в эмиграции

При поддержке своего давнего покровителя Джорджа Кеннана Брешковская публикует «Послание к американскому народу от Екатерины Брешковской»[2]; многочисленные русские эмигранты, только что прибывшие в США и не оставившие надежды в скором времени вернуться на историческую родину, в спешном порядке организуют Русское информационное бюро, которое быстро становится влиятельным органом антибольшевистской агитации. Представители американского бизнеса охотно финансировали эту организацию, находившуюся в Вашингтоне под опекой русского посла Б. Бахметьева. Наиболее известным периодическим изданием, выпускаемым Русским Информационным Бюро, стал еженедельник «Сражающаяся Россия», в котором регулярно публиковались материалы, рассказывающие о поражениях большевиков, об отсутствии у них поддержки народных масс и об успехах их противников. Возрождение «сильной и великой России» являлось лейтмотивом всех публикаций еженедельника, и Брешковская наряду с Керенским, Милюковым и Чайковским, стала одним из постоянных корреспондентов этого журнала. Выдержки из материалов «Сражающейся

[1] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 47. Л. 7.

[2] A messaqe to the American people. By Caterihe Breshkovsky. Introol by Georqe Kennan. New-York. 1919.

России» печатались и в российских антибольшевистских изданиях, еще оставшихся не закрытыми в Сибири и на Дальнем Востоке, например, в таких, как: «Дальневосточное обозрение» (Владивосток), «Русское дело» (Омск). Многочисленные послания Брешковской как к русскому народу с призывами к борьбе против новой власти, так и к американскому - с просьбами о срочной помощи, продолжали публиковать в России на протяжении всего 1919 года. Обращения Брешковской печатались и в газетах, таких как: «Дальний Восток» (Владивосток), «Народная свобода» (Барнаул), «Утро Сибири» (Челябинск), «Возрождение Севера» (Архангельск) и многих других. [1]

В Америке Брешковскую ждал горячий прием среди местного населения – почва перед ее приездом уже была подготовлена ее подругами – известными деятелями феминистского движения. Брешковская на несколько месяцев стала главной достопримечательностью многих светских мероприятий, где она была представлена как видная российская феминистка, что было недалеко от истины, поскольку уравнение прав женщин с мужчинами – всегда было одним из требований, выдвигаемых Брешковской. В начале 1919 года, выступая на конференции американских женщин, посвященной Лиге Наций, в Вашингтоне, Брешковская заявила, что глубоко сочувствует Лиге Наций, так как пока доступ в эту организацию закрыт для женщин - мира не будет. [2]

Несмотря на ожидания Брешковской, возможность для возвращения в Россию так и не предоставляется. В 1920 году, собрав в Америке значительные суммы денег для борьбы с большевиками, она переезжает в Европу. В Париже в феврале 1920 года членами разных политических партий - кадетами, социалистами-революционерами и меньшевиками

---

[1] Привалова Е.А. В союзе с белогвардейской прессой. Американские бюро печати в Советской России. (1917-1920-е гг.) М. 1989. С. 299.

[2] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 12. Л. 4.

правого крыла было организовано российское общество в защиту Лиги Наций. Брешковская, вместе с Авксентьевым, Рудневым и Вишняком, представляла в этом обществе правых эсеров. Но реакция еще существовавшей в то время российской партии социалистов-революционеров на создание этого общества была далеко неоднозначной. Всесибирский комитет и другие сибирские организации партии отправили заграничной делегации письмо протеста, в котором резко выступили против любых объединений с несоциалистическими партиями, решения каких бы вопросов это ни касалось. "Прежде всего организация политических коллегий, включающих кадетов, доказавших свою кровную связь с головными отрядами интервенции, Колчаком, Деникиным и тому подобное идет вразрез со всей нашей политикой здесь, и, безусловно, вредит нашему делу борьбы с большевиками. И марка Учредительного Собрания в данном случае никого и ни от чего не страхует".[1] Российское общество в защиту Лиги Наций, как и многие другие подобные эмигрантские организации, вскоре прекратило свое существование, так и не проявив себя чем-либо выдающимся.

8 января 1921 года открылось Совещание членов Учредительного Собрания, в работе которого приняла активное участие и Брешковская. Но ее усилия по созданию теперь уже заграничной коалиции вновь не увенчались успехом, так как ее товарищи по партии не смогли пойти на компромиссы, необходимые для совместной работы с кадетами.[2]

В 1921 году, узнав о страшном голоде в России, она вступила в переписку с американским министром торговли Гувером, совмещавшим этот пост с работой во главе Американской организации помощи. Брешковская в который раз обратилась к американским благотворителям с просьбой начать сбор средств для помощи России. Но в августе 1921 года,

---

[1] Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 г. Документы из архива ПСР. Амстердам. 1989. С. 659-670.

[2] Будницкий О.В. Послы несуществующей страны\»Совершенно лично и доверительно». Б. А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919-1951. Т. 1. М. 2001. С. 78.

изучив условия, на которых предоставлялась помощь, (экстерриториальность и независимость миссий от Советской власти), Ленин категорически отказался от любой помощи голодающим с американской стороны.[1]

В течение еще нескольких лет после Октябрьской революции, Брешковская продолжала считать, что большевики не смогут удержать власть в своих руках, тогда как в случае победы Врангеля его правление будет долгим. В 1920 году, во время последней встречи с сыном, навестившем ее в парижском санатории, между ними состоялся разговор о возможной смене власти в России. Николай спросил мать: «Кто же придет им (большевикам) на смену? Вы, социалисты... Русский народ изверился в вас и вас не захочет...»

В ответ Брешковская кивнула головой и замолчала, и Николай вспоминал, как ощутил трагедию, которую переживает «эта... великого духа, престарелая женщина, всю свою патриаршую жизнь отдавшая революции и служению народу, которого она не знала, и который теперь не хочет ни ее, ни всех тех, кто боролся за его счастье». [2]

Покинув Россию, Брешковский поселился в Варшаве и стал плодовитым бульварным писателем, - всего за годы эмиграции из-под его пера вышло более тридцати крупных романов, о содержании которых говорят сами названия многочисленных произведений – «В огне страстей». (Современный экзотический роман в 3-х ч.), «Женщины, кровь и бриллианты». (В 3-х ч.), «Под звездой дьявола», (в 3-х ч.), «Под плащом сатаны», «Кровавые паяцы», «Мировой заговор», «На белом коне». (Из жизни Добровольческой армии в 3-х ч.)

Также Брешковский сотрудничал с софийской монархической газетой «Русь», так как придерживался взглядов полярных убеждениям своей матери. Амфитеатров в письме к Савинкову от 21.07.1924. высказал

---

[1] Антисоветская интервенция и ее крах. 1917-1922. М. 1987. С. 199.

[2] Брешко-Брешковский Н.Н. Воспоминания сына\Иллюстрированный журнал. 1934. С.9.

свое отношение к этой газете, назвав ее «бездарностью и порнографией», во многом, из-за уровня публикаций Н.Н. Брешковского, который вообще является «пределом духовной нищеты».[1] Позднее сын революционерки примкнул к русским фашистским организациям и скончался 23 августа 1943 года в Берлине.[2]

В начале января 1921 года Брешковская принимает участие в работе Исполнительной Комиссии, опять созданной в союзе с кадетами. Через некоторое время до нее дошла информация о том, что эсеры, еще находящиеся в России, расценивают подобную коалицию как предательство со стороны однопартийцев-эмигрантов. Видимо, известия об этом неприятии не давали Брешковской покоя, так как в мае 1921 года она пишет «Письмо заключенным в советских тюрьмах социалистам-революционерам».[3]

«Ставшая за эти годы предметом купли-продажи на мировом экономическом рынке Россия не может обойтись как без борцов, так и без юрисконсультов. Опираясь на международное право можно рассчитывать, что одна из сторон многих хищников всегда примет его во внимание, если не ради нашего, российского интереса, то ради умаления притязаний соперника».[4]

Брешковская впервые дает негативную оценку западной политики и дипломатии: «Трудно себе представить, до какой степени доходят жадность, трусость и в то же время империализм европейской политики. ...стоило России остаться без авторитетного правительства, как она вдруг обратилась на глазах у... всех ее вчерашних союзников в бесправную территорию, подлежащую разделу между всеми, кто успел первым наскочить на нее». [5]

---

[1] Амфитеатров и Савинков: переписка. 1923-1945\Минувшее. №13. 1993. С. 138.

[2] Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи. (1917-1997) Т. 1. М. 1999. С. 410.

[3] РГАСПИ. Ф.274. Оп. 1. Д. 31.

[4] Там же. Д. 48. Л.3.

[5] РГАСПИ. Д. 48. Л.3.

Пытаясь объяснить собственную позицию однопартийцам, Брешковская подчеркивает, что любые интересы России, связанные с международными отношениями лучше видно из-за границы, чем из советских тюрем и лагерей. Она приводит в пример слышанные ею еще в 1918 году жалобы крестьян на излишнюю партийную дисциплину, якобы царившую в ПСР, и упрекает товарищей в консерватизме и нетерпимости. «И прискорбно, что и в настоящее время нарождаются охотники считать оппозицию всегда и всему - признаком хорошего тона. Между тем, людей инициативных так мало».[1]

В 1922 году, в то время, когда в России проходил процесс над эсерами, товарищи осужденных за границей прилагали все возможные усилия, чтобы нанять лучших адвокатов и отправить их на родину. Эсеры надеялись, что выступления защиты смогут повлиять на ход процесса. В апреле 1922 года секретарь Заграничной Делегации ПСР Б.Н. Рабинович обратился к Брешковской с просьбой об оказании денежной помощи для организации этой защиты. Денег на оплату адвокатской поездки в Россию у Заграничной Делегации не было, но сделать все возможное, чтобы помочь товарищам, было необходимо. Рабинович писал: «Я знаю, дорогая Бабушка, что у Вас денег нет, но может Вам удастся как-нибудь выцарапать у американцев, ведь всего-то нужно двадцать тысяч чешских крон. ... Чувствую, что при возможности организовать защиту и отправить ее в Россию не выполнение этого легло бы тяжким камнем на душу».[2]

Как и во многих других случаях, все надежды возлагались на то, что Брешковская сможет «подковать какого-нибудь американца». Рабинович просил многих, но Брешковская первой откликнулась на его обращение и прислала требуемую сумму. Благодаря ее за помощь, Рабинович писал: «правда не к кому было больше обратиться, а деньги нужны, мои фонды

---

[1] РГАСПИ. Д. 48. Л. 2.

[2] Судебный процесс над социалистами-революционерами. (июнь-август 1922 г.) М. 2000. С. 478.

уже все истощились, суд близится, большевики грозят, известия приходят неутешительные и т.д. А без денег ничего не сделаешь». Рабинович даже собирался просить эсеров об отмене назначенного на май парижского совещания фракции с.р. Учредительного Собрания с тем, чтобы предназначенные для его проведения деньги были направлены на организацию защиты.[1]

В июле 1922 года Брешковская получает новое письмо от Рабиновича, опять с просьбой о помощи, на этот раз нематериальной. За границу дошли известия о планах большевиков приговорить к смертной казни всех подсудимых эсеров, но применить высшую меру только к пяти: расстрелять Гоца, Донского, Тимофеева, Иванову и Иванова. Этот шаг, скорее всего, был расчитан на западную общественность, с большим интересом следившую за ходом столь значимого процесса.[2] Рабинович описал собственный душевный настрой в эти решающие дни, как постоянные «изнурительные колебания от промелькнувшей надежды до полного отчаяния... Много уже сделано, нажаты все кнопки и работа ведется большая, но мы все, дорогая Бабушка, ...считаем необходимым пустить в ход и нашу тяжелую артиллерию, использовав Ваш авторитет в общественном мнении Европы».

Брешковская должна была написать от своего имени письма наиболее влиятельным деятелям культуры того времени: Ромэну Роллану, Кеннану, Анатолю Франсу, Рабиндранату Тагору, Герберту Уэллсу, Бернарду Шоу, Фритьофу Нансену. Ее задача состояла в том, чтобы, «поднимать шум в Европе», то есть привлечь как можно больше внимания мировой общественности к планируемому большевиками «неслыханному преступлению», направленному против представителей старейшей революционной партии России. Рабинович просил Брешковскую призвать

---

[1] Судебный процесс над социалистами-революционерами. (июнь-август 1922 г.) М. 2000. С. 479.

[2] Там же. С. 557.

названных деятелей отправить протесты в адрес Советского правительства и опубликовать возмущенные материалы в прессе. Наряду с тревожными сообщениями из России, он с радостью отметил тот факт, что процесс сгладил все разногласия, существовавшие в эсеровской среде, все объединились и «было бы совсем хорошо, если б удалось вырвать наших мучеников их когтей обезумевших людей».[1] Но старания членов Заграничной Делегации не поимели результата - пять осужденных на смертную казнь эсеров были расстреляны.

К этому времени Брешковская уже окончательно переехала в Чехию, в которой ранее уже обосновались многие ее товарищи по партии, - Прага стала надежным пристанищем для многих представителей российской интеллигенции.[2] Члены чешского правительства были уверены, что власть большевиков не продержится в России дольше пяти-семи лет, и всячески поддерживали политических эмигрантов.[3] Программу помощи беженцам из России, названную "Русской Акцией", лично курировали первый чешский президент Томаш Масарик и первый премьер-министр - лидер народно-демократической партии Томаш Крамерж, являвшийся решительным сторонником «вооруженной борьбы с большевиками». Правительство Чехии выплачивало русским эмигрантам государственные пособия, для представителей интеллигенции были созданы самые благоприятные условия в науке и культуре. [4]

Свое прибытие в Чехию и первые годы, проведенные в ней, Брешковская описала в воспоминаниях, записанных, вероятно, ухаживавшей за ней в последние годы Ларисой Васильевной Архангельской. Если верить этим мемуарам, то, собрав в Америке

---

[1] Судебный процесс над социалистами-революционерами. (июнь-август 1922 г.) М. 2000. С. 558.

[2] Антропов О.К. История отечественной эмиграции. Астрахань. 1996. С. 36.

[3] Очерки антибольшевистской эмиграции 1920-1940-х гг. Вып. 4. 2002. С.13.

[4] Антропов О.К. История отечественной эмиграции. Астрахань. 1996. С. 36.

крупную сумму денег, Брешковская собиралась поехать на Кавказ, но Деникин, к которому она обратилась с письменной просьбой о въезде на территорию России, отказался выдать ей пропуск. Тогда она подалась в Белград, где по рекомендации знакомых временно поселилась в русском институте благородных девиц. Но после получения в качестве пожертвования на дело борьбы с большевизмом пяти тысяч динаров от сербского короля, Брешковская, по ее словам, стала жертвой интриг и была выселена из института. Из писем об этом стало известно в Чехии, и вскоре Брешковская получила от супруги президента этой страны Алисы Масарик телеграмму с приглашением приехать в Чехию на постоянное жительство. Брешковская уточняет, что согласилась, сразу имея в виду работу, связанную с русинским населением в Карпатской Руси.

Из Белграда в Прагу ее сопровождал специально присланный для этой цели курьер, а в столице Чехии Брешковскую ждала торжественная встреча. Президент Масарик вместе с семьей и местные политические деятели, встречавшие ее, настаивали на том, чтобы престарелая революционерка поселилась в Праге, но Брешковская не поддалась уговорам, и однозначно заявила, что будет жить и работать только в Карпатской Руси, где «население русское и крайне бедно». Под русским населением Брешковская имела в виду русинов – восточнославянский народ, известный также под именами: руснаки, угрорусины, угрорусы, карпатороссы, рутены. В 10-11 веках Закарпатская Русь еще входила в состав Киевской Руси, но на протяжении 11–13 веков венгерские и чешские феодалы постепенно захватывали земли русин за засечной линией - государственной границей, продвигая её по Закарпатью к подножью гор. Несмотря на последующую многовековую отделенность от России, русины сумели сохранить национальную самобытность.

После долгих увещеваний со стороны президента Брешковская была все-таки отпущена, но ее отношения с чешским правительством уже не были столь безоблачными, и вскоре у нее начались проблемы. Например,

по дороге в карпатский город Ужгород для тщательного просмотра был задержан ее сундук с вещами, что, как полагала Брешковская, явилось доказательством пристрастного отношения к ней со стороны чешского правительства. Добравшись до Ужгорода, Брешковская без промедления занялась организацией школ-интернатов для русинских детей. Крупные суммы денег, собранные ею в Америке для организации сопротивления большевикам, так и не удалось довезти до России, и она решила истратить их на образование русинских детей в Карпатах.[1]

Стараясь не падать духом, Брешковская пыталась найти новый смысл жизни уже в эмиграции; ... «я себе говорила: «предатели, хотят стереть все, что есть честного в России, ...надо жить и я буду жить. Мир велик, работы на всех хватит».[1]

Еще осенью 1919 года группой русской интеллигенции Ужгорода было положено начало культурно-просветительской организации, целью которой должно было стать создание общедоступных учебных учреждений для русинских детей. 26 сентября состоялось первое собрание группы, на котором было провозглашено образование «Комитета Школьной Помощи»; в состав общества решено было приглашать всех, способных оказать какую-либо помощь в развитии этого начинания. Ближайшей целью общества был признан сбор средств, но поначалу этот процесс шел не очень успешно: взносы членов комитета и произведенный ими сбор пожертвований вместе составили очень небольшую сумму, совершенно недостаточную для организации школ. На приглашение Комитета откликнулись даже президент Чехии Томаш Масарик и глава правительства Тузар, которые внесли в фонд по сто крон, но эти суммы не изменили сути дела - к лету 1920 года было собрано всего лишь 10 514 крон.[2]

---

[1] РГАСПИ. Ф.274. Оп.4. Д.12. Л.3.

[1] ГАРФ. Ф. 5824. Оп. 1 Д. 47. Л. 77.

[2] ГАРФ. Ф. 5824. Оп. 1. Д. 675. Л. 5.

Ситуация резко изменилась к лучшему лишь тогда, когда в процесс сбора денег решила вмешаться Брешковская; используя свои давние связи с американскими меценатами, она сумела, помимо привезенных денег, за короткий срок собрать и внести в кассу Комитета еще около двухсот тысяч крон. Она сразу была избрана почетным членом Комитета, а ее деньги стали основным резервом общества. Общая сумма денежного фонда Комитета к концу 1922 года, опять же благодаря активности Брешковской, достигла такой внушительной цифры, как 2 069 937 крон. Одними из главных жертвователей вновь стали старые друзья Брешковской – широко известная в Америке феминистка Алиса Стоун-Блеквелл, профессор Экберт, мистер Гаррисон и их многочисленные знакомые.

Но в начале своей благотворительной деятельности ей пришлось столкнуться с серьезными проблемами. В Ужгороде Брешковская приобрела для устройства интернатов два дома, но по ее свидетельству, чешское правительство воспрепятствовало открытию школ с русским национальным уклоном и конфисковало дома. Тогда из Америки Брешковской вновь было прислано еще тридцать тысяч долларов, которые ей удалось получить лишь при помощи американского посла, после преодоления многочисленных препон. На этот раз Брешковская снимает два дома уже в Мукачеве: «Принимаю крестьянских детей, обмываю их, одеваю, и определяю в школы и гимназию в Мукачеве».[1] Брешковская старалась помочь детям, чем только можно; в трудные для пансионов времена отказывала себе во всем, экономя на еде и одежде. В первые годы существования пансионов Брешковская так выбилась из сил, что друзья вынуждены были чуть ли не насильно отвезти ее в пражский санаторий на лечение.[2] Но труды не прошли даром - пансионы стали

---

[1] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 12. Л. 11.

[2] ГАРФ. Ф. 5824. Оп. 1. Д. 676. Л. 3.

практически единственной возможностью для русинских детей из бедных сельских семей, живущих в отсталой в результате многовековой зависимости от Австро-Венгрии Карпатороссии получить хорошее образование и жить на полном содержании в городе. Поступали в интернаты лишь наиболее способные дети, уже окончившие среднюю школу, но не имеющие средств для продолжения образования. Плата за обучение варьировалась в зависимости от материального положения родителей, но в любом случае была очень низкой, - от 50 до 250 крон, а около 25 % детей из самых неимущих семей обучались и содержались вообще бесплатно.

В уставе общества особо была отмечена обязанность его членов строго соблюдать принцип невмешательства в политическую жизнь Чехии, чтобы отношение к комитету со стороны самых различных кругов местного общества всегда оставалось благожелательным.[1] Брешковская же, возмущенная нарушением прав карпаторусских детей на национальное образование, публикует в местной прессе статью в защиту русских жителей Карпат. Естественно, что после этого поступка отношения с президентом Масариком, принявшим ее в тяжелые времена, были испорчены. В качестве сопровождающей американской делегации в Мукачев заезжала и пригласившая Брешковскую в Чехию супруга президента Алиса Масарик, но и при ней «бабушка русской революции» не побоялась рассказать американцам о тяжелом положении русинского населения в этой области. Алиса Масарик безуспешно пыталась опровергать факты притеснений и уехала в Прагу, по словам Брешковской, «разгневанная на меня».[2] Необходимо отметить, что и после этого случая, несмотря на все рассказы Брешковской о преследованиях, которым постоянно подвергались карпатороссы со стороны чешского руководства, интернаты, основанные ею, довольно благополучно

[1] ГАРФ. Ф. 5824. Оп. 1. Д. 675. Л. 5.

[2] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 4. Д. 12. Л. 11.

просуществовали еще около десяти лет.

Летом 1925 года состоялась последняя встреча Брешковской с князем Петром Долгоруковым, также жившим в эмиграции в Чехословакии. Долгоруков вместе с преподавателем русской гимназии В.Н. Светозаровым ездил в Карпатороссию на съезд и выставку по народному образованию. В это время Брешковская как раз жила в самом крупном интернате для девочек в карпатском городке Мукачеве.

«Несколько одряхлевшая телом, она была умом все так же свежа, живо всем интересовалась, увлекательно рассказывала о своем деле и о местном населении. В глазах вспыхивал прежний огонь. После чая она повела нас осматривать общежитие, причем объяснила его задачи и рассказала о достигнутых результатах».[1]

Процент грамотности среди русинского населения Карпат был чрезвычайно низок, местный диалект русского языка наполнен словами из языков всех народов, населявших этот регион. Поэтому в интернате, организованном Брешковской, упор делался на воспитание национального самосознания в детях – библиотека практически целиком состояла из произведений русских классиков, стены украшали их портреты, а в каждой комнате висели иконы. Уже на закате своей жизни, в эмиграции, Брешковская стала утверждать, что основное место в ее мировоззрении всегда занимали христианские ценности.

«И говорю откровенно: не социализм как «теория» руководил мною, моим отношением к людям и дал мне возможность привлекать и молодых и старых к работе на поднятие достоинства человека...Я относилась к ним (социалистическим теориям) лишь как к попыткам выработки форм общежития, наиболее отвечающих запросам времени, и притом, как к формам далеко не совершенным...Учение Христа несравненно выше...» [2]

---

[1] Долгоруков П.А. (кн.) Три встречи\Современные записки. 1934. №56. Париж. С. 401.

[2] Керенский А.Ф. Брешко-Брешковская Е.К. (1844-1934) Некролог\Современные записки. 1934. №54. С. 394.

Учитывая крайне тяжелое положение, в котором находилось русинское население Карпатороссии, находившееся в меньшинстве и постепенно ассимилировавшееся среди окружавшего его украинского, венгерского, румынского, польского и немецкого народа, и нехватку местной русинской интеллигенции, дело, которым занималась Брешковская, имело большое национально-культурное значение. В Праге и затем под Прагой, в селе Хвалы-Почернице, где Брешковская прожила последние годы своей жизни, почти всегда можно было видеть у нее бывших воспитанников или воспитанниц, в то время уже студентов высших учебных заведений Праги.[1] Одно время в Закарпатье существовал даже отряд скауток имени Катерины Брешко-Брешковской. Начиная, приблизительно с 1926 года Брешковская взяла на себя решение всех вопросов, касающихся распоряжения полученными ею средствами, и хранила свои сбережения в пражском Живностенском банке. Она объяснила причины этого поступка в одном из писем: «Мои личные наблюдения показали мне, что комитет Школьной Помощи износился; его члены ушли в свои семейные дела и служебные заработки, и не может следить за нуждами детей как следует».[2]

Несмотря на возраст, Брешковская довольно часто гостила в подшефных интернатах и была в восторге от этих поездок, во время которых у нее даже улучшалось здоровье. Она не пропускала возможности рассказать детям о русском революционном движении, так как их безграмотность в этом вопросе и вообще забвение всей истории революционного движения до 1917 года ее очень расстраивало: «Молодежь ровно ничего не знает из недавнего прошлого и думает, что революционное движение вперед обязано Ленину и Троцкому».[3]

---

[1] Долгоруков П.А. (кн.) Три встречи\Современные записки. 1934. №56. Париж. С. 402

[2] ГАРФ. Ф.5824. Оп. 1. Д. 258. Л. 3.

[3] ГАРФ. Ф.5824. Оп. 1. Д. 250. Л. 2.

О встрече с Брешковской в Праге в доме у известного экономиста А.В. Пешехонова, одного из создателей партии народных социалистов, в своих воспоминаниях «Зарубежные пастыри» рассказывает литератор и экономист Д. А. Лутохин. «Раз встретил я у них Е.К. Брешко-Брешковскую, уже переступившую девятый десяток, но все еще бодрую. О Керенском она говорит, как влюбленная, к похвалам Советской России относится недоброжелательно, но на вопрос мой, где было лучше: на каторге или в эмиграции, недолго подумав, ответила: здесь хуже - надежды вернуться на родину нет».[1]

Тоска по родине чувствуется и в статье «Снующая Русь», в которой Брешковская анализирует причины пассивности русской молодежи в эмиграции: «Не то теперь, все движется на «авось» и ради «авоси». Неизвестна среда, неизвестны условия, не знаешь сам на чем придется остановиться, помириться на чем. Да не все ли равно. Сколько бы не сновал человек среди чужих поселений – он всегда остается одинок, всем чуждый. Он даже не хочет думать «о цели» здесь, вдали от Родины. Только не многие избранные находят пристанище духа своего, приложение знаниям, способностям своим; очень немногие».[2]

Брешковская, с ее энергичным, неутомимым характером, и стала одной из тех немногих, кто нашел себе достойное применение и за границей. Постепенно она стала отходить от работы, связанной с деятельностью ПСР за рубежом, и все больше занималась своими интернатами.

Еще в 1919 году она написала: «У меня нет ни малейшей охоты в большой город соваться. Там суета бесплодная и говорильня бестолковая».[3] Всегда занимавшаяся живым делом Брешковская считала, что деятельность российской партии вдали от России и без надежды на

---

[1] Лутохин Д.А. Зарубежные пастыри\Минувшее. №22. 1997. С. 84.

[2] ГАРФ. Ф. 5878. Оп. 1. Д. 33. Л. 4.

[3] ГАРФ. Ф. 5824. Оп. 1. Д. 250. Л.1.

скорое возвращение бессмысленна, и с большой иронией отзывалась о заграничной работе членов своей же партии. «Людьми без почвы, без средств не интересуются, нечего и лезть в глаза, официально красоваться. Когда мы присутствовали в Америке, мы знали, что Россия нас ждет, что в наших руках живое дело. А книга? В Россию и не доходят известия о наших изданиях. Кому до нас дело? Всем надоели. Надо уметь ждать своего времени».[1]

Хотя Брешковская и сторонилась публичных разбирательств в партии, был случай, когда поведение товарищей по партии так глубоко возмутило ее, что она вместе с Егором Лазаревым вынуждена была обратиться за разъяснениями в Исполнительный Комитет Социалистического Интернационала; поводом для обращения послужило содержание «Меморандума 4-х членов Русской Заграничной Делегации ПСР» - Чернова, Шрейдера, Гуревича и Русанова, поданного ими в Исполнительный Комитет Социалистического Интернационала в ноябре 1928 года. В своем заявлении эти заслуженные члены партии сообщали общественности, что выходят из состава заграничной организации ПСР, вследствие чего данная «организация ПСР потеряла свое право называться партийной организацией, и полагают, что эта организация должна быть распущена». Авторы Меморандума требовали от Интернационала, во-первых, констатации неправильности состава ПСР на Брюссельском конгрессе, и, во-вторых, признания того, что Сухомлин не может далее исполнять обязанности представительства эсеровской партии в Исполнительном Комитете Интернационала, в связи с чем, собирались выбрать нового представителя от своей отделившейся группы, и все это не поставив в известность о своих планах остальных членов ПСР. Как пишет Брешковская, факт обращения четырех членов партии в Интернационал по сугубо внутреннему вопросу вызвал у нее возмущение, но, прежде всего, она была удивлена тем, что секретарь Интернационала Ф.Ф. Адлер

[1] ГАРФ. Ф. 5824. Д. 258. Л. 2.

написал членам отколовшейся группы ответное письмо, в котором сообщил, что Меморандум напечатан в «Бюллетене» и представлен для обсуждения в Исполнительный Комитет, при том, что остальные члены партии даже не были оповещены о сути вопроса. Брешковская обвинила бывших товарищей в стремлении «дискредитировать и разбить партийную организацию».[1]

В отличие от многих соратников по партии, она с пониманием относилась к случаям репатриантства, и даже сама, в свои восемьдесят лет, думала о возвращении в Россию, но не торопилась с отъездом, собираясь вернуться не просто так, а, надеясь, что ее еще специально вызовут на работу. В одном из писем своему старому другу Егору Лазареву Брешковская рассказывает о слухах, которые про нее распускает некая Струнская; якобы Брешковская получила из неизвестных источников двести тысяч долларов и написала об этом в Париж. Комментируя эту историю, она признается: «Кабы это правда была - поехала бы в Россию и тебя взяла бы». В письмах она неоднократно упоминает о том, что пишет в Россию, но ответные письма не приходят.[2] Отъезд бывшего министра Временного правительства А.В.Пешехонова в Ригу на должность советского торгпреда Брешковская восприняла спокойно, заявив, что для нее это не сюрприз, и эсеры напрасно осуждают его. «Мы с тобой погодим маленько, пока не позовут на работу в самой середке».[3] Такие наивные предположения свидетельствуют о том, насколько смутно Брешковская представляла себе политическую жизнь в СССР; еще в 1922 году образ Брешковской на родине планировали использовать во время празднования так называемого "комсомольского рождества". В статье теоретика антирелигиозной пропаганды И.И. Скворцова-Степанова "Комсомольское рождество", опубликованной 15

[1] ГАРФ. Ф. 5824. Оп. 1. Д. 599. Л. 1-3.

[2] Там же. Д. 258. Л. 6.

[3] Там же. Д. 250. Л. 1.

ноября 1922 года в газете "Правда", было предложено ввести в комсомольские карнавалы при организации ряженых элемент политической сатиры, и наряду с ряжеными в Христа и Богородицу, представить, например, "бабушку" Брешковскую, возносящую молитвы за Милюкова.[1]

В эмиграции у Брешковской, действительно, наладились более теплые отношения с представителями правых партий, в частности, она поддерживала хорошие отношения и с Милюковым, с которым была знакома еще с 1903 года. Поздравляя его с 75-летием, она обращается к нему как к старому другу и превозносит его многочисленные заслуги перед российской демократией, используя при этом крайне цветистые выражения: «Многолетними, неутомимыми трудами своими ты вскрыл пред нами вековые сокровища ума и духа русского народа, дал нам понять глубину их несравнимых гениев. ...Честь и слава тебе, истый гражданин великой родины своей, Павел Николаевич Милюков. Многая лета, многая лета...»[2] За границей она продолжает переписку и с Керенским, который обосновался в США, хотя сам он писал ей не часто. Брешковская искренне верила, что американская демократия является образцом наиболее справедливого государственного устройства, и писала, что выступления Керенского в Америке очень важны, поскольку «надо иметь сношение на будущее, ибо Соединенные Штаты нам единственные союзники».[3]

Отказавшись в эмиграции от собственной политической работы, Брешковская всячески подталкивала к ней живущего в США Керенского. Он же, в одном из редких писем Брешковской, делился аналогичными соображениями по поводу своей деятельности за границей:

---

[1] Алексеев А.А. Штурм небес отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. 1992. С. 31.

[2] ГАРФ. Ф. 5975. Оп. 1. Д. 131. Л. 1.

[3] Там же. Ф. 5824. Оп. 1. Д. 258. Л. 2.

«...совершенно не удовлетворен до смешного ничтожной возможностью работать политически. Это сплошной самообман».[1]

Брешковская постоянно печатала свои статьи в эмигрантском журнале «Дни» - ее работы опубликованы в отделах литературной критики, философии, права, социальных вопросов и воспоминаний. За период с 1922 по 1928 год увидели свет двенадцать мемуарных статей, которые в основном были посвящены памяти ее соратников по революционной борьбе; среди них такие, как «Смерть человека. (Н.В. Чайковский)», «Сергей Филиппович Ковалик», «Софья Андреевна Иванова-Борейша».[2] Юбилеи Брешковской справлялись за границей регулярно и с большой торжественностью. Например, по случаю ее 85-летия Парижская организация ПСР организовала 17 февраля торжественное чествование, в котором приняли участие представители французской, итальянской и бельгийской социалистической партий, а также представители грузинской социал-демократии, армянской революционной партии Дашнакцутюн и многих других политических объединений. [3]

В начале тридцатых годов, когда Брешковская по состоянию здоровья вынуждена была окончательно отойти от дел, касающихся финансирования интернатов, пожертвования из Америки значительно сократились. Как ни старались активисты комитета самостоятельно собирать деньги для содержания школ среди местного населения и карпаторусских эмигрантов в Америке, достичь бюджета прежнего размера им не удалось, и деятельность общества «Школьная помощь» постепенно сошла на нет.

---

[1] ГАРФ. Ф. 5975. Оп. 1. Д.129. Л. 3.

[2] Вишняк М. «Современные записки». Воспоминания редактора. 1993. С. 90.

[3] Сухомлин В.В. Политические заметки по поводу 85-летия Брешко-Брешковской Е.К.\Воля России. II. 1929. Прага. С. 102-103.

Бывая в Праге, Брешковская жила в маленькой комнатке на Хорватской улице,[1] но столицу Чехии не любила, предпочитая ей куриную ферму в селе Хвалы-Почерницы, на которой она и решила, в конце концов, поселиться, по ее словам, «до самого переезда в Россию, и, в крайнем случае, до переселения в горние вершины».[2] Ферма принадлежала ее старым друзьям: супругам В.Г. и Л.В. Архангельским, с которыми она познакомилась еще в Сибири в 1896 году, и Б.Н. Рабиновичу, секретарю Заграничной Делегации ПСР. Последние годы, которые она провела на ферме, были омрачены тяжелыми болезнями. Любое легкое недомогание за последние пять-десять лет могло стоить ей жизни, но каждый раз Брешковская побеждала смерть, что, по словам врачам, почти граничило с чудом. По-видимому, она достаточно тяжело переживала свою физическую беспомощность, так как в письмах часто упоминала об этом: «одна я ничего не помогаю и только стараюсь поменьше быть в тягость...[3] Моя старость бесконечная, все только повторяют: «Мужайтесь, крепитесь, скоро поправитесь», а я отвечаю: «не поправлюсь, а только в тягость добрым людям». За год до смерти Брешковская сделалась неподвижною, и проводила время, лежа в постели или сидя в кресле. Почти совсем ослепшая и оглохшая, она превратилась, как сама себя называла, смеясь, в «живую мумию», «каменную бабу». Лишь иногда она вдруг начинала громко разговаривать с окружающими, спрашивать что-то или отвечать на обращенные к ней слова. За несколько недель до смерти она вдруг рассказала сон, который видела накануне. «Снилось мне, что я в артели с другими ловлю рыбу на большом озере. И так мне стыдно перед всеми, что у всех счет рыбы оказался правильным, а у меня столько-то не достает».[4]

---

[1] Кускова Е. Брешко-Брешковская Е.К. (К 85-летию)\Последние новости. №1. 1929. Прага. С.2.

[2] ГАРФ. Ф. 5824. Оп. 1. Д. 258. Л. 1.

[3] ГАРФ.Ф. 5824. Оп.1. Д. 258. Л.1.

[4] Там же. Д. 676. Л. 2.

Уже на пороге смерти Брешковскую впервые посетили мысли, волнующие большинство людей на протяжении всей жизни - она высказала сомнения в правильности выбранного ею жизненного пути. Подобное запоздалое признание окруженной всеобщим уважением девяностолетней революционерки говорит об определенной честности Брешковской перед самой собой. Благодаря друзей, ухаживавших за ней в последние годы жизни, она писала: «вы дали мне возможность пересмотреть все мое многообразное прошлое, удивительной дерзости характер мой, собравший в себе все доброе и все дерзкое своего размаха и на конце жизни ужаснувшийся этих дерзостей. Вы все это сумели понять и приютить у себя натуру грешника. Одно лишь извиняет эту дерзость – никогда эти побуждения не были корыстными, все делалось мною из сожаления к людям».[1]

В своем завещании, написанном 11 ноября 1933 года, то есть примерно за год до смерти, в то время, когда Брешковская была уже тяжело больна, и адресованном ее ближайшим друзьям в эмиграции А.Ф. Керенскому, В.Г Архангельскому и Е.Е Лазареву, она написала: ... "после моей смерти все мое имущество, в чем бы оно не заключалась и где бы оно не находилось, я завещаю в полную собственность Керенскому Александру Федоровичу, Архангельскому Василию Гавриловичу и Лазареву Егору Егоровичу: от совместной воли их, а в случае смерти кого-либо из них, то воли оставшихся в живых, зависит распорядиться завещанным им имуществом по их усмотрению".

Завещание написано чужой рукой, так как в то время Брешковская уже не могла писать самостоятельно, и лишь заверено ее подписью.[2] Незадолго до смерти, 15 марта 1934 года, она продиктовала и свое духовное завещание - письмо «Мир знакомый».

---

[1] ГАРФ. Ф. 5824. Оп. 1. Д. 676. Л. 1.

[2] Там же. Ф. 5975. Оп. 1. Д. 2. Л.1.

“Мир знакомый, мир добрых людей, мир, что я знала, что знали мы друг друга. За хорошую ли, за дурную ли знали ли меня, но делали мне честь знать меня. Хочу сказать тебе – до свидания... Все, что я делала, было от чистого сердца, и все, что люди делали для меня, думаю, тоже от чистого сердца, а потому, уходя от тебя, ухожу от себя, не с укорами, а с благодарностью, понимая, что во всем лучшем к тебе благодарность, тебе обязана, и во всем дурном обязана самой себе. Природа, – дала мне слишком много эмоций, – чтобы жизнь моя могла идти ровными размерами без бурных скачков... Во всяком случае могу сказать, что жизнь была ко мне милостива... и тем, кто принял меня своим другом, я бесконечно благодарна не только здесь, но и в том будущем мире". [1]

Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская скончалась 15 сентября 1934 года в возрасте 90 лет и была похоронена в селе Хвалы-Почернице, которое стало ее прибежищем в последние годы жизни. В некрологе, посвященном Брешковской, А.Ф. Керенский написал: «Совершив удивительный подвиг самоотверженной любви, Брешковская сомневалась, был ли смысл в ее жизни, оправданы ли те страдания, которые, уходя из родного дома, она причинила своим любимейшим и ближайшим по крови. Никто на земле не мог и не смел дать ей успокоительного ответа. Да и не приняла бы Катерина Константиновна такого утешения”.[2]

Как только стало известно о смерти Брешковской, целый ряд чешских организаций заявил о своем желании принять участие в погребении; пражским городским самоуправлением было принято решение взять организацию похорон на свой счет. Чешские легионеры высказали предложение захоронить Брешковскую в пантеоне Музея национального освобождения, но это идея не была поддержана эсеровской

---

[1] ГАРФ. Ф. 5975. Оп. 98. Д. 2. Л. 1.

[2] Керенский А.Ф. Брешко-Брешковская Е.К. (1844-1934) Некролог\Современные записки. 1934. №54. С. 396-397.

общественностью. Члены партии меньше всего хотели какой–либо пышности и старались во всем следовать духу покойной: «как можно скромнее, как можно проще, как можно дальше от всякой парадности».[1] Ближайшие друзья Брешковской даже отклонили предложение о перенесении похорон в Прагу, и погребение прошло 15 сентября 1934 года на кладбище села Хвалы-Почерницы, в котором покойная прожила последние девять лет своей жизни. Брешковская на протяжении всей жизни пренебрежительно относившаяся к религиозным обрядам, умирая, завещала похоронить себя по православному обычаю, что и было исполнено, несмотря на атеизм окружающих.[2] Хотя похороны Брешковской были гражданскими, 17 сентября в православных храмах Ужгорода и Мукачева были отслужены заупокойные панихиды.[3]

Никогда прежде здесь не было такого стечения народа; проводить Брешковскую в последний путь пришли тысячи людей, среди которых помимо огромного количества представителей эсеровской эмиграции, были и крупнейшие государственные деятели Чехии: председатель Сената Соцкуп, представитель министра иностраных дел Зноемский, сенатор от Подкарпатской Руси Цурканович и многочисленные журналисты. Председатель чешского Сената в своей речи выразил уверенность в том, что могила Брешковской станет местом паломничества, и что придет тот час, когда сами граждане России понесут на своих плечах останки Бабушки на Родину. Будущий перенос тела в Россию был предусмотрен и организатором похорон – городским самоуправлением Праги: для этой цели были предназначены цинковый гроб и выложенный камнем склеп. В.М.Чернов в своей речи заметил, что «в течение жизни ею было столько прожито и пережито, что другим хватило бы на десятки жизней».[4]

---

[1] ГАРФ. Ф. 5824. Оп. 1. Д. 676. Л. 5.

[2] РГАСПИ. Ф. 274. Оп.4. Д. 12. Л. 14.

[3] ГАРФ. Ф. 5824. Оп. 1. Д. 675. Л. 1.

[4] ГАРФ.Ф. 5824. Оп. 1. Д. 676. Л. 4.

Вскоре после смерти Брешковской ее друзья во главе с Е.К. Архангельским создали специальный комитет по сооружению памятника революционерке в Хвалы-Почернице, но этому замыслу не суждено было сбыться в полном объеме[1] - в 1937 году на могиле был установлен лишь бюст Брешковской работы скульптора М. Суханека.[2]

Последний, завершающий период жизни революционерки был проведен в эмиграции - Брешковской суждено было прожить за границей долгих семнадцать лет, но для справедливой оценки ее деятельности в данный период необходимо учитывать, что в 1917 году ей уже было семьдесят три года, по причине чего данный отрезок жизни революционерки не был столь активен, как предыдущие.

Очень велико эпистолярное наследие периода эмиграции – написанные Брешковской в этот период многочисленные воспоминания, статьи и письма представляют большой интерес для истории революционного движения в России. Первое время после отъезда, когда еще была жива надежда на скорое изменение политической ситуации в России, она активно занималась агитацией против новой власти. Но, видя безрезультатность заграничной работы, Брешковская постепенно практически полностью отходит от партийной деятельности, справедливо полагая ее бессмысленной в новых условиях, и сумев найти достойное применение своим силам, посвящает остаток жизни просветительской работе с крестьянскими детьми.

---

[1] ГАРФ.Ф. 5824. Оп. 1. Д. 675. Л. 1.

[2] Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи. (1917-1997) Т. 1. М. 1999. С. 410.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Е.К. Брешко-Брешковская представляет собой крайне редкий, уникальный пример политического долгожительства - ни один из известных революционеров ее поколения в силу различных причин уже не принимал столь активного участия ни в политической жизни десятых годов XX века, ни тем более в событиях 1917 года и последовавших за ними. «Киевская Коммуна», «хождение в народ», двадцатилетнее заключение и т.д. – вся жизнь Брешковской четко делится на ряд периодов, различных по протяженности и событийной насыщенности. При этом имя Брешковской всегда связывалось, прежде всего, с партией социалистов-революционеров, в программе которой нашли соответствующее выражение народнические взгляды самой Брешковской.

Общественно-политические и теоретико-идеологические взгляды Брешковской на протяжении жизни претерпели ряд изменений. Ее путь в революционное движение начался с юношеского увлечения народничеством и желания внести свою лепту в его образование и дальнейшее освобождение от монархии. Мировоззрение Брешковской, включающее в себя базирующиеся на славянофильской традиции народнические идеи в сочетании с упрощенным христианским идеализмом и богоискательством, со временем приняло революционную направленность. В дальнейшем и эти убеждения претерпели определенную эволюцию, выразившуюся в государственном оформлении революционных и народнических взглядов, и их постепенном перерождении в буржуазно-либеральные. Народники 70-х годов отстаивали идею о том, что опирающаяся на общинное землевладение Россия перейдет к социализму, минуя стадию капиталистического развития. Но, вскоре капитализм стал уже свершившимся фактом российской жизни, в результате чего политическое мировоззрение

Брешковской было подвергнуто определенной коррекции в сторону европейской демократической модели послереволюционного общества, на что повлияли и ее многолетние связи с западной либеральной общественностью.

Но в целом общественно-политические взгляды Брешковской, как и большинства эсеров, носили интегральный характер и представляли собой достаточно эклектичное сочетание всех вышеперечисленных идеологических концепций, причем понимаемых достаточно своеобразно. Заимствуя из всех теорий тезисы, соответствующие ее собственным представлениям о государственном устройстве, Брешковская зачастую искусственно пыталась приспособить их к современной ей российской действительности.

Являясь горячим приверженцем западных политических ценностей, идеалом государственного устройства Брешковская считала демократическую республику с сильной государственной властью, ориентированную на опыт США и западноевропейских стран. Отрицая обряды православной церкви, Брешковская по своему мировоззрению являлась носительницей скорее протестантско-позитивистской этики - история всего мира, и России в том числе, рассматривалась ею как поступательное и неуклонное движение на пути к прогрессу.

Понимая культурное своеобразие своей страны и отсталость ее населения, Брешковская, видимо, в полной мере не осознавала ментальный контекст российской цивилизации, почему и относила Россию к странам «догоняющего» типа развития. Она надеялась, что под воздействием всеобщего образования и свободы Россия сможет достаточно быстро догнать западные страны - коренным отличием многочисленных выступлений и статей Брешковской в 1917 году от лозунгов ее политических противников, звавших к классовой борьбе и установлению диктатуры пролетариата, были постоянные призывы к труду и самообразованию и демократическим ценностям.

Брешковская не считала необходимым полное упразднение крупной частной собственности, выступая лишь за ее передел в определенных рамках. Свойственные ей утопические представления о нравственном преображении России после революции, о возможности искоренения естественным путем всех общественных пороков, давали Брешковской основания надеяться на будущее исчезновение столкновений на почве классовых различий и соглашение всех сил общества.

Несмотря на подобную эволюцию, Брешковская осталась приверженцем самых радикальных способов достижения целей. Революционерка-народница в 1917 году оказалась наиболее ярой государственницей среди всех лидеров ПСР, что выражалось в тяге к сильной власти и неделимости страны.

Являясь человеком поступка, Брешковская всегда тяготела к философии «боевого действия», проведение которой в жизнь в 1917 году, наряду с другими причинами, сковывала и бюрократизация эсеровской партии, ставшей одной из правящих. Подобная позиция стала одним из факторов, послуживших ее сближению с представителями буржуазии, многие из которых также выступали за применение более жестких военных мер. Брешковская выступала за консервативный, реформистский путь развития свободной России, и ее поддержка корниловского выступления и надежды на иностранную помощь стали отчаянными попытками повлиять на уходящую из-под контроля Временного правительства ситуацию.

Представляя собой тип идеалиста в политике, Брешковская искренне верила в правоту своего дела, которое, судя по всему, считала определенной миссией, возложенной на нее свыше, вследствие чего личные цели, будь то удовлетворение властных амбиций или материальное обогащение, практически отсутствовали в мотивации ее общественной деятельности.

Для изучения феномена профессионального революционера, представляется необходимым рассмотреть причины формирования радикального сознания у человека из благополучной семьи. Детство и юность Е.К. Брешковской, несмотря на внешнее спокойствие, стали определяющим этапом личностного становления революционерки. Брешковскую характеризовало очень раннее осознание жизненных целей и приоритетов - принципы, сформировавшиеся еще в детстве, претерпели довольно мало изменений в течение всей ее последующей жизни. Интересно, что Брешковской в детстве не пришлось испытать ни материальных лишений, ни психических травм, которые могли бы решающим образом повлиять на ее будущее. Определенную роль в формировании убеждений Брешковской сыграло влияние достаточно либеральных родителей, жизнь в провинции и общение с крестьянами, но, в отличие от многих революционеров, решающим фактором в определении судьбы будущей революционерки стали особенности ее личного мировосприятия.

Долгое время Брешковская колебалась в выборе пути достижения своих целей - первоначальные занятия чисто просветительской работой в крестьянстве встретили преследования со стороны властей, и, по-видимому, не приносили окончательного удовлетворения и самой Брешковской, следствием чего и стал постепенный переход к революционной деятельности. Начальный этап биографии Брешковской типичен для многих русских революционеров и либералов - предпринятые ею попытки совместить обычную жизнь с работой на благо народа потерпели крах. Но с годами ее народнические взгляды лишь укреплялись, и окончательное решение перейти к более радикальным методам борьбы Брешковская приняла, будучи в отличие от большинства революционеров уже зрелым человеком, имеющим собственную семью и определенный жизненный опыт.

Разочаровавшись в эффективности легальных методов, она становится членом крупного революционного кружка «Киевская Коммуна», где уже являясь сторонницей бакунинской теории «революционного» народничества, в которой преобладало отрицательное отношение к легальной деятельности, принимает участие в знаменитом «хождении в народ».

Но, несмотря на все усилия, желаемый политический эффект в среде крестьян так и не был достигнут – пропаганда Брешковской не нашла горячего отклика среди данной аудитории. Характерно, что и в первый период своей революционной деятельности Брешковская в силу природного максимализма и радикализма уже проявляла себя как сторонница насильственных преобразований в обществе. Выводы, сделанные Брешковской после провала «хождения в народ», были учтены ею при последующем создании партии социалистов-революционеров - следствием полученных уроков впоследствии стал переход к более радикальным, в том числе террористическим, методам борьбы, совершенствование конспирации и организационные изменения.

Несмотря на то, что двадцать два года, проведенных на каторге и поселении, стали периодом вынужденного бездействия - тюремное заключение не сломило Брешковскую, став важным рубежом биографии революционерки. В тюрьме она впервые ознакомилась с теоретической стороной революционного движения, после раскола народничества сразу и решительно встав на сторону народовольцев – сторонников террористических методов борьбы. В это время окончательно определились основные будущие приоритеты Брешковской: сочетание террористической борьбы, к организации которой она прибегала и будучи в заключении, с массовой пропагандистской работой среди крестьянства - наиболее многочисленной группы населения Российской империи.

Уже во время «процесса 193-х» Брешковская высказывалась за объединение с западноевропейскими революционными партиями и

создание внутри революционного движения специальной женской секции, что предвосхитило ее последующее сближение с западными либералами и феминистками. Несмотря на отдаленность от центра, Брешковская и находясь в Сибири, сумела наладить новые связи как с русскими революционерами, так и с иностранными либералами. После неудачного побега срок заключения был продлен, и за время, прошедшее с 1874 по 1896 годы, Брешковская превратилась из относительно молодой женщины в «бабушку русской революции».

Всего вышеперечисленного уже было бы достаточно для того, чтобы имя Брешковской заняло место в истории революционного движения России. Однако, в отличие от большинства участников народнического движения 1870-х годов, к 90-м годам XIX века в силу возраста и других объективных причин, отошедших от работы, для Брешковской этот период стал лишь началом нового этапа ее революционной деятельности.

Она стала одним из главных инициаторов создания и организаторов партии социалистов-революционеров, приняв активное участие и в составлении теоретической платформы новой социалистической партии. Брешковская понимала, что на смену отдельным разрозненным и преимущественно студенческим кружкам 70-х годов должна придти массовая партия, имеющая единый центр и включающая в себя представителей всех групп населения. Годы организационного становления ПСР были сложными, но и после двадцатилетнего заключения Брешковская смогла органично влиться в ряды революционной молодежи и заново завоевав влияние в их среде, стать одним из главных создателей новой партии, ставшей реальной альтернативой быстро распространявшемуся марксизму. Обладая незаурядным ораторским талантом и даром убеждения, Брешковская сумела привлечь и объединить именно тех людей, которые впоследствии составили костяк партии социалистов-революционеров.

Идейная платформа ПСР базировалась на традициях народничества и изначально создавалась как противовес нарастающему распространению марксизма в России, так как Брешковская со времени знакомства с этим течением выступала в качестве его оппонента. Корни антибольшевизма Брешковской лежат в том, что характерной чертой ее народнического мировоззрения была твердая уверенность в особом пути России как аграрной страны с устойчивыми общинными традициями и неприятие марксистской материалистической философии как крайне упрощенной идеологической схемы.

В качестве основных целей партии эсеров провозглашались свержение монархии, создание демократической республики и социализация земли. Брешковской лично был сформирован костяк партии, который, по планам создателей, должен был объединить революционеров старого и нового поколения с народными, преимущественно крестьянскими массами. Но эти надежды не оправдались - в реальности активное участие в работе партии принимали лишь две первые из вышеназванных групп.

Брешковская была ярой поборницей пропагандистской работы среди крестьянства - несмотря на встреченное на первых порах сопротивление некоторых однопартийцев, при ее активном участии ПСР стала партией, уделявшей наибольшее внимание самому многочисленному в дореволюционной России слою населения. Брешковская заложила и развила методы эсеровской пропаганды в крестьянстве – ее личной заслугой является массовая организация кружков в деревне, постановка издательского дела и распространение литературы для крестьянства, в частности, Брешковская издала первую в России «Крестьянскую газету». В программе созданного ею же Крестьянского Союза ПСР содержались планы организации в крестьянстве экономических кооперативов для подготовки к будущей социализации, общественных объединений для развития в народе

самостоятельности и правового сознания, организации массовых стачек и террора.

Провозглашенная Брешковской ставка на крестьянство не оправдала себя полностью - участие этого класса населения в деятельности партии было минимальным. Несмотря на это, партия эсеров в достаточно короткие сроки стала массовой и заняла свою нишу на российской политической сцене, и хотя надежды на работу с крестьянами не были реализованы полностью, в течение нескольких лет ПСР стала наиболее известной и популярной среди крестьянства политической партией.

Все однопартийцы признавали ее незаменимость для ПСР в качестве духовного лидера и вдохновителя молодежи, но отмечали и слабость Брешковской в вопросах теории и идеологии, с чем соглашалась и сама революционерка. Главной идейной установкой, которую Брешковская пронесла через всю жизнь, была убежденность в необходимости самопожертвования для блага народа, основополагающей частью которого она считала крестьянство. По ее мнению, представители других слоев общества, прежде всего, дворяне и интеллигенция, находятся в неоплатном долгу перед народом и должны сделать все возможное для улучшения его положения. Брешковской были присущи свойственные всем народникам преувеличенные ожидания, которые она возлагала на народное просвещение, что не мешало ей на протяжении всей жизни продолжать испытывать серьезные иллюзии по поводу степени благотворного влияния интеллигенции на воспитание русского народа. Неудача «хождения в народ» сделала Брешковскую сторонницей выдвинутой П.Л. Лавровым и Н.К. Михайловским теории берущего на себя ответственность за большинство и ведущего за собой народ «активного меньшинства». Идея самопожертвования, принесения в жертву себя и допустимость принесения в жертву других в конечном счете и привела Брешковскую к идее добиваться политических целей с помощью террористической борьбы, к мысли о том, что террор в

сочетании с работой в массах - наиболее быстрый, действенный и радикальный способ достижения главной цели всей ее жизни - свержения монархии.

В мировоззрении Брешковской своеобразно сочетались противоречащие друг другу идеи христианства и революции; будучи ярой сторонницей террористических методов борьбы, Брешковская не видела в терроре нравственных противоречий, если конечной целью его является республика. На протяжении всей жизни личность Брешковской отличала непреклонная уверенность в правоте своего дела, в результате чего осознанный фанатизм на пути к главной цели постоянно переходил в беспринципность по отношению к методам ее достижения. Теоретико-идеологические взгляды Брешковской, как и других социалистов-революционеров, отличались идеализмом и утопизмом, хотя подобные убеждения были свойственны мировоззрению многих деятелей революционного движения конца XIX-нач. XX вв, считавших самое радикальное государственное переустройство наилучшим способом решения большинства проблем, стоящих перед Россией.

Признание целесообразности политического террора как одного из основных методов борьбы с самодержавием, было неизменным приоритетом Брешковской, несомненным доказательством чего может служить ее постоянное внимание к деятельности Боевой Организации. Теракты, прогремевшие на всю Россию, подготовленные членами БО (Гершуни, Савинков, Каляев, Балмашев) не состоялись бы без участия Брешковской.

Принимая участие во всех политических мероприятиях партии, Брешковская всегда отстаивала независимую позицию, часто шедшую вразрез с планами большинства членов ЦК. Пропаганда террора сопровождала ее выступления на протяжении всей революционной деятельности, причем ее призывы к массовому террору выделялись своей радикальностью даже среди сторонников подобных методов борьбы

внутри ПСР. Особенно много протестов встретили так и нереализованные планы Брешковской по передаче террора при помощи опекаемой ею группы «аграрных террористов» в руки широких народных масс - в апреле 1905 года она безуспешно призывает к стихийному народному восстанию. Авантюрные планы Брешковской по организации массового аграрного террора не были осуществлены – ни большинство членов партии, ни тем более крестьянские массы не были готовы пойти на столь радикальные формы борьбы. Таким образом, эсеровский террор, ставший самым известным направлением партийной работы, хотя и способствовал увеличению популярности ПСР, внесению смятения в российское общество и изменению отношения к самодержавию, но конечная его цель - пробуждение народных масс к самостоятельной политической борьбе, так и не была достигнута в полной мере.

В итоге, уже в 1910-х годах, Брешковская столкнулась с многочисленными разногласиями внутри партии, чему способствовало отсутствие единого лидера, давшее свои плоды в 1917 году. Тем не менее, она всегда продолжала оказывать значительное влияние на большинство решений, принимаемых ЦК. Благодаря ее активной позиции был введен запрет на экспроприации и расширена работа пропагандистских организаций. Именно Брешковская стала инициатором объединения эсеровской эмиграции и создания Заграничного комитета партии, на счету которого сбор значительных сумм в фонд партии в США и укрепление связей с западной либеральной общественностью, неизменной поддержкой которой эсеры пользовались на протяжении всего периода существования партии.

За эти годы авторитет Брешковской внутри ПСР лишь укрепился; среди руководителей партии она заняла особое место харизматического лидера, одновременно став известной во всей России, как знаковая фигура революционного движения в целом. Ее второй арест по времени совпал с началом кризиса ПСР, и образ находящейся в ссылке Брешковской стал

объединяющим символом для всех членов партии социалистов-революционеров.

Оценивать деятельность Брешковской после выхода на свободу в 1917 году можно лишь учитывая все обстоятельства, в которых ей пришлось работать в этот период. Она стала единственным человеком из своего поколения революционеров, который, несмотря на преклонный возраст, принимал самое активное участие в политической жизни страны в 1917 году. Ситуация в ее родной партии, как и во всей стране, в политической жизни которой Брешковская отсутствовала в течение десяти лет, значительно изменилась. Пережив тяжелый внутрипартийный кризис, последовавший после разоблачения Азефа в 1907 году, в результате Февральской революции ПСР становится крупнейшей партией России, входящей в правительство и оказывающей существенное влияние на жизнь всей страны.

В 1917 году Брешковская стала одним из лидеров «правых» эсеров, выступающих за продолжение войны до победного конца, коалицию с либеральными партиями и передачу земли крестьянству. Брешковской, привыкшей к тяжелым, но простым и ясным условиям подпольной борьбы, пришлось действовать в совершенно новой обстановке; она впервые оказалась в гуще открытой борьбы за власть между партиями, стала свидетелем и участником небывалого прежде разлада среди самих эсеров, столкнулась с потерей былого авторитета ветеранов революционного движения.

Одним из главных лозунгов Брешковской в 1917 году было продолжение войны до победного конца в союзе с Антантой, участие в которой она расценивала как необходимое условие для последующего вхождения России в число демократических стран Европы. Но идея о продолжении войны, которую она проповедовала на средства заинтересованных в ней американцев, была крайне непопулярна среди уставшего от войны и не понимающего ее целей народа. Коалиция с

представителями либеральных партий, в которой Брешковская видела защиту от диктатуры большевиков и единственное средство мирного доведения страны до Учредительного Собрания, также не встретила понимания в обществе. Союз с находившейся в меньшинстве богатой буржуазией лишь дискредитировал правых эсеров в глазах неимущего и жаждущего быстрых перемен большинства – тем более, что ради сохранения коалиции Брешковской пришлось лавировать и идти на принципиальные уступки. Еще в первой половине 1917 года Брешковская выступала за более активные действия Временного правительства в области внутренней политики, в частности, за немедленную передачу земли крестьянам, что было одним из главных лозунгов большевиков, привлекавшим к себе народные массы. Но противодействие союзных либеральных партий, оказывавших поддержку Временному правительству и «правым» эсерам с Брешковской во главе, оказалось решающим, и проведение в жизнь единственной популярной инициативы Брешковской было отложено до созыва Учредительного Собрания и так и не реализовано. Всю жизнь проповедуемый Брешковской главный лозунг аграрной программы ПСР о социализации земли, бывший краеугольным камнем всей партийной программы, оказался брошен «правыми» эсерами ради сохранения коалиции с буржуазией. Эта роковая уступка лишь послужила падению популярности Временного правительства и увеличению влияния большевиков. Таким образом, ни одна из идей Брешковской не была осуществлена в полной мере. Безоговорочная поддержка стремительно терявшего позиции Керенского, во многом основанная исключительно на личных симпатиях и благодарности, призывы к продолжению войны, ставка на заведомо бесперспективную коалицию, - все это отнимало популярность как у самой Брешковской, так и у всего правого крыла ПСР.

В отличие от многих эсеров и других представителей левых партий, Брешковская была безжалостна к противникам и выступала за самые

решительные меры пресечения деятельности большевиков - сразу почувствовав исходящую от них угрозу, она тщетно призывала правительство к немедленному запрету деятельности РСДРП.

Вместе с тем Брешковская пыталась объективно оценить причины влияния большевиков на народ, растущего, по ее мнению, благодаря обещающей быстрые и легкие пути достижения целей популярной демагогии. Однако выгодно отличавшая большевиков от представителей всех других партий последовательность и сплоченность так и не была оценена ею в должной мере. Брешковская считала необходимым применение самых жестких и радикальных мер для предотвращения установления большевистской диктатуры, так как предвидела, что любые менее решительные действия не остановят большевиков, не скрывавших, что их целью является захват власти. По ее мнению, лишь сильная власть, быстро реагирующая на любые попытки подрыва государственного строя, может защитить демократию от анархизации и последующей диктатуры; авторитаризм власти Брешковская рассматривала как необходимую гарантию защиты молодой российской республики от политического экстремизма и авантюризма.

Как и А.Ф. Керенский, в 1917 году Брешковская оказалась чужой для всех - в среде социалистов ее обвиняли в «поправении», а для представителей правых партий она так и осталась «революционеркой». Расхождения во взглядах с другими руководителями ПСР привели к внутрипартийному конфликту, в котором Брешковская упорно отстаивала собственную политическую позицию, что стало одной из причин раскола партии.

Поражение, которое Брешковская потерпела вместе со своей партией, стало логичным следствием целого ряда обстоятельств, важнейшим из которых стало отсутствие последовательной программы действий партии социалистов-революционеров, что привело в конечном

итоге к невозможности дальнейшего развития партии и к постепенному отстранению ее от реалий современной политической жизни.

Закрытие оппозиционной прессы в 1918 году лишило Брешковскую возможности публично высказывать свою общественную позицию. Ее попытки организовать борьбу с большевиками, находясь внутри советской России, были обречены на провал вследствие тотального контроля над любыми представителями оппозиции, установленного с первых месяцев большевистского правления и по жестокости многократно превосходящего все полицейские меры, с которыми Брешковской пришлось столкнуться при самодержавии.

Вынужденно перешедшая на нелегальное положение Брешковская вступает в борьбу с большевистской диктатурой на территории очагов так называемого «демократического сопротивления» – Самары, Челябинска, Уфы, которые, базируясь на отрицании большевизма, не имели ни собственной объединяющей идеологии, ни общего лидера.

В поисках путей объединения всех антибольшевистских сил, за исключением самых реакционных, играющая роль политического символа и «либерального прикрытия» Брешковская идет на бесконечные компромиссы. Она принимает участие в работе самарского Комуча, программу которого не разделяет целиком, Челябинское и Уфимское Совещания, объединившие депутатов от полярных лагерей, также состоялись, во-многом, благодаря ее участию, что в очередной раз послужило доказательством высокого авторитета Брешковской среди представителей различных политических групп и течений.

На протяжении всего 1918 года Брешковская со страниц антибольшевистской прессы взывает к соотечественникам, объясняя ситуацию и даже идя в своих статьях на приукрашивание действительности ради создания иллюзии единства. Авторитарные и демократические тенденции, практически одинаково прослеживаемые в ее выступлениях данного периода, свидетельствуют об идеологических

уступках Брешковской в 1918 году. Основной задачей своей деятельности в новых исторических условиях она видела, в первую очередь, победу над большевиками и сохранение России в качестве единого и стабильного государственного образования. Для осуществления победы в борьбе с общим врагом она считала вполне приемлемым временно оставить в стороне менее серьезные политические разногласия и пойти на серьезные компромиссы.

Будучи страстной патриоткой, на протяжении всего 1918 года Брешковская, не задумываясь о последствиях собственных действий, постоянно обращается к западным послам с дискредитировавшими ПСР призывами к интервенции. Проявлением политической недальновидности Брешковской стали и ее выступления за самоопределение народов, входящих в состав России. Являясь ярой сторонницей неделимости России, она в то же время полагала, что, получив долгожданную независимость, нации добровольно войдут в ее состав. Но самым тяжким разочарованием для Брешковской стало отсутствие готовности российского народа к цивилизованному принятию революционных перемен, - основную причину популярности большевиков среди широких народных масс Брешковская продолжала видеть в отсутствии образования и наследии прошлого.

Объединение противостоящих большевикам разрозненных политических сил так и не было достигнуто - поражение в гражданской войне приводит Брешковскую к вынужденной эмиграции. Первые годы за границей она пыталась продолжить политику сближения с кадетами для последующего создания межпартийной антибольшевистской коалиции, что было категорически отвергнуто как эсеровским партийным центром, так и «правыми» кадетами.

Со временем отойдя от партийных дел, она до глубокой старости продолжала заниматься просветительской работой среди русинского крестьянства в Чехии. Своей работой по организации школ-интернатов

для русинских детей, Брешковская показала достойный пример плодотворной деятельности за границей - это подтверждает, что, несмотря на все повороты судьбы и смены политических эпох, выпавшие на ее долю, Брешковская осталась, прежде всего, русской народницей.

В эмиграции Брешковская произвела частичную переоценку своего жизненного пути и политической деятельности - пересмотр прошлого привел ее к сомнениям в верности избранного ею пути, хотя она и пыталась оправдать многочисленные ошибки благородством целей и личной бескорыстностью. На протяжении всей жизни руководствуясь благими целями, Брешковская действовала исключительно под влиянием собственных представлений о путях решения общественных проблем, не задумываясь о возможных последствиях своих поступков, что в итоге стало одной из причин ее оторванности от народа в 1917 году и последующего поражения.

При жизни Брешковская обладала колоссальной известностью - хотя за всю долгую жизнь она занималась активной революционной деятельностью всего двенадцать лет, за этот отрезок времени ей удалось стать одним из создателей и лидеров крупнейшей в России социалистической партии. Всю жизнь борясь за свержение самодержавия и установление демократической республики, сыграв значительную роль в истории всего российского революционного движения - Брешковская оказалась практически забыта после Октябрьской революции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

1.) Архивные документы и материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

1.) Ф. 102. (Ф. Департамента полиции.) Оп. 316. 1.Ч.1. (Сообщения заведующего агентурой.)

2.) Оп.1903. №842(1). (Дело врача-бактериолога Гершуни.)

3.) Ф. 112. (Ф. Департамента полиции.) Оп.1. Д. 334. (Депеша судебного следователя Броцвальского уезда о передаче записки Жмиевской.)

4.) Там же. Д. 335 (О Вере Вериго.)

5.) Там же. Д. 336. (О Филипп и Арцыбушеве.)

6.) Там же. Д. 378. (Протокол допроса Брешковской Е.К.)

7.) Там же. Д. 379(1). (Опись найденного у Брешковской Е.К. при задержании. Пачка писем от Брешковской Е.К. отобранных у Веры Вериго. Показания Брешковской Е.К.)

8.) Ф. №112. Оп. 2. Д. 496. (Прокламация «Все люди должны быть равны».)

9.) Там же. Д. 497. (Телеграмма Брешковской Е.К. к Змеевской.)

10.) Там же. Д. 498. (Записки Бенецкого В. Брешковской Е.К. с просьбой ответить на вопросы Польгейму И. Записка последнего с просьбой сообщить, кого она подозревает в измене.)

11.) Там же. Д. 499. (Свидетельства на право свободного жительства в России на имя Феклы Косой – Брешковской Е.К. и др. (поддельные))

12.) Там же. Д. 500. (Свидетельство Веригиной Е.К. на право свободного жительства в России.)

13.) Там же. Д. 567. (Письма Вериго В.И. к Вериго В.К. и свекрови с просьбой о поездке Брешковской Е.К. в Курскую губернию.)

14.) Там же. Д. 568. (Письма Брешковской Е.К. Вериго Вере и Василию.)

15.) Там же. Д. 569. (Письма Брешковской Е.К. Ивановой О.К., Вериго О.К.)

16.) Ф. 5824. (Ф. Лазарева Е.Е.) Оп. 1. Д.119. (Статьи Лазарева Е.Е., посвященные Брешковской Е.К.)

17.) Ф. 5824. Оп. 1. Д. 250. (Письма Брешковской Е.К. к Лазареву Е.Е.)

18.) Ф. 5824. Оп. 1. Д.258. (Письма Брешковской Е.К. к Лазареву Е.Е.)

19.) Ф. 5824. Оп. 1. Д. 599. (Письма русских членов партии с.р. Брешковской Е.К. и Лазарева Е.Е. в исполнительный комитет социалистического Интернационала.)

20.) Там же. Д. 675. (Брошюра «Школьная помощь в Ужгороде». Извещение о дате панихиды и похорон.)

21.) Там же. Д. 676. (Некрологи Брешковской Е.К., собранные Лазаревым Е.Е.)

22.) Ф. 5824. Оп. 1. Д. 676. (Статья Милюкова П.Н. б/н. 1934.)

23.) Ф. 5824. Оп. 2. Д. 41. (Лазарев Е.Е. «Алиса Стоун-Блеквелл».)

24.) Ф. 5878. (Редакция газеты «Дни».) Оп. 1. Д. 33. (Брешковская Е.К. «Снующая Русь». 1924.)

25.) Ф. 5878. Оп. 2. Д. 14. (Брешковская Е.К. «По закону». (Воспоминания)

26.) Ф. 5878. Оп. 2. Д. 124. (Статья «Брешковская и ее друзья в истории России». б/д.)

27.) Ф. 5975. (Ф. Брешковской Е.К.) Оп. 1. Д. 2. (Завещание Брешковской Е.К. Керенскому А.Ф., Архангельскому В.Г., Лазареву Е.Е.)

28.) Там же. Оп. 98. Д. 2. (Открытое письмо. («Завещание») Копия, заверенная Брешковской Е.К. 15 марта 1934.)

29.) Там же. Оп. 1. Д.71. (Брешковская Е.К. «Мои соприкосновения с представителями конституционно-демократической партии». Октябрь. 1924.)

30.) Там же. Оп. 1. Д. 129. (Письма Керенского А.Ф. 1929-1932)

31.) Там же. Оп. 810. Д. 2. (Переписка председателя сената чехословацкого Соцкупа с Нетолицким, Черновым, Шапиро, Ракозиным и др. об открытии памятника Брешковской Е.К. 1937.)

32.) Там же. Оп. 811. Д. 2. (Письма комитета по сооружению памятника в Хвалах Брешковской Е.К. Архангельскому В.Г. 1937.)

33.) Там же. Оп. 1. Д. 275. (Письмо Гиппиус-Мережковской З.Н. Брешковской Е.К.)

33.) Там же. Оп. 1. Д. 774. (Письма Брешковской Е.К. от 120-ой артиллерийской бригады, членов Ховринского комитета ПСР, правления Пустотинского общества потребителей Ряжского уезда, Рязанской губернии и др.)

34.) Там же. Д. 802. (Брошюры и листовки (эсеровские), посвященные Брешковской Е.К. 1917.)

35.) Там же. Оп. 1. Д. 802. (Е.К. Брешковская. Бабушка русской революции. Этюд Морозова Н.А. «Герои дня». Общественно–политический ежедневник. № 2.)

36.) Ф. 1129. (Ф. Кропоткина П.А.) Оп. 5. Д. 318. (Письма Брешковской Е.К. Кропоткину П.А.)

Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

1.) Ф. 274. (Ф. Брешковской Е.К.) Оп. 4. Д. 12. (Записи Архангельской Л.В.)

2.) Там же. Д. 21. (Брешковская Е.К. Конспиративная квартира в Киеве, известная под названием «Коммуна». 1873 -1874.)

3.) Там же. Д. 22. (Брешковская Е.К. «К образованию партии».)

4.) Там же. Д. 24. (Брешковская Е.К. «Завещание братьям чехословакам их бабки Катерины Брешковской».)

5.) Там же. Д. 25. (Брешковская Е.К. «Свободный гражданин земли русской».)

6.) Там же. Д. 31. (Брешковская Е.К. «Письмо заключенным в советских тюрьмах с.р.»)

7.) Там же. Д. 46. (Брешковская Е.К. «К истории организации ПСР».)

8.) Там же. Д. 47. (Брешковская Е.К. «Психологический очерк».)

9.) Там же. Д. 48. (Брешковская Е.К. «Воспоминания».)

2.) Опубликованные документы и материалы

1.) Breshkovsky Caterihe. A messaqe to the American people. Introol by Kennan. New-York., 1919.

2.) Брешковская Е.К. Обязанности свободных граждан. Лозанна., б.г.

3.) Брешковская Е.К. Что нам делать в учредительном собрании? М., 1917.

4.) Ленин В.И. Государство и революция \ ПСС. М., 1962. Т. 34.

5.) Ленин В.И. О героях подлога и ошибках большевиков\Там же.

6.) Ленин В.И. Письмо Питерской городской конференции\Там же.

7.) Ленин В.И. Русская революция и гражданская война\Там же.

8.) Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть?\Там же.

9.) Народовластие. Сб. статей чл. Учр. Собр. фракции с.р. М., 1918.

10.) Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи. (1917-1997) Т. 1. М., 1997.

11.) Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т.I. М., РОССПЭН. 2000.

12.) Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т.I. 1900 – 1907. М., 1996.

13.) Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года. Документы из архива ПСР. Амстердам., 1989.

14.) Судебный процесс над социалистами-революционерами. (июнь-август 1922 г.) М., 2000.

15.) Трудовая народно-социалистическая партия. Документы и материалы. М., 2003.

3.) Периодические издания

1.) Авксентьев Н.Д. Брешковская Е.К. (к 85-летнему юбилею)/Современные записки. Париж. 1929.

2.)Бабушку хотят послать в Америку\Народное дело. Уфа. 29.10.1918.

3.) Бакай М.Е. Из воспоминаний М.Е. Бакая «Провокаторы и провокация»\Былое. №8. 1908.

4.) Беседа с Брешковской\Власть народа. Челябинск. 08.08.1918.

5.) Брешко-Брешковская Е.К.\Какая помощь нужна правительству. Власть народа. Челябинск. 16.10.1918.

6.) Брешко-Брешковская Е.К. Как я ходила в народ/Новый журнал. Нью-Йорк. № 62. 1960.

7.) Брешко-Брешковская Е.К. Общая надежда\Власть народа. Челябинск. 12.10.1918.

8.) Брешко-Брешковская Е.К. О кооперации\Народное дело. Уфа. 02.11.1918.

9.) Брешко-Брешковская Е.К. О национальном вопросе\Революционная Россия. №43. 1904.

10.) Брешко-Брешковская Е.К. Письма старого друга/Революционная Россия. №69. 1905.

11.) Брешко-Брешковская Е.К. Почему мы бедны и невежественны\Народное дело. Уфа. 14.09.1918.

12.) Брешко-Брешковская Е.К. Разве так помогают Родине?\Власть народа. Челябинск. 27.10.1918.

13.) Брешко-Брешковская Е.К. Ранние годы\Новый журнал. Кн. 60. Июнь 1960.

14.) Брешко-Брешковская Е.К. Спешная помощь общему горю\Народное дело. Уфа. 21.09.1918.

15.) Брешко-Брешковская Е.К. 1917 год\Новый журнал. Кн. 38. 1954.

16.) Брешко-Брешковский Н.Н. Воспоминания сына\Иллюстрированный журнал. №8. Париж. 1934.

17.) Встреча Брешковской с Жанно\Наш день. Самара. 16.08.1918.

18.) Государственное Совещание\Народное дело.Уфа. 27.08.1918.

19.) Движение 70-х годов по Большому процессу. Воспоминания Старика/Былое. № 12. 1906.

20.) Делегация в Америку\Народ. Уфа. 13.11.1918.

21.) «Дело народа». № 24, 27, 37, 38, 41, 47, 63, 81, 82, 89, 110, 112, 149, 151, 156, 157, 162, 164, 166, 167, 175, 179, 186, 205, 218, 221, 223, 226, 229, 284 1917г.; 3 января, 10 марта, 18, 26 – 28, 30 апреля, 16, 18 мая, 20 июня 1918г.; 20, 23, 25 марта 1919 г.

22.) Долгоруков Петр. (кн.) Три встречи/ Современные записки. № 56. Париж. 1934.

23.) Ильин И.И. Комуч\Новый журнал. Нью-Йорк. Кн. 65. 1961.

24.) К Государственному Совещанию\Народное дело. Уфа. 08.09.1918.

25.) Керенский А.Ф. Брешковская Е.К. (1844 – 1934) Некролог/Современные записки. Париж. № 54. 1934.

26.) Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте/Вопросы истории. 1990. № 6 – 12, 1991. № 1 – 11.

27.) Кооперативное движение\Власть народа. Челябинск. 23.08.1918.

28.) Кускова Е. Брешко-Брешковская Е.К. (К 85-летию)\Последние новости. Прага. №1. 1929.

29.) Лазарев Е.Е. Бабушка Брешковская/Воля России. 1 февраля 1924.

30.) Миссия Брешковской\Власть народа. Челябинск. 29.10.1918.

31.) На Государственном Совещании в Уфе\Власть народа. Челябинск. 21.10.1918

32.) О телеграмме Брешковской\Власть народа. Челябинск. 01.08.1918.

33.) Отъезд в Америку бабушки Брешковской\Народ. Уфа. 14.10. 1918.

34.) Помощник присяжного поверенного Семяновский – один из первых карийцев\Былое. №11. 1906.

35.) По поводу статьи с.р. Мои отношения к Азефу. Письма в редакцию «Былого»\Былое. Париж. № 9-12.1909.

36.) Посол Фрэнсис\Дальневосточное обозрение. 27.03.1918.

37.) Приезд Брешковской\Наш день. Самара. 06.08.1918.

38.) Резолюция Карпаторусского съезда\Народное дело. Уфа. 31.10.1918.

39.) Рутенберг П.О. Дело Гапона. Ч. 1.\Былое. № 9-12. Париж. 1909.

40.) Сухомлин В.В. Политические заметки: по поводу 85-летия Брешко-Брешковской Е.К.\Воля России. Прага. Февраль 1929.

41.) Трупп Е. Покажите лицо\Народное дело. Уфа. 09.11.1918.

42.) Фракция партии с.р. Учредительного Собрания и ее деятельность\Партийные известия. Пг. 20 января 1918 г.

43.) Шишко Л.К. К вопросу о роли интеллигенции в революционном движении\Вестник русской революции. Женева. №2. 1902.

44.) Щербатов А.П. (кн.) Молитва за Россию/Аргументы и факты. 26 октября 2004. № 44.

45.) Якушева Е. Брешко-Брешковская Е.К. К чествованию за границей ее 85-летия\ Воля России. Прага. 1924.

4.) Мемуарная литература

1.)Аксакова Г.А. Дочь генеалога\Минувшее., № 4. 1996.

2.)Амфитеатров-Кадашев В.А. Страницы из дневника\Минувшее. № 20. М.-Спб., 1996.

3.)Амфитеатров и Савинков: переписка. 1923-1945\Минувшее. №12. 1993.

4.)Азеф Е.Ф. Письма Азефа. 1893-1907. М., 1994.

5.)Алданов М. Картины октябрьской революции. Исторические портреты. Спб., 1999.

6.)Бах А.Н. Автобиография\Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989.

7.)A.S. Blackwell. The Little Grahdmother of Russian Revolution: Reminiscences and Letteps of Catherine Breshkovcky. Boston., 1918.

8.)Бабушка Брешко-Брешковская Е.К. о самой себе. Пг., 1917.

9.)Брешко-Брешковская Е.К. Воспоминания пропагандистки. 1904.

10.)Брешко-Брешковская Е.К. Из воспоминаний. Лешерн, Армфельдт, Лебедева, Крылова, Гельфман. М., 1919.

11.)Бурлюк Давид. Воспоминания отца русского футуризма/Минувшее. №5. 1988.

12.)Бурцев. В. В погоне за провокаторами. М., 1985.

13.)Вишняк М. Всероссийское Учредительное Собрание. Париж., 1932.

14.)Вишняк М. Годы эмиграции. Стенфорд., 1970.

15.)Вишняк М. Дань прошлому. Нью-Йорк., 1954.

16.)Вишняк М. «Современные записки». Воспоминания редактора. Спб., 1993.

17.)Гедеоновский А.В. Автобиография\Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989.

18.)Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. (1918-1920) Т. 1. Ч 1. Пекин., 1921.

19.)Дебагорий-Мокриевич В.К. Автобиография\Деятели СССР и революционного движения России. М., 1989.

20.)Записные книжки полковника Иванишина/Минувшее. № 17. М., 1994.

21.)Зензинов В.М. Из жизни революционера. 1919.

22.)Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк., 1953.

23.)Иванова-Борейша С.А. Автобиография\Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989.

24.)Кеннан Джордж. Сибирь и ссылка. Спб., 1906.

25.)Кирьяков. Дедушка и бабушка русской революции. Пг., 1917.

26.)Ковалик С.Ф. Автобиография\Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989.

27.)Ковалик С.Ф. Революционное движение 70-х гг.\Революционеры 70-х гг. Л., 1986.

28.)Ковальская Е.Н. Женская каторга. Из воспоминаний\Карийская трагедия (1885). Пг., 1920.

29.)Корнилов А.А. Воспоминания\Минувшее. № 11. 1993.

30.)Лазарев Е.Е. Из переписки с друзьями. Ужгород., 1935.

31.)Лазарев Е.Е. Моя жизнь. Прага., 1935

32.)Лутохин Д.А. Зарубежные пастыри\Минувшее. № 22. 1997.

33.)Майнов И.И. Автобиография\Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989.

34.)Морозов Н.А. Повести моей жизни. М., 1961.

35.)Ника\Жандармы России. Политический розыск в России. XI-XX вв. Спб.-М., 2002.

36.)Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991.

37.)Панкратов В.С. Воспоминания\Архив новейшей истории России. Публикации. Т. Ш. М., 2001.

38.)Половцовы (мать и дочь) Мне бы только умереть около нее\Минувшее. № 18. 1992.

39.)Попов И.И. Автобиография\Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989.

40.)Попов И.И. Брешко-Брешковская Е.К. Бабушка русской революции. М., 1918.

41.)Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М., 1990.

42.)Слетов С.Н. К истории возникновения партии социалистов-революционеров. Пг., 1917.

43.)Сорокин П. Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992.

44.)Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1928.

45.)Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886 – 1916. Пг., 1918.

46.)Спиридович А.И. При царском режиме\Архив русской революции. Т. 15-16. М., 1993.

47.)Степняк-Кравчинский М. Подпольная Россия\Грозовая туча России. М., 2001.

48.)Тютчев Н.С. В ссылке и другие воспоминания. М., 1925.

49.)Чарушин Н.В. Автобиография\Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989.

50.)Чарушин Н.В. О далеком прошлом. М., 1973.

51.)Чернов В.М. Перед бурей. М., 1993.

52.)Якимова А.В. Автобиография\Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989.

II. Литература

1.)Алексеев В.А. Штурм небес отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М., 1992.

2.)Алексеева Г.Д. Критика эсеровской концепции Октябрьской революции. М., 1989.

3.)Антисоветская интервенция и ее крах. 1917-1922. М., 1987.

4.)Антропов О.К. История отечественной эмиграции. Кн. I. Ч. I. Астрахань., 1996.

5.)Базанов П.Н. «Союз русских государевых людей»... Политическая и издательская деятельность\Факты и версии. Историко-культурологический альманах. Кн. III. Спб., 2002.

6.)Барабанова А.И., Варшавская Н.В., Тихонова Н.С. Тайны русской Бастилии. Спб., 2000.

7.) Будницкий О.В. Послы несуществующей страны\«Совершенно лично и доверительно». Б. А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919-1951. Т. 1. М., 2001.

8.)Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX-нач. XX в.) М., 2000.

9.) Вардин И. Политические партии и русская революция. М., 1922.

10.)Вырыпаев В.О. Каппелевцы\Каппель и каппелевцы. М. 2004.

11.)Гармиза В. В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970.

12.)Гинев В.Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 году. (К истории банкротства неонародничества) М., 1977.

13.)Голинков Д.А. Крах вражеского подполья. М., 1971.

14.)Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901-1911 гг. М., 1998.

15.)Городницкий Р.А. Б.В. Савинков и Боевая организация партии социалистов-революционеров. 1909-1911 гг.\Минувшее. №18. 1992.

16.)Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975.

17.)Добровольский А.В. Социалисты-революционеры Сибири в 1917-нач. 1920-х гг. Новосибирск., 2000.

18.)Знаменский О.Н. Учредительное Собрание: история созыва и политического крушения. М., 1976.

19.) История гражданской войны в СССР. (Под ред. Александрова Г.Ф., Минца И.И., Поспелова П.П.) Т. 1. М., 1938.

20.) История гражданской войны в СССР. (Под ред. Александрова Г.Ф., Минца И.И., Поспелова П.П.) Т. 3. М., 1957.

21.) История политических партий в России. (Под ред. Шелохаева В.В.) М., 1993.

22.) Итенберг Б.С. Движение революционного народничества. Народнические кружки и хождение в народ в 70-е г. XIX в. М., 1965.

23.) Каменев Л.Б. Между двумя революциями. М., 1923.

24.) Камнева Г.П. История возникновения партии социалистов-революционеров: проблемы отечественной историографии второй половины XX века. М., 1999.

25.) Касаров Г.Г. Партия социалистов-революционеров. М., 1995.

26.) Комин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской Социалистической революции. М., 1965.

27.) Кошель П. История российского терроризма. М., 1995.

28.) Лавров В.М. «Крестьянский парламент» России. (Всероссийские съезды советов крестьянских депутатов в 1917-1918 гг.) М., 1996.

29.) Леванов Б.В. Из истории борьбы большевистской партии против эсеров в годы первой русской революции. Л., 1974.

30.) Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., 1997.

31.) Луначарский А.В. Бывшие люди: очерк истории партии эсеров. М. 1922.

32.) Лучинская. Великий провокатор. Пг. – М., 1923.

33.) Масарик Т.Г. Юбилейный сборник по поводу 80-летия со дня его рождения. Вып. 2. Ужгород., 1930.

34.) Медведев В.Г. Белый режим под красным флагом. (Поволжье. 1918.) Ульяновск., 1998.

35.) Меламед Е.И. Русские университеты Джорджа Кеннана. Иркутск., 1988.

36.) Мещеряков В.Н. Партия социалистов-революционеров. М., 1922.

37.) Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907-1914 гг. М., 1998.

38.) Общественное движение в пореформенной России. (Сб. статей) М., 1965.

39.) Очерки антибольшевистской эмиграции 1920-1940-х гг. М., Вып. 4. 2001.

40.) Поликарпов Е.В. Идеология народничества в России. М., 2001.

41.) Попов Н.Н. Что должен знать каждый рабочий о процессе социалистов-революционеров. М., 1922.

42.) Привалова Е.А. В союзе с белогвардейской прессой. Американское бюро печати в Советской России. (1917-1920-е гг.) 1986.

43.) Протасов Л.Г. Всероссийское учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1996.

44.) Протасова О.Л. А.В. Пешехонов. Человек и эпоха. М. 2004.

45.) Процесс 193-х. М., 1906.

46.) Селезнев Г.К. Крах заговора. Агрессия США против Советского государства в 1917-1920 гг. М., 1963.

47.) Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России. (1917-1920) М., 1968.

48.) Спирин Л.М. Россия. 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987.

49.) Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. (1860-1930) М., 2001.

50.) Стеклов Ю. Партия социалистов-революционеров (правых эсеров) М., 1922.

51.) Троицкий Н.А. Общественное движение в пореформенной России. Сб. статей. М., 1965.

52.) Трукан Н.А. Антибольшевистские правительства России., М. 2000.

53.) Филд. Д. Воспоминания Е.К. Брешко-Брешковской о «хождении в народ» в 1970-х годах. Опыт источниковедческого анализа/Памяти А.А. Зайончковского. М., 1994.

54.) Челябинские письма «Бабушки русской революции»/Челябинск неизвестный. Краеведческий сборник. Вып. 3. Челябинск., 2002.

55.) Черномордик С. Эсеры (партия социалистов-революционеров). М., 1929.

56.) Юрьев А.И. Социалисты-революционеры Центрального промыш-

ленного района от февраля к октябрю 1917 года. М., 1994.

Справочные издания

1.)Большая Советская Энциклопедия. М., Т. 6. 1951.

2.)Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994.

3.) Политические деятели России: биографический словарь. М., 1995.

4.) Политические партии России. Конец XIX-пер. треть XX вв. М., 1996.

5.) Советская Историческая Энциклопедия. Т. 2. М., 1962.